Архимандритъ Михаилъ,
Проф. Спб. Духовной Академіи.

Почему намъ не вѣрятъ?

Къ церковной реформѣ.
О церковно-общественныхъ злобахъ дня.

Содержаніе: 1. Почему намъ не вѣрятъ? 2. Духовенство и общественные вопросы. 3. Господа и слуги. 4. Не все правда. 5. Уста церкви молчатъ... 6. Изъ кого долженъ состоять церковный соборъ? 7. Предстоятель или первоприсутствующій? 8. Патріархъ и Сунодъ. 9. Областное управленіе въ церкви. 10. Епископъ и епархіальные съѣзды. 11. Епископъ и консисторія. 12. Церковный судъ и слѣдствіе. 13. Въ «весеннемъ потокѣ». 14. Женщина въ весеннемъ потокѣ. 15. «Проклятый вопросъ» и церковь. 16. Приложеніе: Христіанск. союзъ въ Америкѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопрод. И. Л. Тузова, Гостиный, 45.
1906.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА,

въ С.-Петербургѣ, Садовая ул., Гостиный дворъ, магазинъ № 45,

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Ушаковъ, А. Н. Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви. Съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Изд. 3-е. Спб., 1904 г., ц. 60 к., въ учебн. перепл. 75 к., въ кол. 1 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Новый полн. пер. съ 30 англ. изд. А. П. Лопухина. 8 изд. (иллюстр. третье). Съ прилож. и примѣч. Со множествомъ великолѣпно исполн. иллюстрац. и съ прилож. раскраш. карты Палестины. Спб., 1900 г., ц. 6 р., въ роскошн. кол. пер. 8 руб.

— Жизнь Іисуса Христа. Нов. переводъ съ 30-го англійскаго изданія. А. П. Лопухина. 7-е общедоступн. изд. Въ 2 ч. Съ прилож. 16 политип. на отдѣльн. листахъ и карт. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящ. перепл. 3 р. 50 к., *Одобр. для фунд. библ. средн. учебн. зав. вѣдом. Мин. Нар. Просв.* (21 іюля 1894 г., № 14375).

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Полный перев. съ послѣдняго англ. изданія А. П. Лопухина. Со множествомъ иллюстр. и съ прил. 4-хъ раскраш. картъ путешествій св. апостола Павла. Большой роскошно изданный томъ въ 4-ю д. л. Спб., 1901 г., ц. 8 р., въ роскошномъ коленк. перепл., съ зол. тисн. и обрѣз. 10 р.

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Перев. съ 19-го англ. изд. А. П. Лопухина. 3-е общед. изд. съ карт. въ текстѣ. Въ 2 ч. Спб., 1893 г., ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для фунд. библ. сред. учеб. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Первые дни христіанства. Перев. съ посл. англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ част., болѣе 1.000 стр. убор. шрифта. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. ц. 4 р., въ изящн. кол. пер. 5 р. *Мин. Нар. Пр. одобр. для фунд. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— На зарѣ христіанства, или сцены изъ временъ Нерона. Историч. разсказъ Пер. съ анг. А. П. Лопухина. Спб. 1901 г., ц. 3 р., въ кол. перепл. съ зол. тисн. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977 допущено въ учит. библіот. низш. учил. и въ безпл. народн. чит. и библ.*

Фарраръ, Ф. В. Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Историч. разск. изъ врем. Свят. Іоанна Златоуста. Переводъ съ англійскаго. А. П. Лопухина. Спб., 1897 г., ц. 3 р., въ коленкор. перепл. 4 р. *Мин. Нар. Пр. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низш. учил. и въ безпл. народн. читал. и библ.*

— Аллегоріи. Борьба добра со зломъ. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ заведен. Министр.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Безхарактерность — причина многихъ бѣдствій. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійскаго Ф. С. Комарскаго. Въ 2 частяхъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Въ дни твоей юности. Дух.-нрав. бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 2 р. въ коленк. перепл. 2 руб. 50 к.

— Голосъ совѣсти. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р.

— Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бес. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Сила добраго вліянія — результатъ правильн. воспитан. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Въ 2 ч. Спб., 1898 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл. 3 р. *Министр. Народн. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ завед. Министерства* (4 февраля 1903 г., № 4099).

Архимандритъ Михаилъ,
Проф. Спб. Духовной Академіи.

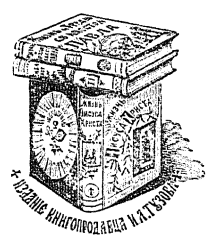
202
Ми 6

Почему намъ не вѣрятъ?

Ц 244 6321

Къ церковной реформѣ.
О церковно-общественныхъ злобахъ дня.

Содержаніе: 1. Почему намъ не вѣрятъ? 2. Духовенство и общественные вопросы. 3. Господа и слуги. 4. Не все правда. 5. Уста церкви молчатъ... 6. Изъ кого долженъ состоять церковный соборъ? 7. Предстоятель или первоприсутствующій? 8. Патріархъ и Сунодъ. 9. Областное управленіе въ церкви. 10. Епископъ и епархіальные съѣзды. 11. Епископъ и консисторія. 12 Церковный судъ и слѣдствіе. 13. Въ «весеннемъ потокѣ» 14. Женщина въ весеннемъ потокѣ. 15. «Проклятый вопросъ» и церковь. 16. Приложеніе: Христіанск. союзъ въ Америкѣ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопрод. И. Л. Тузова, Гостиный, 45.
1906.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 2-го сентября 1905 года.

Цензоръ, Соборный Іеромонахъ Александръ.

БИБЛИОТЕКЪ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
559
27

Спб. Типо-литографія М. П. Фролловой, Галерная ул., д. № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Вопросъ о созывѣ церковнаго собора мы должны считать разрѣшеннымъ въ благопріятномъ смыслѣ“ — читаемъ мы въ оффиціальномъ документѣ. Итакъ соборъ будетъ. Но если такъ, то намъ необходимо осмотрѣться, разобраться въ „наличномъ“, вскрыть „язвы и недуги настоящаго“.

Теперь эта работа пересмотра и началась во всѣхъ епархіяхъ; чтобы помочь ей, мы и рискнули бросить свое слово — въ видѣ настоящей брошюры...

Но не въ этомъ главная задача книжки. Къ автору брошюры не разъ обращались священники съ просьбой сказать, какъ долженъ относиться священникъ ко всему движенію „весенняго потока“—во всемъ его объемѣ, къ событіямъ послѣднихъ дней, къ рабочему движенію и т. п.

Обращались и не-священники, молодежь, женщины съ тѣмъ же въ сущности вопросомъ —

какъ долженъ отнестись къ вопросамъ „дня“ христіанинъ — христіанская совѣсть...

Я не считаю себя „судьей“ — ничто не даетъ мнѣ права „рѣшать“, но мнѣ казалось необходимымъ такъ или иначе сказать, „какъ я думаю“...

Отвѣтомъ на эти запросы и явились статьи: Церковь и общественные вопросы; діалогъ О церковной политикѣ, ст. „О весеннемъ потокѣ“ и т. п.

Я писалъ, какъ подсказывала совѣсть. Въ чемъ „не дописахъ или переписахъ — не кляните Бога для“.

Архимандритъ *Михаилъ*.

Почему намъ не вѣрятъ?

(Письмо священнику, но не для однихъ священниковъ).

Вы спрашиваете меня, что дѣлать? Вы говорите, что васъ, какъ представителя сословія, со всѣхъ сторонъ упрекаютъ въ молчаніи. „Что вы?—говорятъ вамъ: не смѣете или не хотите высказаться по поводу того, что происходитъ? Не хотите или не смѣете сказать, какъ думаете вы о томъ, что есть и какъ должно быть?“ — „Люди, поставленные на стражѣ интересовъ человѣколюбія, истины и добра, вы видите — вы не можете не видѣть — тысячи, милліоны братьевъ, подавленныхъ кривдою общественныхъ условій и, подобно священнику и левиту въ притчѣ І. Христа, проходите равнодушно мимо ихъ, усыпляя въ то же время общественное самосознаніе фанатическими увѣреніями во всеобщемъ благополучіи“.

„Нужно ли говорить? — пишете вы, — смѣемъ ли мы говорить? И какъ намъ добиться того, чтобы къ намъ не обращались съ этими тяжелыми вопросами, или обращались, но потомъ слушали и вѣрили? Спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ, но когда имъ хочешь

отвѣчать, они не хотятъ слушать, не вѣрятъ, даже не выслушавши".

Вотъ, вотъ. Такъ и должно быть.

Обращаются со всѣхъ сторонъ... „Среди полнаго безпорядка утомленная нація впадаетъ въ совершенный индифферентизмъ. Не дорожатъ правительствомъ: одни увидѣли бы его паденіе съ радостью, другіе безъ сожалѣнія. Многіе не видятъ вокругъ себя ничего заслуживающаго ихъ привязанности и ближе подходятъ къ Церкви. Въ ней болѣе устойчивости". Это писалъ въ свое время Ламенэ. Я не хочу сказать, что въ наше время отношеніе къ правительству то же или близкое къ тому, о какомъ говоритъ Ламенэ. Не знаю.—Но одно несомнѣнно, что „тревоги дней" во многихъ, далекихъ отъ всякихъ вожделѣній, родили „сомнѣніе" въ благополучности наличнаго, родили смуту начинающагося броженія. И какъ во всякую смуту, обращаются къ „намъ". Пройдутъ дни, разобьются многія надежды, *можетъ быть, даже осуществившись*, разобьется много теорій и интересовъ,—и еще болѣе будутъ приходить спрашивать: „а что скажете вы? Вы говорите, что у васъ постоянная, не мѣняемая Истина".

Да, обращаются и будутъ обращаться. И обращаясь, не хотятъ слушать и не вѣрятъ. И это такъ должно быть, потому что — за что намъ вѣрить? Чѣмъ мы заслужили вѣру и имѣемъ ли на нее право?

У насъ не было искренности, а намъ и нужна только *одна искренность*.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ нашей *благонадежности*,—и въ этомъ выгода нашего положенія; не можетъ быть никакого сомнѣнія — говорю—потому, что наша точка зрѣнія — точка зрѣнія Христа, а Онъ сказалъ: „если берутъ отъ тебя верхнюю одежду, то ты отдай и нижнюю". Гдѣ же насъ съ такимъ „идеаломъ" подозрѣвать въ намѣреніи что-нибудь разрушить? А другого идеала у насъ быть не можетъ.

„Мы — обвиняютъ насъ — подобно левиту проходимъ мимо страданій измученныхъ людей и молчимъ".

Вотъ обвиненіе, и какъ легко было бы на него отвѣтить, если бы мы не были лжецами.

Я беру острыя событія послѣднихъ дней.

Наше положеніе твердо и совсѣмъ опредѣленно.

Св. Отцы, которые были нашими учителями, высказывались безъ всякихъ колебаній по вопросамъ общественной жизни и иногда, съ теперешней точки зрѣнія, очень радикально. Вы, можетъ быть, не знаете, что извѣстная фраза Прудона: „собственность есть кража", сказана гораздо ранѣе Прудона однимъ изъ церковныхъ учителей Запада. „Собственность—плодъ воровства,—пишетъ блаж. Іеронимъ.—Если его совершили не теперешніе владѣльцы, то ихъ предки". Бѣдность, по Амвросію, есть результатъ того, что собственность скоплена въ рукахъ у немногочисленной кучки людей. „Вы поступаете,—говоритъ богатымъ Василій Великій,— какъ человѣкъ, который, попавши въ театръ, попытался бы

взять нѣсколько мѣстъ, хотя ихъ могли бы занять другіе, и сталъ бы мѣшать входить, присваивая въ свое исключительное пользованіе то, что должно было бы стать общимъ достояніемъ. Такъ дѣлаютъ богатые: они первые захватили то, что было общее, и стали этимъ владѣть; если бы всякій бралъ лишь то, что необходимо для поддержанія его существованія, а остальное предоставлялъ бы бѣднымъ, не было бы ни богатыхъ, ни бѣдныхъ". И потому они не призывали богачей къ благотворительности, убѣждая дать 2% изъ ихъ 100, а спокойно доказывали имъ, что все ихъ богатство — „маммона неправды," *все ихъ — чужое*, и что откупаться благотворительностью значитъ лгать. И они смѣли такъ говорить, потому что ихъ положеніе въ отношеніи къ другой половинѣ было то же очень ясно—и было именно отношеніемъ евангелія. Ни у кого не могло явиться и мысли, что они проповѣдуютъ борьбу за „право", зовутъ къ мятежу, возбуждаютъ сословіе противъ сословія. Евангеліе и евангельская истина, которую „носили они", стоитъ не внѣ этой борьбы, а надъ этой борьбой. Священникъ не можетъ пристать къ борьбѣ и какой бы то ни было проповѣди борьбы за право, потому что *это значило бы стать на ту же самую плоскость* человѣческаго, слишкомъ *человѣческаго*, на которой *стоитъ язычество*. Что было бы, если бы ученики Христа стали проповѣдовать „право работниковъ" взять силою удержанную хозяевами плату, которая по пророку Исаіи „вопіетъ къ небу?" Это значило бы проповѣдовать

тотъ же хищническій инстинктъ собственности, стать на одномъ моральномъ уровнѣ съ тѣми, противъ которыхъ нужно было бороться. Это значило бы съ положенія слугъ Христовыхъ опуститься до роли „слугъ желудка“, т. е. измѣнить Христу и предать Его правду.

И очевидно, что, не опускаясь до человѣческой борьбы, священники Христовы не будутъ похожи на левита, прошедшаго мимо ограбленнаго, если одинаково твердо будутъ говорить — однимъ, что не силою берется счастіе, что для христіанина нѣтъ „борьбы за право“, а другимъ,—что „вѣсы въ рукахъ Господнихъ колеблются, потому что удержанная плата работниковъ вопіетъ къ небу“. Но какъ осторожно должны мы на вѣсахъ нашей совѣсти взвѣсить, не кладемъ ли мы на одну скáлу много—все, вплоть до заповѣди о томъ, что „нужно уступать и рубашку“, а на другую — немного, чуть-чуть, только для „отвода глазъ“. Намъ будутъ вѣрить только тогда, когда не будетъ возможности заподозрить и обвинить насъ во лжи, даже *заподозрить*. За правду Христову, чистую евангельскую правду, которая идетъ противъ борьбы, отрицаетъ въ сущности и всякое право, и борьбу за право, за эту правду евангельскую священникамъ не бросятъ въ лица обвиненія, но къ ихъ словамъ объ этой правдѣ могутъ, и смѣютъ, и должны относиться подозрительно, какъ ко лжи, если видятъ, что въ другую сторону не говорятъ „ея правды“. Можно и правду сказать такъ, что она будетъ неправдой. Если го-

ворятъ одну половину правды, скрывая другую половину намѣренно и своекорыстно, то и первая правда — уже ложь.

Мнѣ приходилось читать одну (очень извѣстную) проповѣдь, авторъ которой дошелъ до своеобразнаго цинизма. Онъ говоритъ объ отношеніи между богатыми и бѣдными и доказываетъ, что въ сущности существованіе бѣдныхъ даже хорошо, потому что бѣдные нужны для освѣженія и разнообразія жизненной картины, какъ нуженъ свѣтъ и тѣни, что если бы не было бѣдности и нужды, то „свѣтъ“ бы не производилъ впечатлѣнія, что, благодаря именно этому разнообразію, получается впечатлѣніе—повторяю по памяти циничныя выраженія проповѣди — въ родѣ „луга, на которомъ не одного цвѣта цвѣтки, а самые разнообразные: и красные, и синіе и др.“ Для чего была она сказана? Если для утѣшенія бѣдныхъ, то едва ли ихъ утѣшитъ положеніе быть тѣнями, для того, чтобы виднѣе былъ свѣтъ. Авторъ въ самомъ дѣлѣ—эстетикъ? Можетъ быть. Это еще хорошо, но возможно предположить, что эта проповѣдь есть намѣренное оправданіе факта, т. е. льстивое прислуживаніе „факту“, „силѣ“, власти, наличному положенію, и оправданіе этого наличнаго положенія — раболѣпническое и холопское. Тогда эта циничная проповѣдь становится уже проповѣдью антихристіанскою, ложью. И само собою разумѣется, что, разъ возможна такая ложь и такое приспособленіе изъ устъ священника, его словамъ не будутъ вѣрить даже тогда, когда его слова—

правда. А скажите—развѣ мало этихъ проповѣдей „о красотѣ бѣдности“, написанныхъ ради спокойствія богатыхъ?

Не былъ, конечно, христіаниномъ Ламенэ, когда во имя Христа звалъ рабочихъ сплотиться на защиту ихъ правъ *силой*, но бѣда, если правда его слова: „Въ Турѣ когда-то стояла церковь, которую называли церковью Богоматери бѣдныхъ. Теперь ее зовутъ церковью Богоматери богатыхъ. Здѣсь резюме исторіи католицизма“.

Священникъ, только ставши „надъ фактомъ“, надъ приспособленіемъ, надъ службой *кому бы то ни было* кромѣ Христа, поставившій своей задачей говорить то, что говоритъ евангеліе, не оглядываясь ни направо, ни налѣво, — заставитъ себя слушать и вѣрить.

Ни направо, ни налѣво. А заглядываютъ и *налѣво*. Все это—отступничество и измѣна, потому что нѣтъ истины, къ которой бы не подходилъ евангельскій критерій. Не подходитъ — значитъ ложь.

Можетъ ли священникъ принимать вообще участіе въ общественномъ „соціальномъ“ вопросѣ, не стоитъ ли онъ не только „надъ“, но и „внѣ“ его?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Тотъ, кто проходитъ мимо „братьевъ, подавленныхъ кривдой общественныхъ условій“, отзываясь: „кто-де поставилъ меня судить между вами“, — тотъ клевещетъ на Господа Христа и кощунственно жонглируетъ его словами. Но объ этомъ послѣ...

Духовенство и общественные вопросы.

Въ одномъ священническомъ кружкѣ обсуждался вопросъ объ Обновленскомъ — героѣ повѣсти Потапенко „На дѣйствительной службѣ“.

Обновленскій—священникъ, магистръ богословія, который „ради идеи“ бросилъ карьеру и ушелъ въ деревню „на дѣйствительную службу“ мужику. Вопросъ, который былъ поставленъ рефератомъ, состоялъ въ томъ, какъ смотрѣть на Обновленскаго: настоящій ли онъ священникъ *или обманщикъ, „волкъ?“*

Обѣ партіи, споривши по этому вопросу, едва ли стояли на вѣрной точкѣ зрѣнія, и можетъ быть, просто обѣ хотѣли слишкомъ поставить точки надъ і, и обѣ естественно пришли къ сомнительнымъ выводамъ.

А вопросъ—большого принципіальнаго значенія.

Большинство оказалось противъ Обновленскаго. „Обновленскій надѣлъ рясу“, говорила эта партія большинства, — „для того только, чтобы вмѣшаться въ жизнь народа“, для него одежда служитъ только

„проводникомъ“ (по его же собственнымъ словамъ). „Духовный санъ, церковная служба, которую онъ совершаетъ, чаша Тѣла и Крови Господней, которую онъ возноситъ, для Обновленскаго—аксессуаръ, придатокъ, съ которымъ можно мириться, не больше. Нечего говорить, что при такихъ условіяхъ онъ священникомъ никогда не былъ, и его священство—*самозванство*, *ложь*. Онъ прежде всего культуртрегеръ, служащій дѣлу перерожденія деревни, пожалуй, но не на церковной основѣ, а гуманистической, а больше всего слуга *земныхъ интересовъ тѣхъ* крестьянъ, которыхъ онъ пасетъ. Онъ предатель“.

Нужно сознаться, въ этой части партія была безусловно правѣе другой, которая видѣла въ Обновленскомъ идеалъ пастыря. Но партія противниковъ Обновленскаго не остановилась здѣсь. Она расширила обвинительный актъ дальше, чѣмъ слѣдовало. Она упрекала его не за то только, что у него „таинство Тѣла и Крови“ было придаткомъ къ его просто гуманитарному дѣлу, а за то, что онъ соединилъ гуманитарное дѣло съ пастырствомъ. По взгляду данной группы, всякій священникъ, который вздумалъ бы позаботиться о томъ, чтобы его прихожанамъ было *лучше въ чисто земномъ смыслѣ*, ослабляетъ силу своего священническаго дѣла, отступникъ отъ Христа и Его завѣтовъ, путается въ чужое дѣло. И это было неправда.

И неправда эта опасна... Въ повѣсти Гусева-Оренбургскаго „На приходѣ“ есть такая сцена. Мужики просятъ священника постоять за нихъ передъ

помѣщикомъ, похлопотать. О. Викторинъ пугается: „Что вы, что вы... Мое дѣло небесное... Вотъ помолиться, помолебствовать... такъ. А это — земная канитель. Мое дѣло небесное".

Правъ ли о. Викторинъ?

Когда я пробовалъ доказывать, что этотъ священникъ, для котораго просьба крестьянъ только „канитель" (потому что „дѣло его небесное"), на самомъ дѣлѣ облыгаетъ Христа, то мнѣ искренно говорили, что священникъ этотъ въ сущности правъ. О. Викторинъ, дескать, фигура смѣшная и жалкая, потому что боится, труситъ по корыстнымъ видамъ, но принципіально онъ все же правъ: мы не поставлены судить между братьями; отходя отъ своего непосредственнаго дѣла, мы можемъ совсѣмъ забыть о священническомъ дѣлѣ.

Правда ли?

Судить? Зачѣмъ судить? Не судить, а возвѣщать о правдѣ Христовой, быть „хранителями душъ" и миротворцами. Священникъ — духовникъ, обѣ стороны здѣсь его паства. Ради обѣихъ онъ долженъ „возстать и открыть уста свои". Развѣ, уклоняясь отъ обязанности *предстательствовать* — „печаловаться", священники — преступники только передъ обиженными? Нѣтъ, и передъ тѣми, *которые растлѣваютъ душу въ расхищеніи чужого труда и которымъ мы не говорили о Христовой правдѣ*".

Но можетъ, въ самомъ дѣлѣ, все же это предстательство „земная канитель", а священнику нельзя оставлять слова для служенія трапезамъ.

Нѣтъ. Не даромъ древняя церковь — создала даже особую іерархическую степень для служенія трапезамъ, т. е. патріархальнымъ нуждамъ вѣрныхъ—„діаконію“. Это степень „*священства*“. Зачѣмъ ее уничтожили, сузивъ до степени простого церковнаго украшенія. Церковь должна—возсоздать эти органы попеченія—о трапезахъ, о землѣ и т. п.—и не въ смыслѣ только органовъ благотворительности. Діаконы—были и предстателями „адвокатами бѣдныхъ“, и судьями.

Теперь діаконіи нѣтъ — но вѣдь идея діаконіи не временная, конечно, идея, — а общецерковная и вѣчная, и обязанность „служенія“ предстательства—и т. п. „земная канитель“ — явно лежитъ на обязаности церкви, съ тѣхъ поръ какъ церковь „призвала діаконовъ и возложила на нихъ руки“.

Но почему говорить только о предстательствѣ и обличеніи? Не въ этомъ все дѣло.

Участіе священника, думается намъ, по самому евангелію гораздо разностороннѣе и шире. Онъ долженъ знать, долженъ войти въ сущность общественныхъ вопросовъ, напримѣръ, рабочаго, не только какъ единственный часто интеллигентный человѣкъ въ селѣ, а именно какъ священникъ.

Трудъ святъ, но существуютъ проклятые виды труда, которые нельзя назвать иначе, какъ самоубійствомъ.

Рескинъ пишетъ, напримѣръ, о трудѣ точенія иголокъ. Этотъ трудъ — совершенно механическій и безсмысленный — въ концѣ концовъ, ржавчиной,

пылью ложится на душу (именно на душу) и постепенно убиваетъ ее...

А производство свинцовыхъ бѣлилъ? Дѣти „бѣлильщицъ“, если родятся, то только для того, чтобы умереть въ конвульсіяхъ.

Имѣетъ ли право священникъ остаться равнодушнымъ къ такимъ видамъ труда, не долженъ ли онъ смотрѣть, какъ на „грѣхъ“ на самые эти виды труда и на тѣхъ, кто убиваетъ (душу или тѣло), какъ на убійцъ?

И смѣетъ ли онъ сдерживать слово свое? Вѣдь души гибнутъ.

Если бъ утромъ, войдя въ вашу молочную, вы нашли, что вашъ младшій ребенокъ игралъ съ котенкомъ и вылилъ всѣ сливки на полъ, вы пожалѣли бы, что сливки пропали даромъ? А если вмѣсто каменныхъ сосудовъ съ молокомъ имѣются золотые сосуды человѣческой души жизни, вмѣсто котенка играетъ съ ними дьяволъ и на вашихъ глазахъ сами разбиваете эти золотые сосуды въ прахъ и топчете человѣческую жизнь въ грязь, предоставляя ее дьяволу — то неужели вы не скажете: „прочь“. (Рескинъ).

А количество рабочаго дня? Священникъ охраняетъ покой воскреснаго дня, потому что этотъ день—„Божій“, но вѣдь этотъ день не можетъ быть Божьимъ, если въ предшествующіе дни человѣкъ весь былъ отданъ труду, отупляющему, исключающему всякую возможность воспитанія души. Если его рабочій день 12 часовъ въ сутки, то его воскре-

сенье не можетъ быть отдано Богу: уставшій и отупѣвшій, онъ будетъ нуждаться въ наркозѣ и пойдетъ въ винную лавку, а не въ храмъ. Я думаю, что когда папа Левъ XIII требовалъ въ своей буллѣ (De conditione opificum) восьми часовъ для работы, восьми для сна и 8 для отдыха, — онъ очень спустился къ ариѳметикѣ—чисто человѣческой, но быть равнодушнымъ къ самой сущности вопроса, значитъ быть равнодушнымъ къ росту душъ, къ спасенію ближнихъ.

И далѣе рабочіе союзы, кооперації.

Папа Левъ XIII въ той же буллѣ положительно требуетъ отъ священниковъ устройства рабочихъ союзовъ, корпорацій и проч. Для чего? Повидимому, для него эти союзы нужны въ цѣляхъ борьбы съ сильными, съ капиталомъ. Не правъ-ли онъ? Мы полагаемъ, что здѣсь все дѣло только въ цѣляхъ и формахъ союзовъ, кооперацій, обществъ взаимопомощи.

Если союзы созданы для борьбы, хотя бы мирной, если въ основу ихъ положена идея именно протеста, *защиты права*, то эти союзы человѣческіе, и хотя не намъ осуждать ихъ, но не намъ и освящать. Но если это — союзы братолюбія, союзы для работы въ лучшихъ моральныхъ условіяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что не только трудовая организація крестовоздвиженскаго братства, экономическая организація Валаама, и т. д., но и вообще кооперації, союзы рабочихъ на началахъ взаимопомощи, артели—лучше хищническихъ рабочихъ организацій.

Допустимъ, что правъ Н. Н. Неплюевъ, по которому „озаренная любовью къ Богу артель, трудовое братство — живая клѣтка живого организма церкви". Чтобы отвергнуть эту мысль, нужно очень подумать, а если она вѣрна, то на Церкви лежитъ безусловно обязанность устройства такихъ организацій, забота о христіанской организаціи труда въ той же мѣрѣ, какъ обязанность устроенія хотя бы монастырей. Это формы христіанской жизни для христіанъ, это лучшая (сравнительно) форма спасенія.

Въ Америкѣ есть „христіанскій соціальный союзъ". Его задача — устройство въ соціальномъ отношеніи христіанъ по приходу, забота объ ихъ умственномъ оздоровленіи, о благосостояніи физическомъ, потому что оно есть условіе того или другого моральнаго состоянія. Первая заповѣдь этого союза— молитва. Первое средство, послѣ котораго слѣдуетъ устройство общежитія, организація общественныхъ отношеній между членами — опять та же молитва. Соціальный американскій союзъ, можетъ быть, иногда сбивается къ „слишкомъ"— человѣческому. Но уже то, что въ немъ играетъ такую роль молитва, показываетъ, что никакой измѣны духовному, надмірному, сверхчеловѣческому характеру христіанства тутъ нѣтъ. А его роль въ смыслѣ оздоровленія рабочихъ — огромна. Центральная ассоціація помощи трудящимся классамъ—органъ этого союза—устроила „комитетъ третейскаго суда для разбора тяжбъ между рабочими и капиталистами". И этотъ комитетъ мира передъ лицемъ Бога рѣшаетъ споры тѣхъ, кто же-

лаетъ такого суда. Не одно столкновеніе окончилось мирно здѣсь, „передъ Богомъ". Если бы этому комитету сказано было: „кто васъ поставилъ судить между нами?"—не могъ ли бы онъ сказать: „блаженни миротворцы" и еще (словами апостола Павла): „не хорошо христіанамъ судиться не у своихъ, а у чужихъ".

Или возьмемъ пунктъ особенно сомнительный въ дѣятельности американской ассоціаціи. „Во время стачки портныхъ, — цитируемъ разсказъ священника церкви Св. Михаила въ Нью-Іоркѣ, — хозяева отказались отъ третейскаго суда. Общественное мнѣніе сильно симпатизировало портнымъ, и церковь Св. Михаила была предоставлена для митинга, на которомъ предсѣдательствовалъ епархіальный преосвященный. Членамъ рабочихъ союзовъ, которыхъ коснулась стачка, было предложено явиться на этотъ митингъ и изложить положеніе дѣла. Сказать кстати, одинъ или двое изъ говорившихъ были евреи.

„Нѣсколько времени спустя церковь была предоставлена такимъ же образомъ для митинга по поводу жилищныхъ условій бѣднѣйшихъ классовъ города, при чемъ ближайшей задачей митинга было привлечь къ этому вопросу общественное вниманіе и содѣйствовать успѣху обсуждавшагося тогда въ законодательномъ собраніи штата закона о дешевыхъ квартирахъ, который въ настоящее время уже вошелъ въ силу.

„Всѣ эти митинги, какъ было сказано, происхо-

дили въ церкви. Каждому митингу предшествовало чтеніе молитвъ и пѣніе псалмовъ; то же самое дѣлалось и послѣ окончанія митинга. Поступая такимъ образомъ, мы исходили изъ того соображенія, что всѣ эти и подобные вопросы касаются Церкви и должны быть обсуждаемы подъ сѣнью алтаря... Какъ мнѣ кажется, оба указанные митинга имѣли большое вліяніе на общественное мнѣніе.

„Многимъ лицамъ, принадлежащимъ къ нашему сравнительно консервативному епископальному исповѣданію, предоставленіе церкви для устройства общественныхъ митинговъ, имѣющихъ цѣли свѣтскаго характера, казалось большимъ новшествомъ. Между тѣмъ, мы своимъ образомъ дѣйствій хотѣли напомнить членамъ нашей церкви старую истину, что всѣ тѣ стороны жизни, о которыхъ говорилось на митингахъ, являются столь же важными условіями нормальной религіозной жизни, какъ и ежедневныя молитвы и церковная проповѣдь. Мы хотимъ, чтобы наша церковь была чѣмъ то роднымъ и близкимъ для всѣхъ прихожанъ, чтобы они приходили къ намъ обсуждать свои нужды предъ лицомъ Господа, моля Его научить ихъ бороться съ земными бѣдами. Церковь должна обсуждать экономическіе и соціальные вопросы въ своихъ стѣнахъ, если она не желаетъ утратить вліяніе на внутреннюю жизнь народа...

„Ничто такъ не бросалось въ глаза во время митинга по поводу стачки портныхъ, какъ то вліяніе, которое производила на участниковъ митинга

окружавшая ихъ обстановка. Любопытно было наблюдать, съ какимъ одушевленіемъ портные евреи участвовали въ пѣніи христіанскихъ псалмовъ въ началѣ и въ концѣ митинга, какъ будто сознавая, что это единственный способъ, которымъ они могли отплатить за братское отношеніе къ нимъ христіанской церкви.

„Однимъ изъ результатовъ этого митинга и того интереса, который благодаря ему возбудило въ обществѣ положеніе портныхъ, было между прочимъ такое обстоятельство: нѣсколько членовъ нашей церковной ассоціаціи и нѣсколькихъ другихъ лицъ, не состоящихъ членами ассоціаціи, посѣтили семьи портныхъ съ тѣмъ, чтобы лучше понять ихъ нужды и положеніе“...

Здѣсь многое для насъ странно, недопустимо, неправославно, но какъ много и такого, о чемъ слѣдуетъ „подумать, подумать, подумать“.

И подумать не во имя земли, а во имя Евангелія.

Православіе, по своей сущности, всегда ставило духовный интересъ надъ тѣлеснымъ, и не только вѣровало, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но, пожалуй, слишкомъ мало цѣнило хлѣбъ. И потому мы полагаемъ, что на почвѣ этого христіанскаго ученія могли бы гораздо легче, чѣмъ въ „земной“ Америкѣ, создаться учрежденія, не только не представляющія измѣны и отступничества отъ христіанства, а наоборотъ, представляющія по своей сущности антитезу чисто хлѣбнымъ учрежденіямъ

вѣка, хотя цѣль ихъ и была бы — улучшеніе матеріальной стороны жизни.

Все дѣло въ томъ, изъ какой исходной точки выходитъ священникъ. Возможно, что священникъ, какъ Обновленскій, примыкаетъ цѣликомъ къ тѣмъ формамъ устроенія земли,—какія выработала „борьба за существованіе“, и только для „украшенія“, для „обстановки“ ссылается на Христа, Его имя и Его дѣланіе. Христосъ здѣсь только добавочный аргументъ, иногда дѣйствительно лишній, ничего не прибавляющій; Христомъ не то, что прикрывается, а прикрашивается извѣстное дѣло. Тогда священникъ предатель, отступникъ.

Но совсѣмъ иное получается, когда созидается чисто-христіанская соціологія; изъ Евангелія, изъ его буквы, изъ того, что предписываетъ Евангеліе, созидается система земныхъ организацій, съ цѣлью устроенія и души и тѣла, устроенія въ извѣстныхъ предѣлахъ царствія Божія. Когда первые христіане, стоя цѣликомъ на буквѣ закона Христова и живя его силой, созидали іерусалимскую общину, то они во всякомъ случаѣ не богохульствовали и не были измѣнниками Христу. Они только говорили и дѣлали, что требовало Евангеліе. А въ результатѣ этого дѣланія, независимо отъ ихъ воли, создавались организаціи чисто общественныя: соціологическія системы.

У православнаго священника есть свой критерій, свой соціальный законъ. Исходя изъ этого закона, онъ можетъ строить и долженъ „начать“. И если

въ этомъ строеніи ему придется съ чѣмъ-нибудь столкнуться и отрицать, слѣдовательно бороться, то эта борьба словомъ есть только исполненіе требованія Христа не скрывать правду Божію и не бояться называть, что противорѣчитъ этой правдѣ — ложью. Въ этомъ его обязанность...

Господа и слуги.

Проповѣдь, проповѣднический призывъ къ чему-нибудь, даже тогда, когда онъ ярокъ и талантливъ, имѣетъ одну большую невыгоду: впечатлѣніе отъ него обыкновенно тускнѣетъ на другой день и совершенно исчезаетъ на третій. Для того, чтобы вопросъ занялъ общественное вниманіе и привелъ къ какимъ-нибудь результатамъ, нужно, чтобы онъ былъ поставленъ какъ *программа и проектъ*.

Именно поэтому, мнѣ кажется, можетъ безплодно пропасть одинъ призывъ послѣднихъ дней. А было бы жалко, если бы онъ пропалъ!

Я говорю о призывѣ г-жи Смирновой въ „Новомъ Времени“ по вопросу о господахъ и слугахъ. На него обратили вниманіе, его отмѣтили, перепечатывали, но едва-ли не забудутъ завтра.

Способъ отстаивать права нашей прислуги у г. Смирновой слишкомъ, такъ сказать, проповѣднически беллетристическій. Призывая вспомнить о бѣлыхъ рабахъ, которые работаютъ на насъ не 8, а

16—17 часовъ въ сутки, г-жа Смирнова требуетъ отъ господъ, чтобы они „отказались отъ удовольствія читать по праздникамъ газеты, получать свѣжія булки, ѣсть горячій обѣдъ. Она предлагаетъ въ воскресный день ходить пѣшкомъ, мести комнаты и топить печи".

И это почти *серьезно*.

Нечего говорить, что здѣсь сантиментальность проповѣди граничитъ съ наивностью. Наивно обращаться къ чьей бы то ни было *частной совѣсти*: на призывъ можетъ отозваться одинъ, двое, трое, но, вѣдь, это совсѣмъ не рѣшаетъ вопроса.

Если рѣшать вопросъ беллетристически, то онъ, пожалуй, поставленъ лучше и ярче хотя бы въ пьесѣ Протопопова „Внѣ жизни". Кто не согласится съ словами старика-повара въ этой пьесѣ объ отношеніяхъ барина къ холопской душѣ прислуги?

„Положимъ, входитъ баринъ на кухню,—ну, посмотритъ онъ сначала на кострюлю, потомъ на кочергу. И взгляды у него на насъ съ тобой и на кочергу съ кострюлей будутъ одинаковы. А почему? потому, что не хочетъ онъ въ насъ признать то, чѣмъ мы съ тобой отъ кочерги или кострюли отличаемся. Вотъ въ чемъ горе слугъ. И кончится оно, это горе, только тогда, когда господа нашу душу узнаютъ".

Вотъ, именно такъ.

И г-жа Смирнова приглашаетъ „*господъ узнать душу слугъ*". Но такими ли путями рѣшаются общественные вопросы? Нечего и говорить, что въ отно-

шеніяхъ къ слугамъ осталось очень много отъ крѣпостничества.

Одинъ человѣкъ, занимающій теперь большое положеніе, со стыдомъ припоминаетъ время, когда онъ, будучи студентомъ, заставлялъ прислугу снимать сапоги. „Это во мнѣ жило, сказалъ онъ, можетъ быть, и сейчасъ живетъ крѣпостничество нашихъ отцовъ". И дѣйствительно, всѣ отношенія къ прислугѣ очень проникнуты этими отзвуками добраго стараго крѣпостническаго времени.

Но если крѣпостничество — болѣзнь настолько упорная, то именно отсюда и очевидно, что лѣчить ее можно только „положеніемъ", закономъ, предписаніемъ; не обращеніемъ къ *индивидуальной совѣсти* того или другого лица, а предписаніемъ для *„общей совѣсти"*.

И есть пункты, въ которыхъ эти предписанія, регламентирующія отношенія между господами и слугами, возможны.

„Намъ предлагаютъ въ воскресенье самимъ мести полы и печь булки". Это, конечно, наивная форма выраженія „возможнаго и законнаго". Можетъ быть, только одна русская прислуга и не знаетъ праздника, не имѣетъ свободнаго дня. Мы знаемъ, что прислуга американская распоряжается праздничнымъ днемъ безусловно—этотъ день принадлежитъ ей цѣликомъ. Только съ маленькими ограниченіями отнятъ праздничный день у прислуги англійской, вѣнской, берлинской. Ясно, что, если по отношенію къ прислугѣ немыслима, можетъ быть, *реформа въ напра-*

вленіи ограниченнаго рабочаго дня, то нѣкоторою компенсаціею могло бы быть *установленіе* для нея *праздничной свободы*.

И это необходимое начало. Для такого установленія должны быть органы? Ихъ можно создать. Но объ этомъ ниже.

Вопросъ о размѣрѣ рабочаго дня, размѣрѣ труда для прислуги, конечно, дѣло трудное. Трудъ прислуги такъ плохо поддается подсчету, что позволяетъ даже возможность нѣкотораго шутовства въ этой области. Не очень давно на страницахъ „Новостей“, подъ заглавіемъ „Бѣлыя рабыни“ вышучивалась даже самая мысль о томъ, что наша прислуга въ положеніи „рабовъ“ по отношенію къ господамъ, доказывалось, что скорѣе господа — рабы прислуги, и въ длинномъ спискѣ высчитывалось, сколько долженъ заплатить баринъ кучеру, горничной, кухаркѣ. Авторъ хотѣлъ доказать, что *сумма времени, которую прислуга тратитъ на него, въ 5 разъ меньше того времени, которое онъ долженъ потратить, чтобы заработать плату, которую онъ отдастъ прислугѣ*.

Конечно, шутить можно вездѣ и шутя доказывать можно все. Но мы можемъ вспомнить иллюстраціи другого, совсѣмъ не шутовскаго типа.

Чеховская дѣвочка-нянька, которой „спать хочется“, которая убиваетъ въ люлькѣ ребенка только потому, что ей обязательно *нужно спать*, что она не можетъ удержаться дальше, что для нея не существуетъ никакой мысли, кромѣ мысли о снѣ, вовсе

не такая рѣдкость; наоборотъ, пожалуй, это очень обычная и очень частая вещь.

„Чужая“ Юшкевича, которая кричитъ господамъ, что въ нихъ жалости нѣтъ, что они требуютъ отъ нея и душу, и тѣло, „*сторожемъ сдѣлали, собакой сдѣлали*“, для которой тоже „единственная мысль“ какъ-нибудь уйти отъ чисто каторжнаго, унизительнаго труда, опять таки *не случайность и рѣдкость*. И истерически выкрикивать то, что истерически выкрикиваетъ она, опять таки она имѣетъ право, и даже странно было бы, если бы она не кричала. „Когда бьютъ — кричатъ“.

Мы знаемъ служанокъ, у которыхъ до 17—18 ч. безпрерывнаго труда. Конечно, есть счастливцы, экономическое положеніе которыхъ въ смыслѣ платы очень выгодное, но именно они то и случайность, *ничто* рядомъ съ кухарками, которыя работаютъ по 13 часовъ за 4 рубля въ мѣсяцъ, горничными, нянъками, которыя работаютъ иногда 20 часовъ за то, чтобы получить рубль, и т. д.

Пишутъ, будто одесскія горничныя забастовали, требуя повышенія платы съ 2 — 3 рублей до 3 — 4. Вотъ забастовка съ оригинальными требованіями: 3 — 4 рубля платы — за 12-часовой день. Вѣдь, это $^3/_4$ копѣйки за часъ.

И было бы странно говорить, что не возможны никакія мѣрки, регулирующія трудъ для „бѣлыхъ рабынь“.

На западѣ существуютъ организаціи, опредѣляющія отношенія хозяевъ къ прислугѣ. Въ Лон-

донѣ есть, такъ называемыя, „столичныя ассоціаціи для покровительства прислуги“.

Такой же союзъ охраненія прислуги противъ господъ въ видѣ „Общества хозяевъ и прислуги“ существуетъ въ Берлинѣ.

А здѣсь? Для рабочихъ считалось нужнымъ учрежденіе инспектуры, то если гдѣ инспектура нужна, то именно здѣсь. Нужно имѣть въ виду, что домашняя прислуга есть вездѣ самая безпомощная и пролетаріатская часть населенія. Это замѣтилъ въ отношеніи къ Германіи Гроссманъ.

Это еще болѣе можно установить по отношенію къ нашей прислугѣ, для которой невозможны никакія средства самозащиты.

Если еще можетъ какъ-нибудь защищать себя нѣмецкая прислуга, у которой есть „ферейны“, которая можетъ собираться хотя бы въ праздникъ для рѣшенія и обсужденія своихъ дѣлъ, то у нашей прислуги нѣтъ никакихъ средствъ ни говорить, ни собираться, ни такъ или иначе защищаться отъ произвола господъ. И, конечно, ужъ у насъ не можетъ быть и рѣчи о борьбѣ между прислугой и хозяиномъ, который, лишая прислугу рекомендаціи, аттестата, *собственно выдаетъ ей желтый билетъ*.

И потому охрана прислуги при помощи инспектуры или ассоціацій, опредѣляющихъ отношенія прислуги къ господамъ (это дѣло — частнаго обсужденія), *безспорна и необходима* и, конечно, возможна.

Эти органы въ силахъ устранить и ту странность,

что наша прислуга лишена права личной жизни, *права на свою комнату.*

„У рабочаго есть семейная жизнь, у прислуги ея нѣтъ. Многіе господа, нанимая ее, прямо ставятъ условіемъ, чтобы къ ней не ходили гости, чтобы она никого у себя не принимала, особенно мужчинъ. Что у нея могутъ быть какія нибудь личныя привязанности, объ этомъ мы не думаемъ. Мы требуемъ, чтобы она отреклась отъ своей семьи. Въ нашей семьѣ служитъ замужняя женщина; мужъ ея въ другомъ мѣстѣ. И вотъ жена не видитъ мужа мѣсяцами потому, что мы не хотимъ признать за прислугой права любить; связи между мужемъ и женой разрушаются, семья гибнетъ. И, конечно, — уже спаси Богъ — если у прислуги будетъ ребенокъ, тогда ей нѣтъ мѣста въ домѣ. „Чужой ребенокъ“... Это такъ неудобно, хотя бы даже это не былъ „внѣзаконный“ ребенокъ. Мы никакъ не хотимъ признать въ „людяхъ“ человѣческое чувство, способность и желаніе жить тѣми же чувствами, что и мы. Они „внѣ жизни“, жизнь не для нихъ; ихъ трудъ для насъ; этого мало: для насъ созданы ихъ руки и, пожалуй, для нашего же „счастья мимоходомъ ихъ тѣло“. Пусть отдаютъ все, мы не дадимъ ничего. Мы выгоняемъ ихъ изъ жизни“. (Смирнова, Протопоповъ: пьеса „Внѣ жизни“).

Можетъ показаться, будто здѣсь нѣтъ никакого средства сдѣлать что-нибудь путемъ общимъ для всѣхъ, путемъ законодательнымъ. Но, если возможна — а она несомнѣнно возможна — установка

инспектуры по отношенію къ прислугѣ и ассоціацій, посредствующихъ между хозяевами и прислугой, то эти ассоціаціи и инспектура сумѣли бы установить и неприкосновенность извѣстныхъ часовъ прислуги для хозяйки и вмѣстѣ съ тѣмъ неприкосновенность ея комнаты для хозяевъ въ такой же мѣрѣ, какъ неприкосновенны для взора постороннихъ интимныя *комнаты господъ*.

Въ Америкѣ прислуга (кухарка, горничная) договаривается съ господами о томъ, чтобы ихъ *господская* квартира разъ въ мѣсяцъ принадлежала слугѣ.

У насъ она хочетъ, чтобы ей принадлежала *ея квартира*.

Собственными силами она этого достигнуть не можетъ, ей нужна поддержка.

Пусть эта поддержка будетъ дана въ созданныхъ законодательно или — хоть благотворительностью — органахъ.

И въ заключеніе.

Г-жа Смирнова поднимаетъ частный моральный вопросъ, вопросъ о развращенности прислуги.

— Кто ее развратилъ? говоритъ она и отвѣчаетъ: Развратили ее мы же. Развратили тѣмъ, что заставляемъ ее таскать тарелки съ рябчиками, въ то время, какъ для ней приготовленъ обѣдъ на кухнѣ изъ мяса второго сорта, — тѣмъ, что такъ рѣзко подчеркиваетъ нашу „бѣлую кость“ и ея приниженность и т. д.

Это опять полунаивность хоть и правда. Полунаивность, потому что мы развращаемъ и по серьезнѣе.

Извѣстно, что половина всѣхъ поднянекъ, дѣвушекъ-подростковъ, которыхъ выбрасываетъ деревня въ городъ, развращается именно хозяевами. Здѣсь оказывается больше всего любителей зеленаго винограда, говоря словами одного византійскаго средневѣковаго романиста. Именно, благодаря хозяевамъ, наполняются кадры проституціи. Это безусловно установлено; это „обычное дѣло“. И ничего особеннаго не представляетъ та сцена въ повѣсти Юшкевича „Наши сестры“, гдѣ мать совсѣмъ спокойно разсуждаетъ, что эта молодая прислуга и создана для ея сына, и послѣ того, какъ одна прислуга выброшена на улицу, думаетъ о томъ, чтобы подготовить другую.

„Все имъ отдай: и тѣло, и душу“ („Чужая“, Юшкевича).

Если ставить вопросъ, какъ г-жа Смирнова, то, конечно, нужно только взывать къ совѣсти хозяевъ. Но не лучше-ли, чтобы вопросъ сталъ чисто-юридическимъ.

Если наше законодательство установило высшую мѣру наказанія по отношенію къ опекуну, который развращаетъ свою воспитанницу, то едва-ли невозможны какія нибудь юридическія мѣры и для огражденія прислуги отъ эксплоатаціи и развращенія хозяевами.

Не все правда.

„Духовенство протестуетъ противъ лжи. Оно не хочетъ замалчивать правду общественныхъ отношеній въ угоду „факту“ и „владыкамъ дня“.

Вотъ мысль, которая „рождается“, когда читаешь тамъ и здѣсь священническія статьи на эту тему „Почему не вѣрятъ?“ Отрадная мысль. Не правда ли? — но мнѣ, священнику, хочется протестовать, хочется сказать, что о духовенствѣ возможна и другая больная, но болѣе отрадная правда, вѣрнѣе, возможно оправданіе ихъ неправды.

О. Петровъ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ пастырь оправдался передъ собраніемъ священниковъ въ своей проповѣди, гдѣ говорилось о таинственныхъ японскихъ милліонахъ, о которыхъ пустило утку Латинское Агентство г. Черепъ-Спиридовича.

Поясненіе было такого приблизительно рода:

— Во исполненіе предписанія начальства, я говорилъ слово. Оповѣстилъ рабочихъ, что буду говорить о событіяхъ 9-го января, и они собрались.

Рѣчь къ нимъ началъ такъ: „Буду говорить вамъ отъ лица Бога“.

Въ дальнѣйшемъ донесеніи ораторъ добавилъ:

— О положеніи рабочихъ я умолчалъ, о томъ то умолчалъ, о милліонахъ распространился.

И вотъ...

Большинство духовенства, говоритъ о. Петровъ, *съ великою душевною тоскою слушало это объясненіе.*

Они думали:

— Если ты одно скрылъ, другое утаилъ, о третьемъ умолчалъ, то какое же это слово отъ лица Божія?

Пока одно замѣчаніе:

„Большинство духовенства — съ великой душевной тоской слушало“.

Нѣтъ, оно не только слушало: оно тоже съ тоской думало о томъ, какъ спастись отъ лжи, какъ отъ нея „бѣжать“.

А теперь дальше...

Другой авторъ старается на страницахъ духовнаго журнала уяснить себѣ, почему намъ духовенству, не вѣрятъ.

Священники Христовы, говорилъ о. Михаилъ, совсѣмъ не опускаясь до человѣческой борьбы, не будутъ похожи на „левита, прошедшаго мимо ограбленнаго“, если одинаково твердо будутъ говорить— однимъ, что не силою берется счастіе, что для христіанина нѣтъ „борьбы за право“, а другимъ,—что „вѣсы въ рукахъ Господнихъ колеблются, потому

что удержанная плата работниковъ вопіетъ къ небу". Но они осторожно должны на вѣсахъ нашей совѣсти взвѣсить, не кладутъ ли они на одну скалу много,—все, вплоть до заповѣди о томъ, что „нужно уступать и рубашку", а на другую — немного, чуть-чуть, только для „отвода глазъ".

Если проповѣдь священническая есть намѣренное оправданіе факта, т.-е. льстивое прислуживаніе „факту", „силѣ", власти, наличному положенію, и оправданіе этого наличнаго положенія, каково-бы оно ни было, оправданіе раболѣпническое и холопское, тогда эта проповѣдь становится уже проповѣдью антихристіанскою, ложью. И само собою разумѣется, что, разъ возможна такая ложь и такое приспособленіе изъ устъ священника, его словамъ не будутъ вѣрить даже тогда, когда его слова — правда".

Все это такъ, но правда ли (нѣтъ, совсѣмъ не правда), будто священники этого не понимаютъ и правды не хотятъ?..

Сколько чуткихъ священническихъ душъ болѣютъ муками затаеннаго въ душѣ слова послѣднихъ событій — и вмѣсто того, чтобы говорить, — оправдываются словами Христа: „кто насъ поставилъ судить?"

Почему? Для чего эта неправда?

Ради Бога не думайте, что все это говорится только изъ раболѣпства.

Нѣтъ. Можетъ быть такія оправданія приводятся для себя, чтобы „*себя*" немного успокоить и утѣшить въ своемъ безсиліи, „себѣ" внушить, что мы

не потому не говоримъ, что прислуживаемся, а потому, что Христосъ велѣлъ.

И понятно, почему такъ выходитъ.

Лгать и не договаривать — очень невыносимо больно: а не лгать?

Вы думаете, такъ легко перестать лгать, такъ просто и рѣшается вопросъ: не захотѣлъ лгать—и не лги; рѣшилъ, что нужно говорить—и говори...

Далеко нѣтъ. Развѣ ложь только здѣсь — въ вопросахъ такого сорта?

А наше брачное право.

Вотъ хотя бы случай, который приводился въ литературѣ.

Священникъ вѣнчаетъ... „Не обѣщался ли иной?“ спрашиваетъ онъ. Нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ.

И священникъ продолжаетъ вѣнчаніе. Но онъ хорошо знаетъ, что ему солгали; знаетъ, что „онъ“, женихъ, не только обѣщался, а бросаетъ цѣлую семью голодныхъ дѣтей своей „незаконной семьи“ ради новой законно-коммерческой операціи. Священникъ знаетъ и чувствуетъ, что „онъ“ вѣчно лжетъ.

Потому то онъ и „*хочетъ проглотить*“, говоритъ сквозь зубы свой вопросъ и старается не разслышать отвѣта...

Но почему лжетъ? Если онъ не обвѣнчаетъ сегодня, завтра ему предпишетъ вѣнчать полиція.

А разводъ? Приходятъ съ просьбой о разводѣ люди, бракъ которыхъ давно сталъ „мерзостью въ очахъ Божьихъ“, законнымъ любодѣяніемъ, а для нихъ обоихъ сплошной мукой.

Что же скажетъ священникъ? *„Идите и постройте комедію нарушенія супружеской вѣрности. Если хотите, мы укажемъ лжесвидѣтелей“.*

Развѣ это не ложь? Но, вѣдь, исхода нѣтъ, разъ церкви навязанъ этотъ богохульный способъ доказательства права на разводъ.

Или недавно владыка-митрополитъ просилъ освободить священниковъ отъ обязанности быть почти „сыщиками“ по сектантскимъ дѣламъ.

И оно такъ и было: быть почти сыщиками, какой еще надо больше лжи?!

И еще многое, многое, многое.

Очевидно, что мало священникамъ беречь святость своего слова.

Врачу, исцѣлися!

Говорить то легко; ты сумѣй себя освободить на дѣлѣ.

Что-же дѣлать?

Ламенэ, тотъ самый, котораго такъ больно затронулъ фактъ, что „церковь Богоматери бѣдныхъ въ Турѣ — стала называться церковью Богоматери богатыхъ“, говоритъ слѣдующее:

„Мы вѣримъ, пишетъ онъ, что религія должна быть теперь всецѣло отдѣлена отъ государства, священникъ отъ политики: католицизмъ, всюду борящійся съ недовѣріемъ народовъ и слишкомъ часто съ преслѣдованіями правительствъ, ослабѣетъ еще больше, если не поспѣшитъ сбросить съ себя иго ихъ тяжелаго покровительства: онъ можетъ жить лишь путемъ свободы. При томъ ложномъ положеніи, въ

которое его ставятъ отношенія къ свѣтской власти, онъ представляется людямъ подъ внѣшностью, которая отталкиваетъ отъ него: спутанный тысячею узъ, которыя отнимаютъ у него самостоятельность движеній, онъ самъ хирѣетъ".

Нужно, чтобы клиръ сказалъ государству: „мы отказываемся отъ платы, которую вы намъ даете, и взамѣнъ того мы беремъ свою самостоятельность. Подчиненные, какъ всѣ французы, политическимъ и гражданскимъ законамъ страны, поскольку они не оскорбляютъ правъ нашей совѣсти, мы не признаемъ нашего авторитета во всемъ, что касается религіи, культа, дисциплины, преподаванія. Въ этомъ порядкѣ, чисто-духовномъ, мы свободны въ силу закона: мы подчинены лишь духовному главѣ, котораго намъ далъ Іисусъ Христосъ". И это рѣшеніе есть не только гарантія свободы церкви, но и моральнаго единства французской націи.

„Платимое намъ вознагражденіе отнимаетъ у насъ всякое достоинство, всякую моральную силу, порождаетъ въ нашихъ сердцахъ рабскія чувства".

Здѣсь правда, но какъ говорить о далекой, невозможной правдѣ?

Хоть немного свободы для нашей совѣсти, и хоть маленькій раіонъ для нашей церковной дѣятельности.

Приходъ, какъ область церковной работы,— вотъ та область, гдѣ возможна наша Христова соціологія, и гдѣ мы будемъ говорить о Христовой правдѣ.

Соборность епархіальнаго управленія, которая освобождаетъ священниковъ отъ страха предъ цер-

ковной мѣстной бюрократіей, дастъ ему иниціативу, самоуваженіе и силы, и мы вспомнимъ, что велѣлъ намъ говорить Христосъ.

А главное — церковно-соборное управленіе всей церковью, свобода отъ прямого давленія чужихъ для церкви хозяевъ.

Нормально-ли существующее у насъ церковное управленіе, при которомъ мы не умѣемъ, не можемъ отказаться отъ всего, что намъ навязываютъ — отъ лжи хотя бы того-же брачнаго права.

Нѣтъ, не нормально. Замѣтьте, я не о канонѣ говорю, а о законѣ.

Въ 1885 году Высочайше утверждено мнѣніе комиссіи, по которому высшей инстанціей въ церковныхъ дѣлахъ признается всероссійскій епископатъ.

Этимъ явно уничтожалась власть мірскихъ хозяевъ въ церковныхъ дѣлахъ — создавалась возможность епископату хоть кое въ чемъ говорить и дѣйствовать „отъ лица Божія“.

Гдѣ-же это опредѣленіе Государя? Кто могъ его спрятать и зачѣмъ?

Будетъ у насъ церковный соборъ—и онъ будетъ знать одну Божью правду, а не человѣческую полуправду.

Уста церкви молчатъ...

„...Гдѣ церковь? Почему она молчитъ, когда общество раздирается внутренними смутами, когда оно ждетъ успокоенія и утѣшенія при горестныхъ извѣстіяхъ о военныхъ неудачахъ? Не одни гг. Меньшиковы и о. Петровы задаютъ эти вопросы. Многіе искренніе граждане ждутъ, жаждутъ услышать *голосъ церкви* и не слышатъ его, а не слыша раздраженно спрашиваютъ: да гдѣ же самая церковь, гдѣ истинные пастыри?

А церковь въ лицѣ своихъ представителей въ настоящее время говоритъ и часто и громко. Синодальныя посланія по поводу текущихъ событій, рѣчи архипастырей и статьи ихъ должны быть извѣстны тѣмъ, которые хотятъ слышать голосъ Церкви. Но ихъ не слышатъ или не хотятъ слышать не только простые смертные, но и такіе прославленные публицисты, какъ о. Петровъ. Горячее архипастырское слово или замалчивается или высмѣивается, или пе-

ретолковывается въ смыслѣ угоднымъ „передовымъ“ публицистамъ. Кто знаетъ задушевныя и яркія по выразительности патріотическіи рѣчи преосвящ. Антонія Волынскаго по поводу текущихъ событій? Припомните случай съ воззваніемъ преосвящ. Иннокентія, подвизающагося на театрѣ военныхъ дѣйствій и т. д.“ Голоса церкви—не слышатъ, хотя онъ слышится...

Эти строки — кромѣ послѣдней резюмирующей, взяты изъ одной статьи „Прав. Русскаго Слова“ подъ заглавіемъ „Голосъ церкви“.

Авторъ хочетъ доказать, что уста церкви—не молчатъ, но ея голосъ не слышатъ только потому, что „слово церковное“ не доходитъ до слуха церковныхъ людей по неизвѣстности, слабой распространенности тѣхъ органовъ, въ которыхъ находитъ себѣ мѣсто „церковное слово“.

Мы очень уважаемъ хорошо намъ знакомаго автора статьи—но на этотъ разъ думаемъ, что онъ неискрененъ! Голосъ церкви — недоступенъ? Но Сѵнодальное посланіе? Вѣдь оно было напечатано всюду — во всѣхъ газетахъ.

Очевидно, дѣло не такъ просто. Я представляю дѣло немного иначе.

И вотъ мое особое мнѣніе.

Года два назадъ въ одномъ собраніи возбужденъ былъ вопросъ: можно-ли считать Сѵнодъ выраженіемъ голоса церкви.

„Сѵнодъ *или* церковь—говорилъ одинъ ораторъ. Я сознательно говорю: Сѵнодъ *или русская церковь*.

Для меня Сѵнодъ — *уста русской церкви.* Для меня нѣтъ разницы въ словахъ: Сѵнодъ или церковь".

„Теорія, пытающаяся облечь Правительствующій Сѵнодъ ни въ какой степени не принадлежащимъ ему значеніемъ представителя церкви—говорилъ другой—настолько безпочвенна и смѣло могу сказать—не православна, что подвергать ее подробному обсужденію я считаю излишнимъ.

Какъ видите разногласіе было поставлено остро. Поводъ, изъ-за котораго начался споръ, *тогда* былъ очень маленькій: въ сущности повода даже не было: его выдумали. И нельзя было предположить, что очень скоро тотъ же споръ „можно-ли назвать Сѵнодъ устами церкви" — станетъ вопросомъ жизненной, огромной важности, что черезъ два года, отовсюду (по поводу посланія), со всѣхъ сторонъ послышатся робкіе недоумѣвающіе голоса (робкіе, потому что принадлежатъ вѣрующимъ).

„Да въ чье имя говоритъ Сѵнодъ. Отъ кого это слово? Можетъ быть его слово мудро и велико, но можно-ли мнѣ принять его за „слово церкви апостольской. „Можетъ это слово и не свободно" не добровольно?

Совершилось неожиданное.—Посланіе одни принимали, другіе не принимали, въ томъ смыслѣ, что одни соглашались, другіе бранили, но не было кажется *человѣка, который* принялъ бы посланіе, какъ *голосъ церкви*—то есть, напримѣръ свое несогласіе съ посланіемъ—сознавалъ и какъ несогласіе съ церковью. Священники со всѣхъ концовъ Россіи зава-

ливаютъ письмами редакціи духовныхъ журналовъ и газетъ. Что намъ дѣлать, что говорить?

„Если насъ спрашиваютъ нашего мнѣнія о вопросахъ дня,—пишетъ одинъ священникъ — мы, каждый изъ насъ могли бы отвѣтить, но у насъ спрашиваютъ: „скажите, какъ думаетъ церковь“, и мы молчимъ потому сами не слышали ея голоса.

И характерна причина, почему посланіе не принимаютъ какъ „энциклику:“ причина въ томъ, что передъ посланіемъ было и послѣ него будутъ десятки циркуляровъ уже по внѣшнему виду вовсе не „церковныхъ“ и исходящихъ непосредственно отъ чиновниковъ.

Страшно сказать, но это истинная правда—цитуетъ другое письмо—что у многихъ изъ насъ вѣра въ Бога осталась только на словахъ; въ сердцѣ ни Бога и ни правды нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Господи милостивый, прости насъ и просвѣти насъ. Мы путь потеряли, мысль Христову потеряли. И не направятъ на этотъ путь ни духовная консисторія, ни архіерей, ни Святѣйшій Сѵнодъ; воистину нѣтъ, потому что (зачѣмъ же это скрывать) циркуляры ихъ—какой бы они заголовокъ ни носили для нашего сердца никакого значенія не имѣютъ, потому что даже когда намъ пришлютъ „посланіе“, мы по привычкѣ видимъ въ немъ „циркуляръ и первой подписью намъ чудится—подпись не владыки, а столоначальника. И радъ бы послушаться и повѣрить имъ, да по привычкѣ не вѣрится. Я говорю про себя, что я чувствую, но тоже вѣдь самое я слышалъ и постоянно слышу и отъ всѣхъ своихъ сельскихъ собратій па-

стырей.—Богъ свидѣтель, что настоящее наше положеніе лежитъ на всѣхъ насъ тяжелымъ гнетомъ, тяжелымъ игомъ и прямо сказать—всѣ мы какъ наладить жизнь по Христу и не знаемъ и силъ не не имѣемъ, и не пустые циркуляры могутъ намъ помочь. Поднять насъ можетъ только мощный голосъ соборнаго рѣшенія, авторитетно указующій, что и какъ намъ дѣлать и жить, и мы, искренно вѣря и сердечно убѣдясь голосомъ собора, съ радостію, всѣмъ сердцемъ возьмемся за свое пастырское дѣланіе?.. Но голоса не слышно.

Очевидно Сѵнодъ не признали, какъ „голосъ церкви“ или колеблются признать по трудности, минуты ждутъ и желаютъ голоса *авторитетнѣе, больше и независимѣе*. Не признали... И это было страшно... Страшно потому, что если „уста церкви молчатъ“, „голоса не слышно“—то конечно не только овцамъ ея стада, но и меньшимъ *пастырямъ* приходится, какъ „слѣпымъ“ заблудившимся въ лѣсу, ощупью искать дорогу.

А отъ овецъ слышатся уже и новые вопросы. Да есть-ли кому говорить-то? Есть-ли церковь? (См. газета „Русь“ № 18).

Уже не разъ мнѣ приходилось подслушивать очень извѣстный діалогъ изъ „Слѣпыхъ“.

Одинъ слѣпой. Вы знаете, куда пошелъ священникъ?

Не слышно его голоса.

Другой. По моему онъ слишкомъ долго оставляетъ насъ однихъ.

Первый. Слишкомъ старъ онъ становится. Съ нѣкотораго времени онъ самъ, кажется, ничего не видитъ. Онъ не хочетъ только сознаться въ этомъ изъ боязни, что кто-нибудь другой займетъ его мѣсто, но я подозрѣваю, что онъ уже почти ничего не видитъ... Надо бы намъ другого проводника... Я увѣренъ, что онъ потерялъ насъ и теперь ищетъ дорогу... Куда онъ ушелъ?—Онъ не имѣетъ права бросать насъ однихъ.

Я не хочу сказать, что въ этихъ голосахъ правда.

Избави Богъ, но вѣдь дѣло и не въ томъ, правы-ли тѣ, кто такъ думаетъ. Важно, что почва подъ ними колеблется, важно, что они „думаютъ", „подозрѣваютъ" и подозрѣваютъ на томъ основаніи, что, какъ имъ кажется, „голоса церкви" не слышно.

Нечего и говорить, что многое въ голосахъ священниковъ и мірянъ построено на недоразумѣніи.

Не правильно понятая идея церкви, или точнѣе слишкомъ слабая прикосновенность къ церковной жизни, мѣшающая слышать „біеніе ея пульса" дала возможность сдѣлать выводы сильнѣе тѣхъ, какіе были бы законны.

Если сунодальная форма не истинно церковная форма, здѣсь все сводится только къ тому, что жизнедѣятельность церковной жизни ослабѣваетъ въ энергіи, уменьшается. Церковь не можетъ явить себя міру во всей силѣ своего вліянія.

Но „живая" церковь хотя бы и, стѣсненная, въ ростѣ своемъ, воздѣйствіи на міръ—остается „живой".

Жизнь церкви не зависитъ цѣликомъ отъ формы управленія.

Жизнь церковная творилась, какъ и всегда, не въ засѣданіяхъ Сѵнода, а въ полнотѣ церкви, и голосъ ея былъ явенъ для всѣхъ имѣющихъ уши слышать.

Церковь сѵнодальная—дала міру святителя Тихона, св. Серафима. Изъ нея родились Хомяковъ, Самаринъ

И голоса священниковъ, какіе мы цитовали, рождены, конечно, изъ того же недостатка въ нихъ живой церковной жизни, потому что иначе для нихъ было живо живое преданіе церкви, въ которомъ и голосъ церкви.

Все это такъ, но что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что „голосъ церкви“ — долженъ стать *громче.*

Не нужно быть слишкомъ требовательнымъ. Вѣдь самое умѣніе „чувствовать церковь“ можетъ ослабѣть вслѣдствіе того-же уменьшенія внѣшне интенсивной церковной жизни, въ результатѣ того, что громки голоса чиновничества отъ имени церкви (... Хлыстъ Голицынъ издаетъ законы о бракѣ...)

Во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ: притупленность слуха, растерянность передъ сложными задачами современности, заставляютъ людей искать твердой, несомнѣнной опоры въ громко заявленномъ голосѣ всей церкви, а голосъ Сѵнода оказывается менѣе сильнымъ, чѣмъ желательно.

То, что ранѣе могло быть только вреднымъ де-

фектомъ (связанность обще-церковнаго сознанія чрезъ несовершенную форму правленія)—теперь становится большой опасностью. И чтобы спасти отъ этой опасности остается одно, или доказать, что самое *колебаніе въ признаніи обще-церковнаго голоса въ голосѣ Сѵнода ошибочно*, т. е., доказать „имъ", что Сѵнодъ и въ его теперешнемъ строѣ „уста церкви", если это возможно, или найти эти „уста".

Уста церкви — это церковный соборъ, соборъ представителей всего церковнаго общества: апостоловъ (посланниковъ) Духа Святаго, избранныхъ голосомъ *ихъ паствы*.

Соборъ—уста Святаго Духа (Изволися Духу Святому), но „Духъ" живетъ въ немъ именно потому, что это соборъ, т. е. вся церковь мірянъ и священниковъ объединившаяся въ любви и исканіяхъ истины.

— Да? Но тогда... Если такъ, то вопросъ легко разрѣшается. „Сѵнодъ есть соборъ... слѣдовательно...."

Это *„слѣдовательно"* очень понятно, *но вѣрны ли посылки?*

Соборъ-ли Сѵнодъ?...—Нѣтъ...

„И въ порядкѣ своего возникновенія, и по своимъ задачамъ, и по характеру своего современнаго существованія и властвованія Св. Сѵнодъ не церковь. Вотъ что сказано въ Основныхъ Законахъ Россійской Имперіи: Ст. 43.. „Въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, *ею учрежденнаго"*. Будучи, такимъ образомъ, органомъ верховной власти, учрежденнымъ ради цѣлей церков-

наго управленія, Св. Сѵнодъ есть именно административный органъ *свѣтской* власти. Поэтому, въ предѣлахъ своихъ полномочій отъ государства, авторитетенъ, внѣ ихъ — онъ безвластенъ. „Вѣрительныхъ грамотъ—отъ церкви у него нѣтъ.“ Сѵнодъ „устами церкви“ быть не можетъ. Это коллегія, но не соборъ.

а) Онъ потерялъ черты соборной церковной организаціи въ способѣ созыва членовъ.

Члены собора, вызванные волей свѣтской власти, не могутъ творить воли Того, Кто ихъ „послалъ“ церквамъ, какъ „ангеловъ церквей“ (Апок. III, 1). Они по-неволѣ будутъ „идти за волей“ другого *пославшаго ихъ*, того, кто можетъ ихъ и выслать, по крайней мѣрѣ изъ Петербурга. Извѣстно, какъ широко практикуются эти высылки. При Протасовѣ Сѵнодъ одно время состоялъ изъ больного почти столѣтняго епископа и пристроеннаго къ Сѵноду бывшаго уніата.

б) Сѵнодъ не соборъ по своему отношенію къ остальному епископству—потому что члены его выдѣлились изъ собора „всего епископства церкви“ не какъ его делегаты-представители,—а какъ высшая, чуждая этому собору—*власть*.

Соборъ — Сѵнодъ, правящая коллегія, это — центръ, изъ котораго расходятся лучи радіуса. Это учрежденіе узко централизирующаго характера, гдѣ „церковная жизнь“ фабрикуется чиновниками и *готовой* изъ центра, только формально связаннаго съ периферіями—разсылается—въ видѣ „бумагъ“—по церквамъ-епархіямъ.

Подлинный соборъ — это фокусъ, въ которомъ пересѣкаются лучи; учрежденіе, куда периферіи сами несутъ свою жизнь, а центръ только формируетъ, облекаетъ въ одежды, дѣлаетъ всецерковнымъ то, что должно сдѣлаться всецерковнымъ, устраняетъ— по общему опять таки голосу церкви—то, что опасно и вредно для жизни церкви и т. д.

Сѵнодъ, состоящій изъ епископовъ, которые не получили никакихъ полномочій отъ всего церковнаго собора, т. е. отъ остальныхъ епископовъ, не имѣютъ отъ нихъ братскаго благословенія, передающаго наличному составу голоса отсутствующихъ; Сѵнодъ, разорвавшій совершенно связи съ большей половиной церкви, *мірянами*, которые по отношенію къ Сѵноду могутъ выступить только въ одной роли: „съ оплаченнымъ марками прошеніемъ“ — *конечно не носитъ характера церковнаго собора...*

При такомъ положеніи дѣла онъ (Сѵнодъ) не только не выражаетъ общаго голоса церкви, но есть учрежденіе по отношенію къ епархіямъ совершенно постороннее.

Казалось бы, что хоть по провинціальной наивности, — въ епархіяхъ должны бы представлять Сѵнодъ, какъ такое святое мѣсто, гдѣ „живетъ церковная совѣсть“, гдѣ высшій судъ, судъ для всякаго „общественнаго и частнаго дѣла“, гдѣ лечатся внимательно и чутко, хотя бы и властно и сурово всѣ „боли и нужды *его* совѣсти и совѣсти общества, недуги и скорби семьи“ и т. д.

Увы, такой „*легенды*“ о Сѵнодѣ нѣтъ не созда-

лось, всѣ знаютъ, что и на порогѣ и въ глубинѣ Сѵнодскаго зданія встрѣтятся не „судъ церковной совѣсти“, а „регламентъ“ „уставъ духовныхъ консисторій“ и свѣтлыя пуговицы.

Сѵнодъ для провинціала не „святое святыхъ“, гдѣ Богъ живетъ, а большая консисторія, но извѣстно, что такое консисторія и для священника и для мірянъ, которые имѣли несчастіе туда зайти.

Мало того, Сѵнодъ — получиновничій отнялъ у епархій и ихъ архіереевъ, разорвалъ ихъ связь съ ихъ народомъ.

Такой Сѵнодъ—коллегія необходимо смотритъ на епископовъ съ нѣкотораго рода „ревностію“ недовѣрія, какъ на подчиненныхъ исполнителей его предначертаній и плановъ, плановъ *получужихъ для исполнителя*. Епископы въ свою очередь видятъ въ Сѵнодѣ учрежденіе, которое въ сущности и *правитъ* ихъ епархіей во всѣхъ ея частностяхъ. Себя они считаютъ безвластными и безгласными исполнителями предписаній издали, которымъ больше всего нужно бояться выйти изъ границъ циркуляровъ. Это, какъ отмѣчалось уже давно, убиваетъ возможность всякой иниціативы, живой и подвижной жизни въ епархіяхъ. Епископъ всегда даже во внутреннихъ такъ сказать, дѣлахъ епархіи (утвержденіе братствъ, ихъ уставовъ, священническія собранія и т. д.) ждетъ распоряженія сверху, боится, что каждое его движеніе будетъ превышеніемъ власти. И естественно, что онъ находитъ выгоднѣе „стоять на одномъ мѣстѣ“: *тогда никакой границы не перейдешь*.

Онъ боится и подойти ближе къ паствѣ, потому что тогда легко „сойти съ пути“, сбиться, поступить по указаніямъ святительской совѣсти и такимъ образомъ оказаться во враждѣ съ циркуляромъ и „мнимымъ соборомъ“.

Конечно такое отношеніе между епископами и (будто-бы) соборомъ всей церкви — неправильно, ложно, и гибельно.

Оно не только уничтожаетъ довѣріе къ голосу Сѵнода—какъ общецерковному, но дѣлаетъ нѣмыми и „уста“ отдѣльныхъ епископовъ. Если же мы прибавимъ, что въ Сѵнодѣ половина власти принадлежитъ составу нецерковному, разъединеніе между епископатомъ и Сѵнодомъ-коллегіей станетъ еще очевиднѣе и ярче, а вмѣстѣ еще яснѣе и ярче выступитъ „нѣмота церкви“.

„Вообразите себѣ — скажу словами одного оратора изъ религіозно-философскихъ собраній—только на одну минуту, напр., хоть Никейскій соборъ: отцы собора составили исповѣданіе вѣры, а какой-нибудь пронотарій или куропалатъ византійскаго базилевса положилъ этотъ символъ единой истинной вѣры подъ сукно—можете вы вообразить такое положеніе вещей? Конечно, нѣтъ, ибо каноны соборовъ, этого голоса древней церкви, дѣйственны внѣ всякой зависимости отъ усмотрѣнія агентовъ политической власти. Между тѣмъ всякое опредѣленіе Правительствующаго Сѵнода получаетъ силу *только* подъ условіемъ одобренія его прежде всего свѣтскимъ чиновникомъ. Не поставитъ онъ своего „читалъ“ (за которымъ подразу-

мѣвается: „и содержаніе онаго одобрилъ",—и опредѣленіе отцовъ тѣмъ самымъ уравнивается нулю".

Нѣтъ Сѵнодъ не соборъ—и потому что ни сказалъ-бы онъ—его слово будетъ принято какъ частное мнѣніе „нѣсколькихъ іерарховъ — притомъ несвободное отъ подозрѣній въ „чуждыхъ вліяніяхъ".

И вотъ „уста церкви молчатъ"... А народъ—священники слушаютъ молчаніе и ждутъ. Когда же заговорятъ? Господа, неслышно...

Пусть у церкви будетъ „свободный соборъ" и уста церкви будутъ открыты.

И церковь скажетъ правду свою.

„Только церковь свободная въ исповѣданіи полноты своего самосознанія, во внутреннемъ строѣ своемъ, въ служеніи слова своего, въ управленіи всѣхъ дѣлъ и всего ей ввѣреннаго, только свободно самоуправляющаяся (истиннымъ соборомъ) церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ полную, сыновне-чистую вѣру въ себя и вполнѣ обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія"... (Мнѣніе группы столичныхъ священниковъ).

Изъ кого долженъ состоять церковный соборъ?

Полагаемъ, что рѣшеніе вопроса очень зависитъ оттого, зачѣмъ, съ какими цѣлями будетъ созванъ соборъ.

Если этотъ соборъ будетъ созванъ только для выборовъ патріарха и первоначальной, такъ сказать, черновой организаціи Сѵнода, то тогда можно допустить, чтобы онъ состоялъ изъ *однихъ епископовъ*.

Созвать соборъ въ ниже предполагаемомъ составѣ теперь, при неорганизованности прихода, было бы почти нельзя: кто будетъ выбирать мірянъ на соборъ, пока нѣтъ ни первой ячейки объединенныхъ мірянъ, т. е. прихода, ни обще-епархіальныхъ приходскихъ организацій?

Говорятъ, что можно бы избрать представителей мірянъ земствами, но развѣ земство—церковная организація? Принципъ выборовъ здѣсь будетъ неизбѣжно нецерковный, инструкція избраннымъ будетъ только земская, и избранными будутъ люди нецерковные, не имѣющіе никакой „сближенности“ съ интересами церкви (я не говорю—противоцерковные).

Собирать теперь соборъ епископовъ, пресвитеровъ и мірянъ немыслимо, нужно по крайней мѣрѣ

годъ подготовительной организаціонной работы. Но откладывать на годъ все же опасно и нежелательно.

Поэтому, повторяю, первый избирательный соборъ можетъ быть только епископскимъ, но первый соборъ — *законодательный*, *реформирующій*—а всѣ будущіе помѣстные соборы русской церкви? Изъ кого будутъ состоять они?

Вотъ вопросъ, въ которомъ все отъ того или иного рѣшенія,—это быть ли Россіи дѣйствительно обновленной и сильной.

Одинъ изъ моихъ учителей утверждаетъ, что соборъ можетъ быть только изъ епископовъ. Это будто бы истинно каноническая норма. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, повидимому, Л. Тихомировъ („Запросы жизни и наше церковное управленіе“).

Полагаемъ, что эта точка зрѣнія и невѣрна, и опасна.

Однимъ изъ принциповъ обновленія жизни Церкви, какъ мы ее понимаемъ, можетъ и должно быть сближеніе съ интеллигенціей, „церковнымъ народомъ“, въ общей церковной работѣ.

Какъ справедливо писалъ Заозерскій, главная причина слабости нашего церковнаго управленія и состоитъ именно „въ полномъ разъединеніи тѣхъ нравственно-интеллектуальныхъ силъ, которыя имѣются въ распоряженіи Церкви. Этихъ силъ, слава Богу, у насъ много; но онѣ дѣйствуютъ всѣ врозь, нерѣдко въ печальномъ антагонизмѣ между собою. Соберите ихъ воедино, и наша Церковь явится великою нравственною силою. Какія же это силы? Вотъ онѣ: сила

общественно-нравственнаго авторитета, или наши іерархи; сила субъективной *горящей* вѣры (я бы прибавилъ и молитвы)—подвижники, энтузіасты въ вѣрѣ, не имѣющіе оффиціально-церковнаго авторитета, но могущіе встрѣтиться едва ли не въ каждомъ сословіи, въ каждой профессіи; сила богословскаго знанія, сила интеллигенціи—писателей и художниковъ, ищущихъ религіозной истины, стремящихся воплотить ее въ своемъ творчествѣ и т. д.“

Можно ли разъединить эти силы въ самомъ началѣ дѣла?

Мы думаемъ, что въ такомъ разъединеніи святое церковное дѣло было бы несвободно даже и отъ опасности чисто внѣшней.

Не чувствуя за собой силы церковныхъ мірянъ, ихъ голоса, соборъ могъ быть нерѣшительнымъ и слабымъ въ своихъ трудахъ, и не потому даже, что ему придется бороться съ какой-нибудь внѣшней силой; нѣтъ,—просто потому, что сочтетъ слишкомъ тяжелымъ для себя брать отвѣтственность за свои рѣшенія.

Но не это главное. Главное то, что созвать соборъ изъ однихъ епископовъ—значитъ на самомъ дѣлѣ намъ погасить огонь, который долженъ разгорѣться. Міряне жалуются, что они изгнаны изъ жизни церковной, что они только „гости“ въ храмѣ и пассажиры на „церковномъ суднѣ“ (Розановъ).

Простолюдины и въ церкви—только пыль, мостовая, по которой идутъ книжники.

Храмъ для мірянъ—чужое мѣсто и чужое дѣло,

дѣло клириковъ и какой-то тамъ администраціи. „Мы чужіе для храма и онъ для насъ. Возвратите намъ храмъ и церковное дѣло,—говорятъ,—и вы получите церковный народъ, и пассажиры на церковномъ кораблѣ станутъ трудниками на немъ, помогутъ судну идти къ его великой цѣли“.

Мы увѣряемъ мірянъ, что они ошибаются, пожалуй, даже клевещутъ.

Церковь,—говоримъ мы,—священники давно зовутъ мірянъ, чтобы они были не „гостями“, а работниками въ церковномъ дѣлѣ, возвратились въ Церковь въ качествѣ живыхъ членовъ, восполняющихъ полноту жизни церковной.

Церковь православная,—увѣряли мы, тѣмъ и отличается, напр., отъ католической, что считаетъ каждаго мірянина творцомъ церковной жизни.

„Міръ изгнанъ Церковью изъ храма, отстраненъ отъ церковной жизни, и ему холодно отъ этого недружелюбія Церкви“,—говорили намъ.

Нѣтъ,—отвѣчали мы,—храмъ Христовъ выстуженъ, оледенѣлъ, потому что міряне его бросили, не желая создавать изъ себя „собора церковнаго“.

И вотъ, когда въ первый разъ обсуждаются вопросы, ближайшимъ образомъ затрогивающіе интересы ихъ жизни, какъ членовъ Церкви (напр. вопросъ о приходѣ), когда не аллегорически созывается „соборъ“,—для нихъ закрываются его двери.

Не значитъ ли это оттолкнуть навсегда тѣхъ, кого хотѣли возвратить?

Мы собираемъ соборъ во имя идей возобновленія

церковнаго, идей соборности, и сами разрушаемъ то, что хотимъ создать, изгоняя мірянъ, съ которыми должны быть едиными.

Не нужно забывать, что между Церковью и мірянами давно ведется „судное дѣло".

Къ Церкви предъявленъ длинный и серьезный обвинительный актъ, и она, вѣчная и чистая, ради спасенія душъ, должна снисходительно принять обвиненіе и на него отвѣтить.

Только на почвѣ взаимнаго примиренія возможна будущая работа.

Само собою разумѣется, я говорю не о тѣхъ обвиненіяхъ, какія предъявляютъ Церкви люди, „канканирующіе въ области святыхъ понятій". Церковь не будетъ судиться съ авторомъ „Мессы", напр. Нѣтъ, много обвиненій (держащихся отчасти на недоразумѣніи) предлагаютъ истинно церковные люди, и вотъ ими начатый „судный процессъ" долженъ быть такъ или иначе покончень. Ихъ оттолкнуть—значитъ „разорить Церковь".

Но можетъ быть, допуская мірянъ, вы стали въ противорѣчіе съ церковною практикой и канономъ?

Конечно, нѣтъ. По идеѣ Церкви восточной, сила всякаго собора держится именно на томъ, что онъ не *„только" епископскій соборъ*, даже тогда, когда по составу, *внѣшне-статистически онъ состоитъ изъ однихъ епископовъ* (если таковые бывали).

Присутствіе мірянъ на соборахъ, какъ и вообще участіе ихъ въ дѣлахъ церковныхъ, не только вполнѣ законно, но и необходимо. Тѣло церковное, соста-

вляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимоскрѣпляющихъ связей, получаетъ приращеніе для созиданія себя въ любви только при дѣйствіи въ свою мѣрку каждаго члена (Еф. IV, 12—13, 16). Церковь Христова есть союзъ взаимоназиданія, въ которомъ каждый, буде не препятствуетъ ему совѣсть его, долженъ быть не только назидаемымъ, но и назидающимъ. Ап. Павелъ не порицаетъ участія мірянъ въ благовѣствованіи, а радуется ему (1 Филип. I, 4—5). Міряне не удаляемы должны быть епископами отъ участія въ дѣлахъ церковныхъ, а привлекаемы; тогда только и собственная ихъ дѣятельность будетъ плодотворною. „Церковь, — говоритъ св. Кипріанъ Карѳагенскій,—есть народъ, соединенный со своимъ епископомъ, стадо, прилежащее пастырю. Церковь обитаетъ въ епископѣ, клирѣ и вѣрномъ народѣ". Необходимо присутствіе на соборахъ мірянъ, чтобы согласіе и единодушіе собравшихся было полнѣе. И если не всѣ міряне присутствовали на соборахъ, потому что это было невозможно при многочисленности ихъ въ Церкви, то всѣ они имѣли право присутствовать на нихъ и своимъ молчаливымъ согласіемъ подтверждали постановленія соборовъ. При этомъ только условіи и постановленія вселенскихъ соборовъ имѣютъ авторитетъ непогрѣшимости и общеобязательности; ибо „непогрѣшимость почіетъ единственно во вселенскости Церкви, объединенной взаимною любовію. Неизмѣняемость догмата, равно какъ и чистота обряда, ввѣрены не одной іерархіи, но всему народу церковному". „У

насъ, — говорятъ восточные патріархи, — ни патріархи, ни соборы никогда не могли внести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія (вѣры, религіи и нравственности) есть само тѣло Церкви, т. е. самый народъ". И вселенскіе соборы признаются таковыми не потому только, что на нихъ присутствовало множество епископовъ, но потому, что Церковь, т. е. клиръ и народъ вмѣстѣ, признали ихъ выразителями своего ученія, своей внутренней жизни. „Въ обыкновенной формулѣ соборныхъ объявленій — «изволися Св. Духу и намъ», выражается, — говоритъ Хомяковъ, — не горделивое притязаніе, но смиренная надежда, которая впослѣдствіи оправдывалась или отвергалась согласіемъ или несогласіемъ всего народа церковнаго, или всего тѣла Христова, какъ выразились восточные патріархи". — „Соборы еретическіе, числомъ подписавшихся епископовъ (какъ, напр., соборы, составившіе полуаріанскій символъ) превосходившіе, напримѣръ, Никейскій соборъ, — отвергнуты были единственно потому, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ Церкви *всѣмъ церковнымъ народомъ;* тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мужчиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ; гдѣ, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ видѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ

единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія. Таковъ догматъ, лежащій въ глубинѣ идеи собора".

Но если такъ, то участіе мірянъ на соборѣ безъ права рѣшающаго голоса необходимо. И оно канонично. Первый соборъ церковный (соборъ апостольскій) состоялъ изъ „епископовъ, старцевъ и народа" (Дѣян. XV гл.).

На первомъ вселенскомъ соборѣ, святую икону котораго мы надѣемся видѣть въ залѣ будущихъ соборныхъ совѣщаній, кромѣ 318-ти „отцовъ" присутствовало очень много мірянъ, являвшихся на соборъ для разсужденія и состязанія *о вѣрѣ* и вообще для выясненія своихъ догматическихъ мнѣній. Не говоря о вѣрныхъ (т. е. полноправныхъ членахъ-мірянахъ), здѣсь были даже язычники-философы, вступавшіе въ философско-богословскіе дебаты съ отцами собора. Они допущены, очевидно, для цѣлей выясненія истины.

Объ одномъ изъ Карѳагенскихъ соборовъ имѣемъ такое заявленіе святого Кипріана: „Надлежитъ, составивъ общій совѣтъ съ епископами, пресвитерами, діаконами, исповѣдниками и *твердыми въ вѣрѣ мірянами*, разсудить о дѣлѣ падшихъ".

На 6-мъ вселенскомъ соборѣ видную роль играетъ простой нотарій (св. Андрей Критскій, не имѣвшій никакой церковной степени). По словамъ пролога, „тамъ онъ явился доблестнымъ противъ еретиковъ воиномъ Іисуса Христа и много содѣйствовалъ собору святыхъ отцовъ. Самъ императоръ и весь со-

боръ святыхъ отцовъ преисполнились почтенія къ Андрею".

И эти иллюстраціи могутъ быть безконечны.

„Архіерейскій соборъ", какъ *замкнуто* дѣйствующая отъ прочихъ членовъ Церкви коллегія, явился въ значительно позднее время: появленіе его можно объяснить чисто историческими причинами, напр., отсутствіемъ интереса въ народѣ къ чисто духовнымъ или вообще церковнымъ дѣламъ, его невѣжествомъ, но *признать идеальною канонически* такой формы *нельзя*. Духъ замкнутыхъ коллегій, „секретовъ" или „консисторій", былъ совершенно чуждъ Церкви апостольскаго вѣка, равно какъ и слѣдующихъ вѣковъ (проф. Заозерскій).

Но если на соборѣ должно быть мѣсто мірянамъ, то тѣмъ болѣе двери собора не могутъ быть закрыты для священниковъ.

Древнее церковное право считаетъ необходимымъ, чтобы епископы рѣшали дѣла со своими старцами-пресвитерами. Епископъ немыслимъ безъ пресвитеріума, пресвитерскаго совѣта... Понятно, при этихъ условіяхъ немыслимъ былъ безъ пресвитеровъ и епископскій соборъ. Мы видѣли, что на Карѳагенскомъ соборѣ пресвитеры были. На Арелатскій соборъ епископы ѣдутъ, взявъ съ собой два духовныхъ лица 2-й степени, т. е. пресвитеровъ. На помѣстномъ соборѣ Эльвирскомъ въ 309 г., издавшемъ многія очень важныя опредѣленія касательно церковной дисциплины, было 19 епископовъ, 26 пресвитеровъ, діаконовъ и великое множество народа.

Римскій помѣстный соборъ 465 г., подъ предсѣдательствомъ папы Иларія, состоялъ изъ 98 епископовъ и всѣхъ пресвитеровъ и діаконовъ.

Что же препятствуетъ допустить бѣлое духовенство теперь къ участію въ соборныхъ совѣщаніяхъ?

Ихъ участіе обязательно. Никто не станетъ утверждать, что епископъ въ епархіальномъ управленіи могъ бы справиться безъ помощи священниковъ. Было бы наивностью сказать, будто епископы освѣдомлены во всѣхъ сторонахъ епархіальной жизни, что для нихъ открыты всѣ раны и язвы епархіальнаго устройства и т. д. Что же они будутъ рѣшать? Какимъ чудомъ епископъ, безсильный обнять всю область епархіальныхъ дѣлъ у себя дома, здѣсь, на соборѣ, окажется сильнымъ для того, чтобы говорить объ улучшеніяхъ и перемѣнахъ въ области тѣхъ же самыхъ дѣлъ?

Кто дастъ ему „вѣдѣніе?“

Этого мало; будущій соборъ будетъ судомъ надъ бѣлымъ духовенствомъ. Здѣсь будетъ рѣшаться, между прочимъ, „ихъ дѣло“, ихъ отношенія къ епископской власти, вопросъ о священническихъ соборахъ и такъ далѣе... Неужели же этотъ первый судъ обновленной Церкви будетъ совершаться безъ подсудимыхъ?

Вѣдь не говоря о томъ, что епископы, рѣшающіе вопросъ о епархіальномъ управленіи, не могутъ быть свободны отъ подозрѣній въ пристрастіи, они

не могутъ вынести правильнаго суда, не выслушавъ подсудимыхъ, и по своей неосвѣдомленности.

Поэтому устранить изъ собора бѣлое духовенство было бы и несправедливо, и вредно для дѣла и интересовъ Церкви.

Такъ требуютъ и каноны.

„Первосвятитель“ или „первоприсутствующій?“

Волею Государя созывъ церковнаго собора отложенъ. Полагаемъ, что это не только не освобождаетъ отъ обязанности обсуждать вопросы будущей реформы, но, наоборотъ, заставляетъ торопиться, чтобы къ великому часу была сдѣлана вся черновая работа, собраны всѣ „матеріалы“ для соборнаго обсужденія. Какъ такіе матеріалы, мы и намѣрены дать рядъ замѣтокъ о возможномъ устройствѣ церковнаго управленія.

Нуженъ ли намъ первосвятитель, или только „новый“ Сѵнодъ съ первоприсутствующимъ?

У канониста едва ли бы и возникъ когда-нибудь такой вопросъ, — но онъ поставленъ въ печати („Сынъ Отечества“), и, слѣдовательно, его должно рѣшить.

Первосвятитель или первоприсутствующій? Если первое, — то патріархъ или первый митрополитъ?

Да, первосвятитель... Идея приматства недаромъ стала канонической догмой. Первосвятительство нужно, необходимо требуется интересами церковной жизни, и г. Л. Тихомировъ едва ли не правъ, видя

здѣсь, т. е. въ приматствѣ, одно изъ условій будущаго возрожденія Церкви, гарантію оживленія и оздоровленія церковной жизни.

Прежде всего „приматство“ необходимо должно быть возстановлено уже по внѣшне-формальнымъ причинамъ. Церковная реформа можетъ быть прочной и пользоваться довѣріемъ только при одномъ условіи, – если она будетъ держаться не на произволѣ и желаніи преобразователей, а на основѣ „*канона*“. А этотъ канонъ говоритъ опредѣленно за первосвятительство... „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ“ (Апост. 34).

Если возвращеніе къ каноническимъ началамъ, то — „первосвятитель“.

Правда, въ послѣдніе дни послышался авторитетный голосъ, что нѣтъ нужды слишкомъ цѣпляться за каноны. Чрезмѣрное пристрастіе къ археологіи въ проектахъ реформы грозитъ, говорятъ, опасностью возрожденія устарѣвшихъ и отжившихъ формъ. Канонъ никогда не былъ неподвижнымъ, мертвымъ. „Одно время одни каноны, въ другое другіе“ (проф. Никольскій).

Конечно, въ этихъ голосахъ есть много вѣрнаго. Само собою разумѣется, — не Церковь для канона, а канонъ для Церкви. Канонъ, насколько онъ касается дисциплины и внѣшняго порядка церковнаго

управленія, — норма церковной жизни подвижная, а не абсолютная и вѣчная. Церковное сознаніе нерѣдко отказывалось отъ однѣхъ формъ церковнаго строя и дисциплины и замѣняло ихъ другими.

Все это такъ, — но иногда *держаться археологіи*, даже именно потому, что эта археологія, бываетъ необходимо. Для того, чтобы пересоздавать нормы церковной жизни, реформировать формы управленія, Церковь, — полагаемъ мы, — должна уже предварительно быть *организованной по духу „соборности“ на истинно-церковномъ принципѣ*. Церковь съ ослабленной силой творчества, задавленная вѣками бюрократическаго гнета, не можетъ сразу найти въ себѣ силу для живой перестройки всего „внѣшняго плана“ церковнаго зданія извнутри себя, изъ пребывающаго въ Церкви откровенія, — только *на фундаментѣ*, а не „по планамъ“ вѣчно живого канона. Поэтому она должна прежде всего возстановить внѣшнимъ образомъ связь съ преданіемъ древней Церкви, принять, какъ первый „очеркъ“ будущаго плана „церковнаго строенія“, то, что дано готовымъ въ старо-каноническихъ системахъ церковнаго устройства, въ соборномъ канонѣ. Чрезъ это Церковь становится въ благое единство съ вселенской Церковью и пріобрѣтаетъ свободу независимой истинно-церковной организаціи, устойчивость организаціи, построенной „на твердомъ камени вѣчнаго преданія“, — а это единство, каноническая свобода и устойчивость уже послѣ дадутъ Церкви и силу *каноническаго творчества*, „право и волю“ извѣст-

наго относительнаго измѣненія церковно-каноническихъ нормъ. *Но исходитъ безопаснѣе — изъ археологіи*, это во-первыхъ. А во-вторыхъ, едва ли можно далеко отойти отъ „археологіи“ и стараго канона даже и въ освобожденной, сильной Церкви. Не нужно забывать, что канонъ вовсе не есть безразличныя, случайныя формы благочинія, или церковнаго порядка, въ родѣ того или другого покроя церковной одежды или храмовой архитектуры. Канонъ канону рознь. Есть нормы (и это даже большинство каноническихъ нормъ), которыя вовсе не связаны съ „мѣстомъ и временемъ“, а представляютъ простой выводъ, внѣшнее выраженіе „догмы“, евангельскаго закона. Возьмите канонъ о поставленіи епископа соборомъ епископовъ, — это вовсе не норма этикета, а догматическая необходимость, требованіе, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ самой идеей Церкви. Въ виду этого, простая осторожность требуетъ съ большою осмотрительностью порывать съ „археологіей“. Съ ней можно столкнуть и евангеліе. Нечего и говорить, что наше „старообрядческое недовѣріе“ къ измѣненію церковныхъ формъ въ основѣ своей держится на болѣе глубокомъ пониманіи церковной идеи, чѣмъ теоріи „подвижности и эволюціи канона“, и потому не считаться съ этимъ *недовѣріемъ* было бы грѣхомъ.

И потому, повторимъ: „первосвятительство нужно, потому что оно требуется канономъ, а будущая система должна быть близкой къ канону, чтобы не вызвать опаснаго недовѣрія“.

Въ то же время первосвятительство нужно и по существу дѣла.

Первый епископъ въ канонической системѣ — самостоятельный и необходимый дѣятель (факторъ) церковнаго строенія, съ своей особою задачею и и областью дѣйствованія.

Его мѣсто въ системѣ велико и серьезно. Нужно особенно помнить, что въ Церкви, кромѣ епископовъ и церковной, правящей организаціи, *есть народъ и власть*. Для этой половины необходимо нуженъ всероссійскій епископъ. Народъ никогда не можетъ свои чаянія воплотить въ Сѵнодѣ, т. е. „многоликомъ соборѣ“. Онъ желаетъ видѣть Церковь воплощенной въ ея верховномъ епископѣ, какъ главномъ духовномъ руководителѣ всего народа, съ правомъ къ народу говорить отъ своего лица, какъ духовной главы его. Здѣсь правъ Тихомировъ, заявляя, что отсутствіе первенствующаго епископа сознается русскимъ народомъ, какъ недостатокъ „нужнаго свѣточа“ или церковнаго авторитета. А еще, говорю я, рядомъ съ народомъ стоитъ Государь. Уже давно сознана необходимость тѣснѣйшаго, непосредственнаго общенія церковной власти съ Государемъ, Церковь — это половина Россіи, больше,—это Россія „коренная“, внутренняя душа народа... Основной тезисъ русскаго пониманія отношеній Государя къ народу—возможно большая близость общенія между народомъ и Государемъ,—тезисъ, недавно вновь подтвержденный Высочайшей властью. Но очевидно, что больше всего возможна и нужна близость въ той области, гдѣ народъ уже себя созналъ и опредѣлилъ — въ области цер-

ковной. Здѣсь отсутствіе этого желаннаго общенія, недостатокъ непосредственнаго отношенія Государя къ Церкви особенно способны вызвать скорбное недоумѣніе, смуту въ привычномъ міровоззрѣніи народа.

Какимъ путемъ должны вѣдаться тѣ многочисленныя дѣла, гдѣ Церковь входитъ въ организмъ государственный своими чисто человѣческими сторонами,—объ этомъ пока говорить неумѣстно.

Но дѣла Церкви, какъ организаціи спасенія, просвѣщенія, дѣла вѣры, проповѣди, миссіи, нравственнаго руководства? Можетъ быть, это будетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ (хотя я не думаю этого), но мнѣ кажется, церковная жизнь народа, его вѣрованія есть интимнѣйшія „святая святыхъ“, которыя и вѣдомы *только Церкви, какъ ея духовнику*. И ясно, поэтому, что передаваться Государю эта жизнь можетъ только тѣми, кому ввѣрена тайна ея; передача черезъ какое бы то ни было посредство убиваетъ смыслъ духовныхъ отношеній между народомъ, Церковью, и главой народа, Государемъ. И потому *нуженъ первосвятитель*.

Какъ? Зачѣмъ? Отсюда слѣдуетъ, что докладъ Государю долженъ дѣлаться не свѣтскимъ лицомъ, а епископомъ,—но вѣдь для этого первоприсутствующій такъ же *достаточенъ*, какъ „первосвятитель“. Совсѣмъ нѣтъ. Первоприсутствующій—только представитель „Сѵнода“, только дѣловой докладчикъ, а народу нужно посредника и предстателя, имъ избраннаго и „нареченнаго“, или, по крайней мѣрѣ, принятаго въ „предстоятели“.

Нечего и говорить, что у первосвятителя возможенъ и кругъ дѣлъ, особая сфера дѣятельности, въ которой его не можетъ замѣнить Сѵнодъ. Однако объ этомъ послѣ.

Но имя патріарха,—нужно ли оно? Странно и мелочно,—скажете вы. Зачѣмъ споръ изъ-за словъ? Развѣ „имя“ такъ важно, чтобы ставить его вопросомъ?

Да, важно. Да, *патріархъ!* Здѣсь дѣло идетъ не о словѣ, не о „гремящемъ титулѣ“. Нѣтъ,—дѣло идетъ о границѣ, „вѣхахъ“ новой церковной жизни. Мы не хотимъ говорить, какъ иногда говорятъ, будто со временъ Петра Церковь въ параличѣ. Нѣтъ. Въ это время въ Церкви жили св. Тихонъ и Серафимъ, въ это время писали А. С. Хомяковъ, Самаринъ и т. д. Но въ то же время ясно, что съ освобожденіемъ Церкви для нея настанетъ „новое лѣто“ свободной, интенсивной и благодарной работы, время сѣянія, и нужно поставить вѣху на границѣ этого „новаго“. Народъ, въ глазахъ котораго измѣненіе „основъ“ учрежденія необходимо должно выразиться и перемѣной одеждъ, старообрядчество, для котораго возрожденіе стараго дорогого имени есть призывъ къ соединенію,—ради всѣхъ этихъ немощныхъ и малыхъ очень нужно имя. Перемѣны въ строѣ Сѵнода они не замѣтятъ, не схватятъ, по крайней мѣрѣ сразу. Имъ нужно яркое и видимое, чтобы они поняли перемѣну и ради нея перемѣнили свое отношеніе къ Церкви.

Теперь—вопросъ, какое мѣсто занимаетъ Сѵнодъ при патріархѣ или патріархъ при Сѵнодѣ?

„Правящій соборъ“.

Какъ уже легко вывести изъ предыдущихъ статей, въ предполагаемой системѣ рядомъ съ патріархомъ необходимо стоитъ „Сѵнодъ“. Какое же мѣсто занимаетъ Сѵнодъ въ системѣ управленія? Патріархъ при Сѵнодѣ или Сѵнодъ при патріархѣ?

Полагаемъ, — ни то, ни другое.

Патріархъ *и* Сѵнодъ.

Л. Тихомировъ не допускаетъ при патріархѣ Сѵнода, такъ какъ, по его мнѣнію, „правящій соборъ“ по существу немыслимъ: соборъ всегда есть только совѣщательное и законоположительное, а никакъ не исполнительное установленіе. Исполнительная управительная власть въ Церкви по канону принадлежитъ будто бы главному епископу Церкви.

„Первенствующій членъ Сѵнода, т. е. митрополитъ резиденціи Государя Императора, — пишетъ онъ, — долженъ получить въ свое единоличное вѣдѣніе всѣ права, принадлежащія Сѵноду по функціямъ управительнымъ, т. е. права патріаршія, права глав-

наго епископа русской Церкви. Остальной составъ Св. Сѵнода сохраняетъ всѣ свои совѣщательныя функціи, при чемъ, для должнаго исполненія ихъ, составъ его усиливается присоединеніемъ къ вызываемымъ для присутствія епископамъ также и опытныхъ и ученыхъ отцовъ архимандритовъ и протоіереевъ" и т. д. („Запросы жизни и церковное управленіе").

Полагаемъ, что это не совсѣмъ вѣрно канонически, — или лучше, — совсѣмъ *невѣрно*.

Мы думаемъ, наоборотъ, что патріархъ безъ Сѵнода или съ совѣщательнымъ сѵнодомъ былъ бы явленіемъ неканоническимъ. Всѣ епископы равны и одинаковы. Епископъ, управляющій не рядомъ со всѣми, а стоящій надъ всѣми, — неправославный епископъ. Въ проектахъ Тихомирова есть явный оттѣнокъ папизма, а отъ папизма спаси насъ, Господи!

„Каноническій принципъ примата въ православной Церкви, по самому существу своему, никогда не имѣлъ ничего сходнаго съ римско-католическимъ папствомъ; это отлично знаетъ каждый мало-мальски знакомый съ вселенскимъ каноническимъ кодексомъ и съ исторіей греческой, русской и славянскихъ православныхъ Церквей. Стóитъ только съ должнымъ вниманіемъ прочитать 34-е апостольское правило, формулирующее принципъ примата, чтобы убѣдиться, что тутъ нѣтъ ничего, напоминающаго средневѣковый абсолютизмъ папства; по духу и буквѣ каноновъ вселенской Церкви, примасъ, какою бы высокою честію ни отличенъ былъ отъ прочихъ

въ административномъ отношеніи подвластныхъ ему епископовъ, не имѣетъ никакого преимущества передъ ними по іерархической степени: онъ такой же *смиренный* епископъ, какъ и всѣ они; самъ рукополагается и судится соборомъ епископовъ, какъ и каждый епископъ; безъ совѣта съ ними и онъ ничего не творитъ внѣ своей епархіи, какъ и каждый изъ нихъ" (Заозерскій).

Отсюда и монархія Л. Тихомирова есть „прельщеніе" католицизма: въ совокупности помѣстной Церкви единственно истиннымъ управительнымъ органомъ и *можетъ быть только соборъ*.

Соборность управленія — первый тезисъ, фундаментъ, альфа и омега церковнаго строенія. Соборы помѣстные, по словамъ Тихомирова, — только „совѣщались" и „законополагали". Нѣтъ, они и правили, „домостроительствовали". На соборѣ помѣстномъ въ древней Церкви собственно всегда объединялось два учрежденія — епископскій съѣздъ или „соборъ", собиравшійся для тѣхъ же цѣлей (въ уменьшенномъ видѣ), для какихъ могли собираться и соборы вселенскіе, — для того, чтобы разсуждать „о догматѣхъ благочестія и разрѣшать случающіяся церковныя прекословія" (ап. прав. 37), и соборъ *управительно-судный*, обсуждавшій и властно рѣшавшій административныя и судебныя дѣла округа (5 ник. соб.).

Девять помѣстныхъ соборовъ дали свои *законоположительныя* правила; а что же дѣлали остальные? Они рѣшали дѣла Церкви не принципіально, не пра-

вила давали, а *просто ставили рѣшенія* по текущимъ дѣламъ. Сюда, на такія соборныя засѣданія, епископы передавали всѣ дѣла, въ которыхъ для блага и благоустройства всей Церкви нужна была полная согласованность дѣйствій, всѣ дѣла, въ которыхъ соприкасались интересы нѣсколькихъ епархій, дѣла, которыя епископъ считалъ выше своей компетенціи, какъ прекословныя и т. д. (ап. 37). Самъ соборъ бралъ на свое разсмотрѣніе, по суду всѣхъ епископовъ, дѣла ревизіонныя, аппеляціонныя, судебныя и т. д. Именно для этого второго рода дѣлъ, по 19 прав. халкидонскаго собора, т. е. буквально для управленія наличными дѣлами, для διορθώσεως δεομένων ἐκκλησιαστηκῶν πραγμάτων, διορθώσεως ἑκαστῶν ἀνακυπτόντων, или иначе въ цѣляхъ θεωρίας καὶ ἐπισκέψεως ἐκκλησιαστηκῶν ὑποθέσεων, — требовалось собирать эти соборы *два раза въ годъ*, а не для засѣданій только совѣщательныхъ и законоположительныхъ. Мы знаемъ, что такіе соборы иногда носятъ опредѣленное названіе δικαστήριον — судъ (Сард. 3).

Но, конечно, собранія дважды въ годъ достаточны были только для древне-церковнаго округа (въ нѣсколько епархій), по количеству пасомыхъ равнаго развѣ одной нашей епархіи. Представьте же себѣ теперь сравнительно большой округъ, напр., округъ патріарха. Здѣсь несомнѣнно, даже при усиленной мѣстной власти отдѣльнаго епископа, при большой децентрализаціи, слишкомъ много было бы дѣлъ „сверхъепархіальныхъ“, и соборъ долженъ былъ бы собираться не два, а двадцать разъ, иначе говоря—обя-

зательно стать постояннымъ. Отсюда — постоянный соборъ константинопольской патріархіи (σύνοδος ἐνδημοῦσα), который существуетъ уже во времена халкидонскаго собора.

Акты этихъ соборовъ ясно показываютъ, что и „эти пребывающіе, постоянные — ἐνδημοῦσαι — соборы представляли не совѣщательное учрежденіе при патріархѣ, а высшее управленіе и высшій судъ патріархата (см. Acta, издан. Миклошичемъ, т. 1 — 2).

Поэтому управительный соборъ возможенъ. Нужно только, чтобы онъ не былъ коллегіей, по образу теперешняго Сѵнода. Корректура не представляетъ затрудненій. Преобразованіе коллегіи въ соборъ легко и безъ всякой ломки достигается двумя поправками, необходимость которыхъ всегда сознавалась въ русской Церкви: всѣ епископы признаются членами Сѵнода и всѣ вызываются туда по очереди, хотя бы въ числѣ двѣнадцати, какъ въ патріаршемъ Сѵнодѣ константинопольскомъ.

Каждый отдѣльный епископъ правитъ съ значительной долей иниціативы въ предѣлахъ своей епархіи.

Всѣ епископы, составляя сѵнодъ, правятъ дѣлами общецерковными, превышающими единоличную компетенцію епископа, вѣдаютъ такія епархіальныя дѣла, въ которыхъ епископъ по какимъ-либо причинамъ обязанъ выйти изъ разсмотрѣнія дѣла или ищетъ подкрѣпленія въ голосахъ братіи и пр. Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

При такой поправкѣ, Церковью правятъ „избранники“ Церкви, которымъ всѣ епископы Церкви до-

вѣрили право въ нѣкоторыхъ дѣлахъ ихъ епархіи осуществить ихъ епископскую власть. Вся епископская Церковь здѣсь налицо, хотя отсутствующая только безмолвно соглашается съ своими избранниками, оставляя, впрочемъ, за собой право провѣрки и поправокъ на „помѣстномъ соборѣ". Такой порядокъ созыва, естественно, дѣлаетъ Сѵнодъ не посторонней отъ епископовъ коллегіей, а органомъ Церкви и творцомъ ея жизни, т. е. исполнительной *правящей* (вопреки Тихомирову) организаціей.

А усиленный составъ и реформированное устройство дастъ этому правящему органу вмѣсто призрака власти — фиктивнаго управленія — дѣйствительную власть, сдѣлаетъ изъ органа столоначальниковъ фактическимъ управленіемъ.

Главный недугъ теперешняго Сѵнода есть обиліе дѣлъ. При полномъ отсутствіи децентрализаціи, въ Сѵнодъ поступаетъ все, начиная съ просьбъ о разрѣшеніи брака ранѣе узаконеннаго срока или въ степеняхъ родства, не дозволенныхъ практикой. Если имѣть въ виду, что (по запискѣ г. сѵнодальнаго оберъ-прокурора) консисторіи выпускаютъ 20.000 исходящихъ бумагъ, то Сѵнодъ долженъ ихъ разсмотрѣть седмижды семьдесятъ, помноженныхъ на 20.000.

Ясно, что Сѵнодъ не можетъ рѣшать, онъ можетъ только подписывать рѣшенное секретарями. Даже въ дѣлѣ крупнаго церковнаго значенія или даже судныхъ, онъ, вопреки интересамъ Церкви и явно въ отрицаніе законовъ Божіихъ и человѣческихъ, долженъ довѣрять вкусамъ и взглядамъ чиновниковъ.

Теперь является Сѵнодъ, положимъ, изъ 16 епископовъ по проекту Агаѳангела ревельскаго, составленному еще въ 60-хъ годахъ. Изъ нихъ 4 или 6 постоянныхъ, остальные мѣняются. Сѵнодъ дѣлится на отдѣленія: ихъ можетъ быть, напр., пять: 1) судное отдѣленіе; 2) отдѣленіе школьныхъ и экономическихъ дѣлъ; 3) отдѣленіе, вѣдающее бытъ духовенства; 4) дѣла семейныя, брачныя, бракоразводныя; 5) соединенное присутствіе для дѣлъ крупнаго значенія, дѣлъ, несогласно порѣшенныхъ въ отдѣленіяхъ, и для общаго руководства церковной жизнью.

Если одновременно съ такимъ дѣленіемъ будетъ имѣть мѣсто децентрализація, и изъ Сѵнода будетъ вынесена часть дѣлъ и перенесена въ окружные соборы и къ епархіальнымъ епископамъ, то Сѵнодъ станетъ дѣйствительно способнымъ „править“, а слѣдовательно, будетъ дѣйствительно знать жизнь Церкви, а не готовые для подписи протоколы.

Что будетъ дѣлать въ такомъ Сѵнодѣ патріархъ? Первый епископъ предсѣдательствуетъ и руководитъ засѣданіями Сѵнода.

Онъ же докладываетъ о рѣшеніяхъ Сѵнода Государю. Ему принадлежитъ право отеческаго руководства братьями, но безъ оттѣнка хотя бы отеческой властности. Мало того, у первосвятителя возможна и своя особая форма дѣятельности. По полномочію „собора“ онъ имѣетъ и свою долю распорядительной власти, когда дѣло требуетъ безотложныхъ дѣйствій.

Онъ можетъ издавать отъ своего имени энциклики и посланія, въ случаѣ нужды предпринимать необхо-

димыя властныя мѣры даже вопреки волѣ Сѵнода. Онъ можетъ назначать судъ надъ епископами и т. д.

Конечно, эти права не угрожаютъ никакой опасностью чрезмѣрнаго усиленія власти патріарха, не создадутъ „высомѣрія и высости“, какой боялся соборъ 1581 г. [1]).

Не угрожаетъ и не создастъ, потому что патріархъ, какъ и Сѵнодъ, отвѣчаетъ передъ соборомъ всего епископата. Помѣстный соборъ, собирающійся разъ въ два года, есть „судъ“ надъ двухгодичной дѣятельностью патріарха и „собора правящаго“.

Силенъ ли будетъ новый Сѵнодъ съ стоящимъ за нимъ помѣстнымъ соборомъ? Конечно, силенъ, какъ власть все-церковная. Его повелѣнія — выраженіе высшаго управительнаго авторитета, а помѣстный соборъ будетъ не обезсиливать, а укрѣплять Сѵнодъ, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ вѣдать дѣла только принципіальныя, какъ соборъ „законодатель“, и дѣла спорныя, какъ „верховный судъ“.

[1]) Онъ говорилъ, правда, не о патріархѣ, а объ архіепископахъ.

Объ областномъ управленіи въ Церкви.

Наши замѣчанія до сихъ поръ касались центра въ отношеніи его къ епископіямъ. Но очевидно, что возрожденіе каноническихъ началъ въ „средоточіи“ церковнаго управленія вызываетъ измѣненія въ смыслѣ того же возвращенія къ канону и въ управленіи центральномъ. Епископы,— говорили мы,— должны пользоваться большею долей самостоятельности. Канонъ понимаетъ эту самостоятельность, какъ большую свободу иниціативы въ пастырскомъ руководствѣ, не какъ власть чинить какія-либо перемѣны въ законѣ и правѣ церковномъ, а только какъ большую властность и широту въ дѣйствіяхъ по отношенію къ различнымъ движеніямъ въ епархіяхъ церковно-христіанскаго характера (братства, союзы) и, наоборотъ, характера противоцерковнаго и, наконецъ, какъ усиленіе епископской власти въ организаціи жизни духовенства и его дѣятельности, епархіальныхъ съѣздовъ и т. д. „Децентрализація,— можемъ мы сказать вмѣстѣ съ преосв. Агафангеломъ ревель-

скимъ (потомъ вятскимъ),— альфа въ дѣлѣ возстановленія живой церковной дѣятельности".

Понимаемъ, конечно, что такая децентрализація можетъ показаться опасной для Церкви, дѣлая возможной несогласованность, дисгармонію въ дѣйствіяхъ епископовъ, понимаемъ, что иниціатива можетъ стать произволомъ, даже капризомъ, и потому спѣшимъ оговориться.

Самостоятельность епископской власти немыслима иначе, какъ спеціально церковная „децентрализація", дополняемая и пополняемая церковнымъ „окружнымъ соборомъ", какъ организаціей братскаго совѣта и взаимопомощи. Окружной соборъ—такое же необходимѣйшее предположеніе правильной церковной жизни, какъ и каноническій синодъ. „Необходимость такихъ соборовъ—цитируемъ одно изъ мнѣній епархіальныхъ архіереевъ оффиціальнаго характера — при настоящемъ положеніи русской Церкви открывается съ полной необходимостью. Въ отечествѣ нашемъ разныя общества и учрежденія пользуются правомъ собранія для обсужденія своихъ дѣлъ; русскіе же православные епископы не имѣютъ возможнаго общенія и обмѣна мыслей, необходимаго по важности дѣлъ, въ чемъ упрекаютъ нашу Церковь и представители, и писатели другихъ христіанскихъ исповѣданій. Собраніе епископовъ въ такихъ священныхъ городахъ, какъ Москва и Кіевъ, не только напоминало бы собой, но и воскресило *древніе частные соборы* и оказалось бы весьма полезнымъ по вопросамъ догматическимъ, законодательнымъ, административнымъ, мис-

сіонерскимъ, по всѣмъ вопросамъ, касающимся внѣшняго и внутренняго состоянія русской православной Церкви. Такіе соборы были бы вполнѣ сообразны и съ достоинствомъ православной Церкви: они сообщили бы новое желательное движеніе русской церковной жизни".

Отсутствіе такихъ соборовъ—не недочетъ, а гораздо болѣе,—лишеніе существеннѣйшаго, необходимаго для тѣла Церкви органа. „Какъ бы хорошо намъ,—пишетъ преосв. Нектарій нижегородскій,—имѣть живое общеніе усты къ устамъ... Какъ не успѣвать и не торжествовать врагамъ Церкви, когда мы дѣйствуемъ порознь, безъ всякаго взаимнаго общенія" („Богослов. Вѣстн." 1892, май, 292. Барсовъ, „Сѵнодъ въ прошломъ"). Нечего и говорить, что окружные соборы не представляли бы учрежденій, конкуррирующихъ съ Св. Сѵнодомъ, а были бы только его помощниками. Такіе соборы-съѣзды могли бы въ своемъ строѣ и цѣляхъ организоваться вполнѣ по образцу помѣстныхъ соборовъ первыхъ вѣковъ, т. е. совмѣстить совѣщаніе по вопросамъ принципіально-руководственнымъ (миссія, душепастырство, выработка мѣръ къ оживленію церковной жизни) съ дѣятельностью распорядительной и судной. Въ послѣдней области, напр., необходимость окружнаго суда, какъ второй инстанціи, чувствуется слишкомъ осязательно. Такой судъ, который, оставаясь судомъ мѣстнымъ, не былъ бы обремененъ чрезмѣрнымъ множествомъ дѣлъ,—конечно, и гораздо больше обезпечивалъ бы интересы правосудія, и спасалъ бы Сѵнодъ

отъ грустной необходимости передовѣрять фактическое обсужденіе судныхъ дѣлъ вовсе не епископскому суду. Въ интересахъ Церкви, въ дѣлахъ перваго рода, т. е., принципіальныхъ, основоположительныхъ, административныхъ крупнаго значенія, соборамъ окружнымъ можетъ быть и не предоставлено власти опредѣляющей, законодательной. Ихъ рѣшенія могутъ идти въ частяхъ болѣе существенныхъ и принципіальныхъ на судъ Сѵнода, а въ частяхъ общецерковной важности—на обсужденіе общаго собора. Въ дѣлахъ судныхъ и административныхъ узкаго круга окружной соборъ представляетъ „отдѣленіе Сѵнода", и какъ таковой, подлежитъ его ревизіи и подчиненъ ему, какъ аппеляціонной и кассаціонной инстанціи.

Нужно напомнить, что идея такихъ параллельныхъ Сѵноду соборовъ для дѣлъ административныхъ у насъ родилась почти одновременно съ идеей „сѵнода". Московскій Сѵнодъ (1725 г.) представлялъ такое отдѣленіе, только построенное, какъ и петербургскій, не на соборномъ, а на коллегіальномъ началѣ. А потребность въ соборахъ совѣщательныхъ—уже не только глубоко сознанная, но и признанная потребность (съѣзды въ Казани, Кіевѣ). Само собою разумѣется, что окружные соборы выдвинули бы главныхъ окружныхъ епископовъ, какъ архіепископовъ или митрополитовъ. Едва ли можно возражать противъ такого усиленія главныхъ епископовъ округовъ. Наоборотъ, предоставленіе этимъ епископамъ нѣкоторой юрисдикціи не только безусловно требуется канонами, но и желательно въ тѣхъ же цѣ-

ляхъ объединенія, согласованности епископскихъ дѣйствій. Думается, однако, что проектъ прот. Иванцова-Платонова, по которому епископы ставятся въ отношеніи къ митрополиту или архіепископу округа въ положеніе подчиненныхъ, и неканониченъ, и нежелателенъ „для того, чтобы въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разногласія и межъ себе распри и высости, и въ томъ несогласіи и нестроеніи святой Церкви пріобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны“ (Акт. II, т. V, стр. 110, Соборн. отвѣтъ государю на соборѣ 1681 года).

Не наше дѣло даже и въ проектѣ намѣчать самые округи для окружныхъ соборовъ-съѣздовъ. Это уже не каноника. Митрополитъ моск. Филаретъ намѣчалъ 9 округовъ, но намъ неизвѣстны подробности ихъ распредѣленія; прот. Иванцовъ-Платоновъ считаетъ удобнымъ раздѣлить Россію на 7 округовъ: 1) петербургскій для сѣвера и прибалтійскихъ епархій, 2) московскій—для средней Руси, 3—4) новороссійскій и кіевскій—для юга, 5) виленскій—для запада и 7) сибирскій. Общей идеей, которой должно обусловливать составъ округа, должно считать не одну только географическую близость, а больше всего близость этнографическую: епархія съ опредѣленнымъ бытомъ должна тяготѣть къ другимъ епархіямъ того же типа. Волынская, напр., какъ католическая въ прошломъ, очевидно, тяготѣетъ не къ Кіеву, а къ Вильнѣ, если считать центромъ полонщины Вильну.

Въ окружныхъ соборахъ (это даже самое важное) совѣщаются, думаютъ вмѣстѣ не просто 10 еписко-

повъ, а 10 епископовъ, живущихъ приблизительно въ однихъ условіяхъ дѣятельности, среди одинаковыхъ людей, и съ этой стороны ихъ никакъ не можетъ замѣнить Сунодъ, гдѣ епископы представляютъ всю Россію, но уже, такъ сказать, только въ общерусскихъ проявленіяхъ церковной областной жизни.

Однако, вопреки намѣреніямъ нашимъ, мы слегка ушли въ область проектовъ. Въ оправданіе такого уклоненія можемъ привести слѣдующее. Все вышесказанное совсѣмъ не проекты. Это, во-первыхъ, канонъ; во-вторыхъ, это описаніе церковнаго строя, который намѣченъ къ исполненію и возрожденію государственной властью. Повелѣніе 17 дек. 1865 года, по которому весь „сонмъ епископовъ“ признается высшей церковно-правительственной инстанціей, едвали отмѣнено; въ-третьихъ, это описаніе строя, который не одинъ разъ единодушно признанъ желательнымъ епископами русской Церкви. Когда митрополитъ кіевскій Платонъ писалъ Филарету московскому, что „всѣ епископы ждутъ“ возстановленія черезъ него начала соборности, какъ движенія водъ силоамскихъ, для возстановленія и укрѣпленія членовъ разслабленныхъ,—онъ дѣйствительно говорилъ отъ лица всей Церкви. И правъ онъ былъ, когда по поводу повелѣнія 17 декабря 1865 года, въ принципѣ установившаго начала соборности (хотя и въ несовершенной формѣ), писалъ: „добрые плоды обѣщаетъ новый порядокъ, лишь бы наша братія его добрѣ поняла“.

Итакъ, не переходя пока къ болѣе мелкимъ частностямъ устройства, дадимъ схему канонической системы:

Помѣстный соборъ однажды въ годъ или даже рѣже, какъ высшее церковное управленіе.

Постоянный Сѵнодъ, какъ правящее учрежденіе. Первый епископъ, какъ предстоятель Церкви и представитель всецерковной власти передъ государемъ и народомъ и руководитель всѣхъ пастырей Церкви.

Малые окружные соборы, отчасти и какъ „правящія“ отдѣленія Сѵнода, съ властью административной и судной, и какъ братскіе совѣщательные союзы.

Главный епископъ округа—предсѣдатель собора съ нѣкоторыми руководственными и административными правами.

Епископъ епархіальный.

А теперь заглянемъ и въ область епархіальнаго управленія.

Епископъ и епархіальные съѣзды.

„Епископъ правитъ по совѣту и черезъ пресвитеровъ“. Такова каноническая норма. По терминологіи „апостольскихъ постановленій“, пресвитерство есть управляющій и судящій—только не въ окончательной формѣ — „голосъ“ (ψόφος), стоящій необходимо вмѣстѣ съ послѣднимъ „рѣшеніемъ“ (ἀπόφασις) епископа. Епископъ ничего не рѣшаетъ безъ „многаго совѣта“, въ которомъ „спасеніе“, и этотъ совѣтъ—„пресвитеріумъ“.

Въ русской Церкви мы не знаемъ „пресвитерскаго совѣта“, какъ постояннаго учрежденія; однако и здѣсь сама необходимость создала органъ, черезъ который приняло участіе въ управленіи епархіей пресвитерство. Какъ извѣстно, въ до-петровской Руси создались такъ называемые соборики. Съѣзды священниковъ, собиравшихся въ началѣ 2-й недѣли поста „для поученія отъ архіерея“, какъ-то сами собой преобразовались въ совѣщанія объ епархіальныхъ дѣлахъ.

Что же теперь? Какую форму приняли теперь каноническія отношенія пресвитерства и епископа?

Епископъ встрѣчается съ священниками въ епархіальныхъ съѣздахъ и консисторіи.

Епархіальные съѣзды родились изъ началъ реформы 60-хъ годовъ и, по нашему мнѣнію, представляютъ яркое доказательство жизненности этихъ началъ. Въ съѣздахъ почти изъ ничего создалось сильное учрежденіе только потому, что въ основѣ учрежденія лежали истинно каноническія начала „свободы и совѣщательной самодѣятельности“.

Задачи съѣздовъ по положенію о нихъ болѣе чѣмъ узки. Они созываются для выбора членовъ правленія отъ духовенства въ дух. училища и семинаріи и для взысканія средствъ къ безбѣдному существованію духовныхъ школъ. И съѣзды доказали свою жизнеспособность тѣмъ, что это свое дѣло съумѣли выполнить съ энергіею и успѣхомъ.

Съ половины 60-хъ годовъ начинается ломка духовной школы. Началась она съ ломки старыхъ „бурсъ“ въ буквальномъ смыслѣ: ломки зданій. Строятся новыя зданія, перестраиваются старыя. Огромную долю этой работы взяли на себя съѣзды. Мало того, они рядомъ съ зданіями школъ создаютъ „дворцы“ семинарскихъ и (иногда) училищныхъ общежитій для своекоштныхъ. Они же строятъ женскія епархіальныя училища. Нужно отыскать средства? Эти средства съѣзды нашли въ постройкѣ церковныхъ свѣчныхъ заводовъ. Словомъ, поставленную имъ задачу съѣзды выполнили блестяще.

Но и заботой о школахъ съѣзды не ограничились. Мало-по-малу съѣзды пріобрѣли право вѣдать

всѣ свои общія экономическія дѣла, организацію сословной взаимопомощи. Странно, повидимому, и говорить о пріобрѣтеніи права „вѣдать *свои* экономическія дѣла“, но „изъ сказки слова не выкинешь“. И это право съѣзду пришлось завоевывать, и, завоевавъ, съѣзды съумѣли работать. Благодаря имъ, вошли во всеобщее употребленіе эмеритальныя кассы (Сар. 67 г., Харьк. 64 г.), кассы похоронныя, взаимопомощи и т. д. Съѣзды хлопочутъ и принимаютъ мѣры для постройки церковныхъ домовъ для причтовъ, и только по близорукости тогдашней администраціи это благодѣтельное не для однихъ причтовъ начинаніе не доведено до конца.

Нельзя обвинить съѣзды и въ эгоизмѣ, и своекорыстіи. Они много дѣлаютъ для цѣлей благотворительности, хотя, впрочемъ, для своего же духовнаго званія. На помощь своимъ бѣднымъ съѣздами были организованы всякаго рода попечительства. Кромѣ общеепархіальныхъ, явились на свѣтъ окружныя попечительства—по благочиннническимъ округамъ. Въ вѣдѣніе съѣздовъ перешли всякаго рода пріюты и богадѣльни для вдовцовъ, вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Съѣзды заботятся и о бѣдныхъ сиротахъ духовенства, обучающихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Особенно замѣтны заботы ихъ въ отношеніи сиротъ-дѣвочекъ: въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ почти всѣ стипендіи образовались изъ взносовъ самого же духовенства по рѣшеніямъ съѣздовъ.

Повидимому, такая дѣеспособность съѣздовъ есте-

ственно должна бы родить мысль о привлеченіи такого работника на обще-епархіальное дѣло. Увы, эта мысль родилась, но встрѣчена очень неодобрительно.

Сами съѣзды съ самаго начала обнаруживаютъ стремленіе работать въ болѣе широкой программѣ. Съѣзды обнаруживаютъ стремленіе общими братскими силами рѣшать вопросы религіознаго образованія народа, вопросы миссіонерскаго дѣла, они говорятъ объ упорядоченіи отношеній духовенства къ прихожанамъ, о слабостяхъ и недостаткахъ духовенства, о регулированіи платы за требы (Ряз. 77 г., Сар. 86 г.) и т. под. Благодаря съѣздамъ, стали открываться благочинническія и даже епархіальныя библіотеки (Харьк. 80 г., Ряз. 81 г., Влад. 76 г.). Духовенство стало заботиться объ улучшеніи чтенія и пѣнія за богослуженіемъ (Харьк. 80 г., Лит. 95 г. и др.). Для народа стали открываться воскресныя школы, устраиваться внѣбогослужебныя собесѣдованія и т. п.

Съѣзды оказываютъ большую поддержку церковно-приходскимъ школамъ, когда тѣ пришли въ совершенный упадокъ (Харьк. 81 г., Кіев. 83 г., Тамб. 85 г. и др.).

Словомъ, духовенство на съѣздахъ съ благодарностью принимаетъ всякій вопросъ, данный имъ на обсужденіе, и въ благодарность за довѣріе, привлеченіе къ организаціонному дѣлу, съ готовностью отдаетъ свой трудъ не только на совѣщательныхъ собраніяхъ съѣздовъ, но и послѣ—на „живомъ дѣлѣ“.

И съ 1867 года духовенство, съѣзды надѣются, желаютъ, просятъ одного, чтобы ихъ не случайно,—по капризу случайнаго же владыки,—звали „подать голосъ“, а съ довѣріемъ призвали къ правильной работѣ.

Повидимому, по существу не было ничего преступнаго въ этихъ пожеланіяхъ. Къ нимъ одобрительно относились даже отчеты сѵнодальнаго оберъ-прокурора. Въ отчетѣ за 1866 г. оберъ-прокуроръ выражаетъ надежду, что „при постоянномъ и просвѣщенномъ руководствѣ архипастырей, съѣзды, сблизивъ духовенство въ интересахъ пастырскаго служенія, будутъ со временемъ весьма важнымъ пособіемъ для епархіальныхъ начальствъ въ ихъ заботахъ о религіозно-нравственныхъ преуспѣваніяхъ своихъ паствъ“.

И однако оказалось, что именно этой братской сплоченности духовенства и испугалась епархіальная, а можетъ быть, и центральная „власть“. Выборы депутатовъ и самый способъ ихъ совѣщаній показался неудобнымъ. Многіе епископы усвоили точку зрѣнія костромскаго комитета. По мнѣнію этого комитета, „выборное начало несогласно съ достоинствомъ епископовъ, которые по божественнымъ установленіямъ имѣютъ полномочную власть управленія какъ духовнаго, пастырскаго, такъ и внѣшняго, начальственнаго и судебнаго по дѣламъ церковнымъ; противно вообще духу и устройству каѳолической Церкви, которая въ своемъ управленіи никогда не принимала началъ, на которыхъ устроены прави-

тельства такъ называемыя конституціонныя", и т. д. (Руновскій, Церк.-гражд. зак. о прав. дух. въ царст. Александра II).

Естественно, что противъ „конституціи" начали борьбу.

Отсюда въ нѣкоторыхъ епархіяхъ явился въ первыхъ же годахъ существованія съѣздовъ порядокъ назначенія депутатами благочинныхъ. Съѣзды депутатовъ передѣлываются въ съѣзды благочинныхъ.

Затѣмъ явились и другія попытки „поставить съѣзды на ихъ мѣсто" (выраженіе одного преосвященнаго). Ихъ стѣсняютъ даже въ области, отмѣченной имъ закономъ. Извѣстно, напримѣръ, столкновеніе преосвященнаго орловскаго съ епархіальнымъ съѣздомъ по дѣлу о мѣстѣ для епархіальнаго училища.

Средство „поставить съѣздъ на его мѣсто", вопреки закону, нашлось очень простое: давленіе на отдѣльныхъ лицъ и суровыя кары непокорнымъ. Есть епархіи, въ которыхъ, по волѣ архипастыря, съѣзды собираются разъ въ 3—5—6 лѣтъ.

Очевидно, тутъ недалеко и до ихъ упраздненія.

Нечего и говорить, что о работѣ съѣздовъ въ смыслѣ помощи епископу въ дѣлѣ его пастырства и управленія епархіей нѣтъ и рѣчи. Здѣсь все въ волѣ владыки. Одинъ позволяетъ разсуждать, напр., объ устроеніи прихода, другой (черезъ годъ) запрещаетъ, и недоконченныя работы перваго съѣзда пропадаютъ даромъ.

Очевидно, что при этомъ условіи устойчивой и

серьезной работы быть не можетъ, и такимъ образомъ гибнетъ очень нужная работоспособная сила.

Что же нужно сдѣлать?

Регламентировать область тѣхъ дѣлъ, гдѣ священники — хозяева. Это первое. Вѣдь, полагаемъ, они хозяева въ своихъ эмеритальныхъ кассахъ, напримѣръ?

Затѣмъ создать изъ „съѣздовъ“ дѣйствительный вспомогательный органъ епископской власти.

Область дѣйствованія епархіальныхъ съѣздовъ можетъ быть очень широкая, вовсе не создавая конституціонныхъ ограниченій епископской власти.

Имъ могутъ быть переданы частью даже функціи суда. Не можетъ, а должна быть передана „ревизія“ общаго хода религіозно-просвѣтительнаго, школьнаго, миссіонерскаго дѣлъ и т. д.

Если будетъ опредѣленъ кругъ дѣятельности съѣздовъ, область ихъ компетенціи,—у насъ будетъ сильный, вліятельный и неопасный работникъ. То, что внѣ своихъ лично наисущественныхъ дѣлъ священники имѣютъ только совѣщательный голосъ, достаточно обезпечиваетъ каноническую неприкосновенность епископскихъ прерогативъ.

Епархіальные и благочинническіе съѣзды.

Въ статьѣ объ епархіальныхъ съѣздахъ мы говорили о необходимости расширенія ихъ компетенціи. Повторимъ наши положенія: мы находили справедливымъ, чтобы въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ духовенство, такъ сказать, дѣйствуетъ просто „по своему хозяйству“ (епархіальныя училища, экономія, а отчасти и внутренняя жизнь женской и мужской духовной школы), голосъ съѣздовъ былъ властнымъ и рѣшающимъ. Затѣмъ, какъ свои pia desideria, мы утверждали полезность преобразованія съѣздовъ въ совѣщательный „совѣтъ пресвитеровъ“ по вопросамъ религіознаго воспитанія епархіи, общеепархіальнаго хозяйства и т. д.

Теперь на минуту возвращаемся къ этимъ пунктамъ.

Прежде всего, всякое преобразованіе не имѣетъ смысла, пока не создано обстановки для новаго порядка. Это особенно нужно имѣть въ виду, когда идетъ рѣчь о съѣздахъ. Расширеніе правъ съѣздовъ юридически, т. е. бумажно, легко возможно, но, можетъ быть, оно вовсе не будетъ расширеніемъ de

facto. Какая польза въ „новомъ“ законѣ, если не дано гарантій его исполненія? А этихъ гарантій по отношенію къ съѣздамъ нѣтъ.

Исторія съѣздовъ съ 1867 года была постепеннымъ расхищеніемъ ихъ правъ, и это расхищеніе продолжается и будетъ продолжаться и съ расширеніемъ ихъ компетенціи, если „гарантій“ не будетъ. Въ виду этого слѣдовало бы начать съ болѣе точнаго узаконенія уже принадлежащихъ имъ правъ, въ устраненіе всего того, что косвенно можетъ фактически свести „съѣзды“ на нѣтъ. Очень многими правами съѣзды владѣютъ совершенно платонически, хотя законъ и считаетъ ихъ за съѣздами. Въ чемъ именно нужна корректура, о семъ слѣдуютъ пункты.

Извѣстно, какъ много значитъ въ бюрократическихъ учрежденіяхъ предсѣдатель. Онъ—половина всего учрежденія, его душа: въ съѣздахъ предсѣдатель по закону свободно избирается изъ состава депутатовъ. Это прекрасно, но увы, на дѣлѣ далеко не всегда бываетъ; нерѣдки случаи, когда предсѣдатель избранный отстраняется епархіальной властью и на мѣсто его утверждается лицо, за котораго не было одной трети голосовъ...

Понятно, какъ относится къ дѣламъ съѣзда такой предсѣдатель по назначенію, когда онъ назначается, какъ предсѣдатель полоцкаго съѣзда временъ епископа Саввы, „для того, чтобы обуздать поползновенія съѣздовъ къ независимости“. Властный и снабженный еще болѣе властными инструкціями, онъ не ограничивается однимъ предложеніемъ вопроса

на обсужденіе; онъ предрѣшаетъ вопросъ, лишая этимъ самихъ депутатовъ свободы при обсужденіи даннаго вопроса. Если, несмотря на это, депутаты не склоняются къ мнѣнію предсѣдателя; у него на этотъ случай есть сборные „сподручники“, очень ловкіе „софисты-говоруны“, удачно сбивающіе и запутывающіе всякаго, кто попытается высказаться и выяснить тотъ или другой изъ предложенныхъ на обсужденіе собранія вопросовъ.

Сами депутаты сознаются, что они за 300—400 верстъ и дальше тащились на съѣздъ, но, явившись на съѣздъ, они дѣлали совсѣмъ не то, чего желали. Дѣятельность предсѣдателя въ исключительныхъ случаяхъ получаетъ какой-то даже фантастическій характеръ. Г. Р—съ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ (1868 г. №№ 250, 258 и 260) сообщалъ, что предсѣдатель сентябрьскаго спб. съѣзда 1868 г. прот. Рудаковъ до избранія депутатовъ съѣзда написалъ журналы засѣданій съѣзда и составилъ вчернѣ даже мнѣнія депутатовъ...

Это предсѣдатель: лицо, полагающееся на съѣздѣ по штату. А иной разъ волей владыки проникали на съѣздъ лица, и совсѣмъ не имѣющія права тамъ быть.

„Я былъ случайнымъ депутатомъ на съѣздѣ в—ой епархіи. Давно уже это было,—разсказываетъ мнѣ законоучитель с—ой гимназіи.—Обсуждался вопросъ о переносѣ зданія семинаріи на другое мѣсто. Вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. Тогда является ректоръ и властно требуетъ перерѣшенія. Перерѣшаютъ, хотя это незаконно, и снова баллотировкой

(черезъ поднятіе руки въ знакъ несогласія) отвѣчаютъ: нѣтъ. Однако и послѣ этого о. ректоръ нашелъ выходъ,—онъ потребовалъ другого способа опроса:

— Всѣ несогласные идите налѣво, согласные останьтесь. — Очень понятенъ психологическій способъ о. ректора.

Конечно, это уже не свобода, и такого порядка не должно быть; prima conditio sine qua non: съѣзды должны быть совершенно отрѣшены отъ чуждыхъ вліяній, и выборы предсѣдателя неизмѣняемы.

Однороднаго значенія съ предыдущимъ другой вопросъ: это избраніе въ депутаты благочинныхъ.

Не можетъ быть и рѣчи о независимости въ рѣшеніяхъ этихъ членовъ, которые по самому существу ихъ должности не могутъ быть „свободны въ своихъ мнѣніяхъ“.

Правда, ихъ „выбираютъ“, и изъ нихъ могутъ быть болѣе чѣмъ достойные депутаты, но уже одна возможность заподозривать и *безупречность ихъ избранія*, и безпристрастіе ихъ дѣятельности на съѣздѣ требовали бы правила о несовмѣстимости двухъ должностей, по крайней мѣрѣ, пока благочинные—не выборная должность.

Впрочемъ, не есть ли это слишкомъ чрезмѣрное пожеланіе? У насъ кое-гдѣ находятъ возможнымъ даже по правилу всегда назначать депутатами именно и только благочинныхъ, безъ всякихъ выборовъ.

Чьи же, спрашивается, они депутаты?

Въ положеніи депутатовъ тоже остается коечего желать для блага дѣла. Въ с—ой епархіи депу-

татъ — выборная и почетная должность. Владыка, довѣряя выбору, относится къ депутатамъ болѣе чѣмъ благожелательно; при этихъ условіяхъ должности депутата не бѣгаютъ,—она привлекаетъ „достойнѣйшихъ“. Но кое-гдѣ возможенъ и другой порядокъ...

Бываетъ, что должность депутата родитъ не почетъ, а чувствительную непріятность. Въ то же время скупость и скудость духовенства еще болѣе отбиваютъ охоту искать депутатства.

Вотъ очень характерный, хоть и старый случай, имѣвшій мѣсто въ 1876 г. въ зенковскомъ уѣздѣ полтавской епархіи.

Выборы депутатовъ были уже закончены въ то время, когда явился въ собраніе одинъ запоздавшій священникъ. Первый вопросъ его былъ: а кто выбранъ? Называютъ. А какая сумма на содержаніе?— Пятнадцать, примѣромъ, рублей.—Я ѣду за пять,— предлагаетъ опоздавшій къ выбору. И духовенство согласилось: „иждиваться“ меньше.

Очевидно, что при этихъ условіяхъ въ депутаты попадаютъ вовсе не лучшіе. Навѣрное, такіе случаи отошли въ область преданій, но отошли только „относительно“.

Говорятъ, что теперь вознагражденіе депутатамъ дается (даже) съ громаднымъ излишкомъ („Симб. Епарх. Вѣд.“ № 5). Возможно, хотя мы думаемъ, что излишекъ получается не оттого, что даютъ много, а потому, что отъ съѣздовъ требуютъ слишкомъ мало.

Когда депутату с. Козловки на проѣздъ даютъ *три съ полтинной*, — можетъ быть, это много, но только пока съѣздъ продолжается сутки. А если онъ продолжится недѣлю? Въ данной епархіи они и продолжаются сутки — двое, чтобы не „иждиваться“, но это-то и плохо.

Нужно, чтобы сессіи съѣзда продолжались по крайней мѣрѣ недѣлю; только тогда они и будутъ въ состояніи рѣшать, а не станутъ подписывать готовыхъ и заранѣе написанныхъ рѣшеній.

Въ Ставрополѣ съѣздъ 1903 г. продолжался мѣсяцъ при вечернихъ и утреннихъ занятіяхъ. Пусть это много, но два-три дня, пожалуй, уже игра, но не обсужденіе дѣла.

Затѣмъ на минуту я перехожу въ область проектовъ: хорошо бы, если бы было постоянное отдѣленіе съѣзда, „управа при думѣ“.

Уже и теперь съѣзды не могутъ обойтись безъ подготовительныхъ комиссій, которыя собираются за недѣлю до открытія сессіи и подготовляютъ дѣла къ докладу.

Гораздо основательнѣе была бы эта подготовка, если бы комиссія, собираясь періодически, работала весь годъ, слѣдя за жизнью года и отмѣчая къ годичному съѣзду все, что достойно его вниманія. Эту комиссію могли бы составлять городской депутатъ, депутатъ одного изъ близкихъ къ городу благочиній, одинъ изъ духовныхъ слѣдователей и т. д.

Можетъ быть, такая комиссія, при условіи расши-

ренія компетенціи съѣзда, уничтожила бы консисторію? Едва ли объ этомъ слѣдовало бы очень жалѣть. Дополненная „членами-судьями“, комиссія, конечно, представляла бы болѣе совершенный типъ суда и болѣе совершенный типъ „пресвитеріума“.

Отчасти ту же роль, какъ подготовительныя комиссіи, могутъ играть съѣзды по благочиніямъ.

Благочинническіе съѣзды возникаютъ одновременно съ епархіальными, т. е. около 1867 г. Цѣль съѣздовъ есть духовное общеніе пастырей въ дѣлахъ вѣры и нравственности христіанской, по опредѣленію преосв. Михаила, архіепископа минскаго, или, какъ говоритъ пензенскій проектъ съѣздовъ, цѣль эта въ томъ, „чтобы священнослужители извѣстнаго благочинническаго округа совокупною братскою дѣятельностью могли достигать цѣлей пастырскаго служенія, содѣйствовать благу Церкви, православнаго общества и самого православнаго духовенства“. Съ другой стороны, Макарій, архіеп. литовскій, учреждая съѣзды, надѣялся устранить всевозможныя „неблагопріятныя для пастырской жизни и дѣятельности условія черезъ взаимообщеніе и открыть пути вліянію лучшихъ по развитію, направленію и энергичнѣйшихъ членовъ его на остальныхъ, по крайней мѣрѣ, способныхъ къ движенію“. А Павелъ, епископъ псковскій, желалъ путемъ съѣздовъ устранить главный недостатокъ духовенства — отсутствіе въ немъ самодѣятельности, доходящій до того, что „самые благонамѣренные и образованные изъ среды его, ожидая всего отъ выс-

шей власти, боятся высказаться за лучшіе порядки къ его возвышенію".

Сообразно съ такой цѣлью, предметомъ благочинническихъ съѣздовъ являются: 1) выборы должностныхъ лицъ: помощника благочиннаго, духовника и проч.; 2) подготовительное обсужденіе дѣлъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда епархіальнаго; 3) „братское" обсужденіе вопросовъ пастырской практики, изысканіе мѣръ къ поддержанію въ народѣ вѣры и нравственности и т. д.; 4) примирительный судъ между членами причта и 5) подготовительное рѣшеніе экономическихъ вопросовъ для окружныхъ училищныхъ съѣздовъ.

Какъ видимъ, цѣли очень широки и программа разнообразна. Къ сожалѣнію, время двинуло „соборики" не впередъ, а назадъ и въ отношеніи ихъ задачъ, и въ ихъ программахъ. Пункты 2-й и 3-й почти выпали изъ практики съѣздовъ, пунктъ 4-й перешелъ въ вѣдѣніе благочинническихъ совѣтовъ (состоящихъ изъ благочиннаго, его помощника и духовника).

Противъ перенесенія суда въ „совѣтъ" трудно что-либо сказать. Но исключеніе изъ программы пунктовъ 2 и 3 убило цѣликомъ самостоятельное значеніе съѣздовъ, окончательно обративши ихъ въ подготовительную комиссію училищныхъ съѣздовъ и „выборное" собраніе.

Нужно надѣяться, что будущее возвратитъ „соборики" по меньшей мѣрѣ къ прошлому. Это будетъ, когда будутъ настоящіе епархіальные съѣзды. Съ

расширеніемъ правъ епархіальнаго съѣзда сфера компетенціи благочинническихъ, конечно, должна стать опредѣленнѣе и тверже.

1) Благочинническій съѣздъ становится аппеляціонной инстанціей по дѣламъ, рѣшеннымъ благочинническимъ совѣтомъ, при чемъ этотъ послѣдній становится правоспособнымъ примирительно-дисциплинарнымъ судомъ съ правами, какими пользуется консисторія.

2) Благочинническій съѣздъ дѣла мѣстнаго характера подготовляетъ къ епархіальному и училищному съѣзду.

3) Самостоятельно рѣшаетъ мѣстныя „причтовыя“ дѣла и выбираетъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ.

4) Снова становится „братскимъ“ совѣщательнымъ собраніемъ.

При этомъ для будущаго важное замѣчаніе: должна быть твердо опредѣлена относительная стоимость членскихъ голосовъ. Теперь практика въ счетѣ голосовъ очень неодинакова. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ священники имѣютъ полный голосъ, діаконы и псаломщики $^1/_2$ и $^2/_3$, а исправляющіе должность псаломщиковъ (въ полтавской епархіи, напр.) $^1/_3$ голоса; въ другихъ — и діаконы, и псаломщики по $^1/_2$ голоса (въ симбирской); въ третьихъ, напр., въ пензенской, діаконы и псаломщики совсѣмъ не имѣютъ голоса. Нечего и говорить, что въ обсужденіи дѣлъ экономическихъ, такъ сказать, лично „причтовыхъ“, для такого неравенства нѣтъ основанія.

Въ заключеніе пожеланіе: для успѣшности съѣз-

довъ за ними должно быть признано право, которое такъ формулируется въ „литовскихъ правилахъ“ 1867 года: „Въ случаяхъ особенно важныхъ, имѣющихъ отношеніе къ духовенству всего благочинія, съѣздъ имѣетъ право дѣлать представленіе епархіальному начальству, съ просьбой защиты или наставленія.

Епископъ и консисторія.

Кромѣ епархіальнаго съѣзда духовенства, другое учрежденіе, гдѣ епископская власть дѣйствуетъ черезъ посредство „пресвитеровъ“, есть консисторія. Консисторія и есть то учрежденіе, которое больше всего подходитъ къ старому „пресвитерскому совѣту“. И все-таки это скорѣе пародія на пресвитеріумъ, чѣмъ дѣйствительный священническій совѣтъ.

Консисторія—„присутственное мѣсто“ въ строго техническомъ смыслѣ, т. е., переводя технический терминъ, консисторія — *„фабрика бумагъ“*.

Въ одной запискѣ по вопросу о преобразованіи высшаго церковнаго управленія было указано, какъ аргументъ въ защиту консисторій, то, что онѣ выпускаютъ ежегодно до 20.000 „исходящихъ“. Авторъ, повидимому, не подозрѣвалъ, какую дурную услугу онъ оказываетъ учрежденію: если фабрикація бумагъ мало желательна въ гражданскомъ учрежденіи, то позволительна ли она въ епископскомъ совѣтѣ? Дѣло всякаго церковнаго учрежденія—спасеніе душъ, ду-

шепастырство; но если такъ, то всякое церковное учрежденіе и должно имѣть дѣло съ „душами“ живыми, а не съ прошеніями. Бумага, какъ мы не разъ указывали, особенно неумѣстна въ вопросахъ *церковнаго суда* (который обязательно гласный, даже въ государствѣ, учрежденіи, построенномъ на началахъ права), а дѣлопроизводство консисторіи по существу почти все есть именно судъ, и при томъ судъ надъ самыми тайниками совѣсти, гдѣ *„письмя“ особенно убиваетъ* (дѣла семейныя, приходскія и т. д.).

Въ наши дни слишкомъ много писали о чиновничествѣ, чтобы нужно было много распространяться, почему такъ опасна „бумажная система“ управленія милліономъ—двумя церковныхъ совѣстей. „Подобно рѣкѣ, медленно текущей въ постоянныхъ берегахъ,—пишетъ В. М. Гессенъ,—профессіональная дѣятельность оставляетъ въ душѣ священниковъ-судей мертвый осадокъ окаменѣлыхъ навыковъ и понятій“. Все время имѣя дѣло преимущественно съ бумагами, бюрократическая церковная власть пріучается видѣть всю суть дѣла въ бумагѣ. Она отучается отъ духовничества и мѣняетъ его на властность, хотя Господь Іисусъ Христосъ и далъ ей только право духовничества. Она боится жизни, движенія, перемѣнъ, всего новаго; вмѣсто постояннаго вдохновенія Церкви, вѣчно создающаго церковныя нормы, она пріучается вѣрить въ вѣчность антиканоническихъ, навязанныхъ ей, нормъ, неизмѣнность устава дух. консисторій, регламента, даже циркуляровъ, имѣющихъ 40-лѣтнюю давность. Я не знаю, какъ въ другихъ областяхъ, но бумаж-

ная Церковь, Церковь, воплотившаяся въ № отношенія, — хула на Духа.

Консисторія убиваетъ епископа. Нечего и говорить, что, имѣя дѣло только съ наличными бумагами консисторіи, онъ изъ-за этихъ бумагъ и не знаетъ и не можетъ знать жизни епархіи; власти епархіальной вѣдомы только судныя дѣла въ узкомъ смыслѣ,—ссоры и мелкія преступленія священниковъ, да еще, пожалуй, церковная статистика епархіи, и совсѣмъ невѣдома нормальная жизнь епархіи, ея нужды, ея раны неуголовнаго характера.

Однако, оставимъ слова и идемъ къ юридическому анализу элементовъ учрежденія. Эти элементы: епископъ, членъ, консисторія, секретарь.

Мѣсто епископа въ консисторіи болѣе чѣмъ странно. Консисторія—соборъ при епископѣ. Но тогда почему не допускается предсѣдательство епископа въ консисторіи? Очевидно, консисторія не совѣтъ, а самостоятельное учрежденіе. Однако самостоятельное ли? Это сказать опять трудно. Члены консисторій назначаются Сѵнодомъ, но подчинены епископу. Они не обязаны отказываться отъ своего мнѣнія, если епископъ съ ними не согласенъ, ихъ мнѣнія доходятъ до Сѵнода, но епископъ, во-первыхъ, можетъ во всякомъ безъ исключенія случаѣ отмѣнить рѣшеніе консисторіи и дать свое. Въ то же время архіерей, во-вторыхъ, можетъ на время удалить члена отъ присутствованія или по прикосновенности его къ разсматриваемому дѣлу, или по важному обвиненію. Онъ можетъ, въ-третьихъ, назначить отъ себя временно

присутствующихъ членовъ. Въ-четвертыхъ, онъ представляетъ ихъ къ наградамъ, утверждаетъ росписаніе дѣлъ по отдѣленіямъ и столамъ, назначаетъ каждый столъ особому члену для наблюденія. Въ результатѣ получается какой-то межеумокъ,—юридическій „абсурдъ".

Практически эта двойственность и спутанность организаціи исключаетъ возможность всякой юридически-правильной дѣятельности епархіальной власти. Епархіальный епископъ, самовластный и сильный, игнорируетъ консисторію, считаетъ ее своей домашней канцеляріей. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отмѣной консисторіи, какъ единственнаго учрежденія, кое-какъ (очень плохо) контролирующаго епископа. Однако это еще *лучшее*. Епископъ осторожный, наоборотъ, спасаясь отъ отвѣтственности, пользуется неясностью положенія консисторіи, чтобы спрятаться за ея авторитетомъ. Такой епископъ всѣ дѣла сдаетъ на разсмотрѣніе консисторіи и за ней „спасается" отъ всякой иниціативы, отъ всякаго внѣбумажнаго дѣла... Здѣсь епископъ добровольно *отмѣняется консисторіей*. Это еще хуже.

Положеніе „членовъ" не менѣе странно. Одно изъ двухъ: они или сотрудники епископа, съ совѣщательнымъ голосомъ, или члены самостоятельнаго, рѣшающаго учрежденія. Въ первомъ случаѣ они смѣло, по совѣсти подаютъ свой голосъ, зная, что епископъ не имѣетъ права обидѣться на ихъ послушническое, для него нисколько необязательное, мнѣніе. Во второмъ имѣютъ право окончательнаго рѣшенія, противъ ко-

тораго епископъ можетъ протестовать, не соглашаться, но отмѣнить не можетъ. При такомъ положеніи дѣла члены консисторіи могутъ стоять за свое рѣшеніе, потому что для нихъ открывается возможность ихъ „отстоять"—(какъ извѣстно, именно такое положеніе занимаютъ по проектамъ 1870 года члены „епархіальнаго суда").

Теперь члены консисторіи занимаютъ среднее положеніе, но это вовсе не „золотая середина". Ихъ мнѣнія доходятъ до Сѵнода, и слѣдовательно, могутъ, въ *случаѣ несогласія епископа съ ними*, какъ „особое мнѣніе", навлечь на нихъ нѣкоторое неудовольствіе владыки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти мнѣнія фактически абсолютно безсильны измѣнить исходъ дѣла, и, слѣдовательно, опасное разногласіе съ владыкой становится практически безсмысленнымъ. Какой же тутъ исходъ? Единственно логичнымъ будетъ освѣдомиться о намѣреніяхъ владыки напередъ и дать рѣшеніе, какое ему угодно. Такъ и бываетъ очень нерѣдко. Вѣдь, какъ бы то ни было, угроза (хотя бы не высказанная) быть вычеркнутымъ изъ списка награждаемыхъ—довольно серьезна, а награждаетъ епископъ.

Оговоримся, впрочемъ, что между членами и епископомъ дѣло можно еще уладить. Очень часто члены консисторіи—добросовѣстные чиновники. Сложнѣе въ консисторіи положеніе секретаря. А вмѣстѣ—это главный недугъ учрежденія, который дѣлаетъ его законодательнымъ „преступленіемъ".

Въ общей организаціи консисторіи секретарь за-

нимаетъ прежде всего должность начальника канцеляріи; ему принадлежитъ надзоръ за нею во всѣхъ отношеніяхъ и отвѣтственность за правильность дѣлопроизводства. Какъ таковой, онъ подчиненъ епископу. Въ то же время онъ блюститель закона въ дѣятельности, отношеніяхъ и сношеніяхъ консисторіи и самого архіерея, и въ этомъ свойствѣ состоитъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода. Такимъ образомъ, у секретаря два начальника. Секретарь консисторіи, находясь подъ ближайшимъ начальствомъ епархіальнаго архіерея,— гласитъ 285 ст. уст. дух. консисторіи, — состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ непосредственномъ вѣдѣніи оберъ-прокурора св. Сѵнода, какъ *блюстителя* за исполненіемъ законныхъ постановленій по духовному вѣдомству, и обязанъ исполнять всѣ его предписанія. Оберъ-прокуроромъ онъ и назначается, и увольняется. Читатель пойметъ удобства такого положенія. Мѣсто секретаря между членами присутствія опредѣляется такими очень ясными положеніями: *„Ни одна бумага, поступающая въ консисторію, не можетъ имѣть движенія безъ вѣдома секретаря.* По дѣламъ слѣдственнымъ или вообще сложнымъ, когда для доклада ихъ присутствію составляется столоначальникомъ записка, она составляется подъ руководствомъ секретаря и во всякомъ случаѣ безъ его предварительнаго разсмотрѣнія не докладывается. Точно также и разныя свѣдѣнія, собираемыя по каждому столу для составленія общихъ, періодически представляемыхъ, вѣдомостей, просматриваются непремѣнно секретаремъ.

При разсмотрѣніи каждаго дѣла въ присутствіи секретарь необходимо присутствуетъ, и роль его здѣсь весьма важная. *Не имѣя званія члена* присутствія, не входя въ составъ его, *секретарь въ сущности есть руководитель и контролеръ* присутствія: при разногласіи членовъ онъ выясняетъ имъ сущность дѣла и указываетъ законныя основанія для единогласнаго рѣшенія; онъ можетъ протестовать и противъ единогласныхъ постановленій присутствія, если находитъ, что эти постановленія противорѣчатъ законамъ; въ такомъ случаѣ онъ прямо ставитъ членамъ присутствія на видъ свои представленія противъ ихъ единогласнаго рѣшенія, и если они не будутъ уважены членами, отмѣчаетъ о томъ въ журналахъ или протоколахъ и подаетъ архіерею рапортъ, и излагаетъ эти представленія. Исполнительныя по утвержденнымъ журналамъ и протоколамъ бумаги, исходящія изъ консисторіи, опять разсматриваются и скрѣпляются секретаремъ“ (проф. Заозерскій).

Какъ видитъ читатель, „въ разсужденіи формальной юридической стороны каждаго дѣла и всего вообще епархіальнаго управленія“, насколько его вѣдаетъ консисторія, секретарь „самодержавенъ“. И въ то же время въ его рукахъ всѣ средства — освѣтить любое дѣло „по существу“ и такъ, какъ ему угодно, хотя бы, напр., въ докладахъ консисторіи по судебнымъ дѣламъ.

Главное однако не въ этомъ. Секретарь, какъ видѣли мы, состоитъ въ вѣдѣніи Сѵнода и подчиненъ епископу только формально. Фактически онъ

настолько независимъ отъ епархіальнаго архіерея, что *рядомъ съ нимъ и одновременно съ нимъ* представляетъ оберъ-прокурору Св. Сунода срочныя свѣдѣнія о дѣятельности консисторіи. Кромѣ того, онъ представляетъ и особыя свои секретныя донесенія.

Выводы отсюда напрашиваются сами собой. Секретарь, очевидно, посылается для надзора и контроля надъ архіереемъ. Онъ не только помощникъ архіерея, но и судья его дѣйствій.

Оберъ-прокуроръ Протасовъ съ Войцеховичемъ и Сербиновичемъ, отправляя секретарей въ консисторіи изъ своей канцеляріи, прямо внушалъ имъ, чтобы они старались взять въ свои руки всю епархіальную власть. Преемники Протасова, во всякомъ случаѣ, тоже вслушиваются въ донесенія секретарей. И въ результатѣ создаются очень своеобразныя отношенія къ секретарю епископа, совсѣмъ не начальственныя.

„Секретарь консисторіи,—говоритъ владыка протоіерею, члену консисторіи о. Сырову въ разсказѣ о. Забытаго „Перемѣна“, — вы знаете, *не то что обыкновенный секретарь*... въ какомъ-нибудь другомъ присутственномъ мѣстѣ. Это у насъ *лицо самостоятельное*, сильное, утверждается и увольняется самимъ Сунодомъ. Это, такъ сказать, оберъ-прокурорское око въ епархіи. Онъ не только имѣетъ право голоса, но и контроля, и, въ случаѣ чего, помилуй Богъ, можетъ... Еще Петръ Великій насъ такъ поставилъ и, между нами будь сказано, не ко благу“..

Если секретарь „въ случаѣ чего—помилуй Богъ,

можетъ", то, конечно, епископу невыгодно съ нимъ ссориться и смотрѣть на него, какъ на подчиненнаго. Архіерею приходится предоставить секретаря „волѣ его", и секретарь пользуется своимъ положеніемъ, какъ умѣетъ.

Всѣмъ извѣстна фигура стараго секретаря. „Умеръ секретарь тускловской конситоріи Раловъ. Духовенство, за весьма немногими исключеніями, боялось его, какъ такого крюка, отъ котораго нельзя было уберечься въ житейскомъ морѣ ни большимъ, ни дремливымъ, ни бдительнымъ, ни шустрымъ рыбамъ. Хорошо тутъ было только одно: духовенство въ совершенствѣ знало, кого, въ какомъ случаѣ и насколько Раловъ зацѣпитъ, и что если захотѣть..., то всегда можно отцѣпиться... Каждый зналъ, сколько дать: сколько при сдачѣ церковныхъ книгъ, сколько за представленіе къ наградѣ, сколько за переводъ въ лучшее мѣсто, сколько за обѣленіе, въ случаѣ какого-либо искушенія и т. п." (тамъ же).

Новый секретарь совсѣмъ непохожъ на стараго, дореформеннаго. Онъ не беретъ,—но вѣдь взятка есть беззаконіе, и она считалась беззаконіемъ *всегда*, и теперь она отмѣнена временемъ, а не закономъ. Однако, время не всемогуще. Оно мѣняетъ костюмы, а не суть. Въ положеніи секретаря „право" не измѣнилось, и, слѣдовательно, возможность насилія остается... Взятки можно брать не деньгами, а напр., „уваженіемъ"... Есть секретари, которые священниковъ просителей не приглашаютъ сѣсть. Есть такіе, которые управляютъ епархіей. Можетъ быть, хорошо управ-

ляютъ? Можетъ быть. Между секретарями много очень хорошихъ людей. Но вѣдь церковный порядокъ долженъ разсчитывать не на хорошихъ людей, а на свою внутреннюю пригодность. Положеніе секретаря консисторіи, несомнѣнно, допускаетъ, даже почти обязательно создаетъ въ немъ „временщика“, слѣдовательно, оно не годится.

Объединяя сказанное, мы должны придти къ выводу, что консисторія есть lapsus законодательства и должна умереть, смѣнившись церковнымъ — „священническимъ совѣтомъ“.

Церковный судъ.

Слѣдствіе въ духовномъ судѣ, судъ и его возможная реформа.

Церковный судъ это самое больное мѣсто въ нашемъ церковномъ бытѣ и строѣ. Представляя послѣ уставовъ 1864 года странный анахронизмъ съ точки зрѣнія теоріи гражданскаго судоустройства, этотъ судъ съ точки зрѣнія церковно-канонической представляетъ процедуру опасную и „соблазнительную“.

Въ литературѣ свѣтской намъ пришлось читать такія строки. „Ближайшимъ образомъ описываемый институтъ относится къ двумъ сословіямъ нашего общества: къ духовному сословію и къ крестьянамъ. Для перваго онъ является родной матерью, для послѣднихъ злой мачехой, если мы будемъ смотрѣть, такъ сказать, на матеріальные его результаты. Первому онъ даетъ право господина, которому все позволено: оскорбляй словами, наноси обиду дѣйствіемъ, вымогай (судъ даетъ санкцію такому поведенію); послѣднимъ, наоборотъ, долю раба, основная добродѣтель котораго смиряться и терпѣть. Терпи обиды, клевету, побои (даже тяжкіе,

лишь бы послѣдніе не угрожали твоей жизни), самоуправство, вымогательство, нетрезвость священника при богослуженіи (указъ 1886 г.), и смиряйся, не поднимай голоса: судить будетъ духовный судъ, который постарается всемѣрно или вовсе оправдать подсудимаго, или, по крайней мѣрѣ, ослабить силу уликъ противъ него, смягчить его виновность и затѣмъ уменьшить взысканіе до послѣдней степени, до выговора, замѣчанія или внушенія. Но и благопріятствующій духовенству современный намъ церковно-слѣдственный институтъ представляетъ собою оружіе обоюдоострое. Онъ одинаково развращаетъ какъ крестьянское, такъ и духовное сословія. Въ духовномъ сословіи онъ вырабатываетъ увѣренность въ его несудимости, въ крестьянскомъ обратное убѣжденіе въ его безсудности. А гдѣ вырастаютъ такія болотныя растенія, тамъ путаются всѣ человѣческія понятія, развязываются руки и устанавливаются самыя ненормальныя отношенія. Мы можемъ, заключаетъ авторъ, постановить, какъ уже знаемъ: 1) церковно-слѣдственный процессъ, несмотря на всю его практическую жизненную важность, не имѣетъ до настоящаго времени опредѣленной, точно очерченной въ законѣ физіономіи; 2) церковный судъ, основаніемъ котораго является описываемый процессъ, есть судъ сословный и притомъ въ той его крайней и ни въ какомъ случаѣ недопустимой формѣ, которую мы можемъ обозначать именемъ расправы одного сословія, высшаго, съ другимъ, непривиллегированнымъ, низшимъ, подъ формою суда; 3) цер-

ковно-слѣдственный процессъ, въ его современной организаціи, имѣетъ деморализующее вліяніе какъ на то, такъ и на другое сословіе безъ различія".— Обсуждая такое обвиненіе, мы, полагаю я, можемъ сказать одно. Неправда, будто судъ — мачеха для крестьянства и мать для духовенства: нѣтъ, онъ не только развращаетъ, но и чисто юридически мачеха и для духовенства.

„Соблазнъ" начинается предварительнымъ слѣдствіемъ и кончается формулировкой послѣдняго судебнаго приговора. Прежде всего самое первое требованіе отъ (суда) и слѣдствія — это, чтобы оно не скоро, съ осторожностью и только по серьезнымъ причинамъ начиналось и скоро кончалось. Это и будетъ судъ милостивый и скорый, мать, а не мачеха. А судъ консисторскій? Насколько внимателенъ и „не скоръ" онъ къ началу слѣдствія? Слѣдствія назначаются съ непозволительной легкостью и скоростью. Количество слѣдствій такъ велико, что священникъ не можетъ поручиться, что завтра не будетъ подъ слѣдствіемъ, и тутъ нельзя винить консисторію и, при этомъ, здѣсь именно и есть самое плохое: множить слѣдствія консисторіи должны по закону. „При ревизіи одной консисторіи замѣчено,—читаемъ въ одномъ циркулярѣ,—что въ дѣлахъ сего рода консисторіи постоянно смѣшиваютъ порядокъ судопроизводства непосредственно архіерейскаго съ порядкомъ судопроизводства консисторскаго. По всѣмъ вообще жалобамъ и доносамъ на проступки духовныхъ лицъ, даже и такіе какъ нетрезвость, вымогательство платы

за требоисправленіе, опущеніе богослуженія, безчинная жизнь и т. п., консисторія не назначаетъ слѣдствія, а сперва поручаетъ мѣстному благочинному „удостовѣриться въ справедливости жалобы, прошенія или доноса и объ оказавшемся донести“, или предписываетъ благочинному „представить свѣдѣнія и заключеніе“, затѣмъ уже, по полученіи отъ благочиннаго донесенія и въ случаѣ представленія благочиннымъ данныхъ, подтверждающихъ обвиненіе, консисторія дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія. Но такой порядокъ совершенно противорѣчитъ указанному въ уставѣ духовныхъ консисторій. По статьѣ 155, епархіальный архіерей можетъ поручать непосредственно отъ себя благочинному или другому довѣренному лицу произвести негласное дознаніе и притомъ лишь, а) по проступкамъ невѣдѣнія или нечаянности, b) по проступкамъ, не соединеннымъ съ явнымъ вредомъ и соблазномъ, и с) по жалобамъ, приносимымъ именно съ тою цѣлью, чтобы неправильно поступившаго исправить архипастырскимъ судомъ и назиданіемъ безъ формальнаго производства дѣла. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, согласно 156 ст., должно быть назначаемо слѣдствіе“. По мнѣнію Минской духовной консисторіи, приведеннымъ указомъ Св. Сѵнода устраняется нѣкоторая неясность на сей случай статьи консисторскаго устава, давшей мѣсто широкому произволу консисторій въ назначеніи дознаній вмѣсто слѣдствій съ цѣлью затяжки дѣла или оправданія обвиняемыхъ. На основаніи этого указа и по буквальному смыслу 156 ст.

уст. дух. конст. во всѣхъ прочихъ случаяхъ, не исчисленныхъ въ ст. 155, по бумагамъ, могущимъ поступать къ архіерею или же въ консисторію, должно бы назначать слѣдствіе. Но дать подобное толкованіе ст. 156 консисторскаго устава значило бы на нашъ взглядъ лишить лицъ духовнаго званія въ процессуальномъ отношеніи тѣхъ гарантій, которыми пользуются свѣтскія лица, когда надъ ними должно производиться дознаніе вмѣсто слѣдствія. Но такъ какъ духовенство не можетъ подлежать болѣе строгому праву (jus strictum), чѣмъ свѣтскія лица, то надо полагать, что уставъ духовныхъ консисторій не имѣетъ этого въ виду, а посему слѣдуетъ признать, что помимо дознаній въ порядкѣ архіерейскаго судопроизводства по общему правилу, выраженному въ уст. дух. конс., обыкновенной формой изслѣдованія въ дѣлахъ судныхъ о церковно-и священно-служителяхъ признается только слѣдствіе формальное. По нашему мнѣнію, здѣсь дѣйствительно уясняется неясность консисторскаго устава, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается неизбѣжнымъ и обязательнымъ порядокъ, при которомъ священникъ можетъ каждый день оказаться неожиданно для себя подъ слѣдствіемъ. Въ заключеніе судебный процессъ производится съ необычайной медленностью, удостовѣренной даже оффиціально. Такъ, циркуляръ Св. Сѵнода пишетъ: „наиболѣе выдающійся недостатокъ церковнаго суда необычайная медленность; лишь по немногимъ только дѣламъ слѣдствія заканчиваются раньше года, по большей же части дѣла оныя продолжаются по году

и болѣе; но встрѣчаются дѣла, по которымъ слѣдствія тянутся по три, по четыре года". Такая медленность въ производствѣ слѣдствій, по заявленію ревизовавшаго, зависитъ не столько отъ характера слѣдственныхъ дѣлъ, не представляющихъ, за весьма рѣдкими исключеніями, особенной сложности и запутанности, сколько отъ неудовлетворительности самой постановки слѣдственнаго дѣлопроизводства въ консисторіи. *1) Консисторія не всегда принимаетъ въ соображеніе близость жительства слѣдователя къ мѣсту, гдѣ должно быть произведено слѣдствіе,* и не рѣдко поручаетъ слѣдствія лицамъ изъ дальнихъ мѣстностей. Назначенные свидѣтели, затрудняясь являться на мѣсто производства слѣдствій, обыкновенно (иногда по нѣскольку разъ) обращаются къ епархіальному начальству съ просьбами объ освобожденіи ихъ отъ исполненія даннаго имъ порученія. Просьбы эти въ большинствѣ случаевъ консисторіею удовлетворяются и такимъ образомъ возникаетъ переписка, которая продолжается по нѣскольку мѣсяцевъ и которой, при болѣе внимательномъ со стороны консисторіи отношеніи къ дѣлу, можно было бы совершенно избѣжать. 2) Немало замедляетъ ходъ слѣдствій и *практикуемое епархіальнымъ начальствомъ въ широкихъ размѣрахъ перемѣщеніе священно-церковно-служителей, подвергшихся слѣдствію, въ другіе,* иногда очень отдаленные отъ прежнихъ ихъ мѣстъ, *приходы,* до окончанія надъ ними слѣдствія. Такія перемѣщенія, затрудняя сношенія слѣдователя съ обвиняемымъ,

тѣмъ самымъ препятствуютъ надлежащему ходу слѣдствія и даютъ возможность подсудимымъ, подъ благовиднымъ предлогомъ затруднительности являться на мѣсто производства слѣдствій по первому требованію слѣдователя, затягивать дѣло на очень продолжительное время. 3) Еще *въ большей степени* вліяетъ на замедленіе въ слѣдственномъ производствѣ *принятый въ консисторіи порядокъ разсмотрѣнія отводовъ, предъявляемыхъ обвиняемыми противъ слѣдователей.* Отводы предъявляются весьма часто, и слѣдователи, представляя ихъ на разсмотрѣніе консисторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ пріостанавливаютъ производство слѣдствій, причемъ возвращаютъ въ консисторію и самое дѣло. Отводы представляются большею частью по причинамъ, не имѣющимъ въ законѣ основанія и, за рѣдкими исключеніями, оставляются епархіальнымъ начальствомъ безъ удовлетворенія, а между тѣмъ пересылка дѣла отъ слѣдователя обратно въ консисторію, разсмотрѣніе въ сей послѣдней заявленій объ отводѣ и возвращеніе опять къ слѣдователю берутъ немало времени (по крайней мѣрѣ 2 — 3 мѣсяца). 4) *Но самою главною причиною,* обусловливающею крайнюю *медленность производства слѣдствій,* по объясненію ревизора, *служитъ совершенное отсутствіе требуемаго со стороны Консисторіи 160 ст. Уст. наблюденія за ходомъ ихъ.* Назначивъ слѣдствіе по тому или другому дѣлу, консисторія, повидимому, совершенно забываетъ о немъ и вовсе не заботится о дальнѣйшемъ его ходѣ;

какъ бы долго ни оставалось дѣло у слѣдователя, консисторія не принимаетъ никакихъ мѣръ къ скорѣйшему окончанію слѣдственнаго производства и даже не требуетъ свѣдѣній объ его положеніи. Принятыя въ подобныхъ случаяхъ подтвержденія и понужденія дѣлаются ею только по особымъ обстоятельствамъ, какъ, напр., вслѣдствіе требованія свѣдѣній по дѣлу Св. Сѵнодомъ или сѵнодальнымъ оберъ-прокуроромъ, повторенія жалобы на обвиняемаго и т. п. Наложеніе же на слѣдователя какихъ-либо взысканій за ничѣмъ неоправдываемую медлительность практикуется консисторіею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Оставаясь такимъ образомъ внѣ всякаго контроля и расчитывая на полную безнаказанность, слѣдователи въ исполненіи даваемыхъ имъ порученій руководствуются исключительно своимъ собственнымъ усмотрѣніемъ и не стѣсняются оставлять порученныя имъ дѣла безъ всякаго движенія иногда на нѣсколько лѣтъ.

А каковы гарантіи правосудія при этомъ судѣ? Онѣ болѣе чѣмъ ничтожны: ихъ нѣтъ. И прежде всего нашъ судъ—какой-то юридическій межеумокъ. Трудно указать, на какомъ законѣ, судебномъ уставѣ держится онъ, какимъ уставомъ судопроизводства опредѣляется его бытіе. Канономъ Кормчей? Нѣтъ, судопроизводство въ духовномъ судѣ построено на свѣтскомъ судномъ процессѣ. Какомъ же? Вруцевичъ пытается провести мысль, будто церковный судъ строитъ свой процессъ на базисѣ — устава до 1864 года, но исправленнаго, такъ сказать, по ру-

ководствамъ Уставовъ 1864 г. Вотъ его разсужденія по этому поводу: „Нельзя брать худшее, когда есть лучшее. Уставъ Уголовн. Судопроизводства, построенный на началахъ, совершенно отличныхъ отъ началъ Свода (такъ будемъ для краткости называть законы о судопроизв.), болѣе отвѣчаетъ требованіямъ справедливости и представляетъ лучшіе способы къ изысканію судебной истины, чѣмъ законы Свода. Въ этомъ послѣднемъ, напр., играетъ весьма важную роль сознаніе обвиняемаго, которое „есть лучшее свидѣтельство всего свѣта". Чтобы довести обвиняемаго до сознанія въ преступленіи, слѣдователь во все время допроса долженъ самъ увѣщевать его и „дѣлать духовное увѣщаніе съ указаніемъ животворящаго креста, евангелія и св. иконы". — По Своду не допускаются къ свидѣтельству подъ присягою, даже безъ предъявленія отвода, глухонѣмые, портившіе тайно межевые знаки и всѣ, лишенные чести и правъ состоянія, явные прелюбодѣи, не бывшіе никогда у исповѣди и св. причастія, иностранцы, коихъ поведеніе неизвѣстно, лица, прикосновенныя къ дѣлу, находящіяся съ подсудимымъ въ родствѣ и ближайшемъ свойствѣ или въ дружбѣ или имѣвшія съ нимъ до того времени вражду, хотя бы потомъ и помирились,—раскольники „въ дѣлахъ правовѣрныхъ". Тогда какъ на основаніи Устава Уголовн. Судопроизв. собственное сознаніе подсудимаго не требуется: оно можетъ служить лишь обстоятельствомъ, смягчающимъ вину, а вышеозначенныя категоріи свидѣтелей—одни изъ нихъ не допускаются къ

присягѣ только „въ случаѣ какою-либо стороною отвода“, а о другихъ вовсе не упоминается. Далѣе, по Своду, свидѣтель за ложныя показанія, несправедливый отзывъ или разнорѣчіе объ одномъ и томъ же предметѣ подлежитъ, сверхъ установленнаго за лжесвидѣтельство суду наказанія, еще взысканію причиненныхъ черезъ то убытковъ. Въ отношеніи убытковъ точно также отвѣтствуютъ и обыскные люди.

„Очныя ставки (по Своду) родителей съ дѣтьми, господъ со слугами могутъ быть даны только въ крайнихъ случаяхъ, когда они оказываются участниками въ одномъ и томъ же преступленіи“...

„Судьи и слѣдователи могутъ быть отводимы обвиняемыми, между прочимъ, когда находятся въ дружбѣ или пріязни съ доносителемъ или истцомъ, когда судья у доносителя или истца вскормленъ былъ или служилъ, когда судья, находясь часто въ обществѣ съ доносителемъ имѣетъ тайное съ нимъ обхожденіе или когда видѣли его часто шептавшагося съ доносителемъ на ухо и когда судья имѣетъ въ другомъ мѣстѣ дѣло однородное съ тѣмъ, которое подлежитъ его сужденію“. Въ Уставѣ Уголовн. Судопроизводства ни одной изъ приведенныхъ причинъ отвода судей не существуетъ. По Своду: при равной степени достовѣрности законныхъ свидѣтелей въ случаѣ противорѣчія ихъ отдается преимущество мужчинѣ предъ женщиною, знатному передъ незнатнымъ, ученому передъ неученымъ, духовному передъ свѣтскимъ. Нечего и говорить, что въ Уставѣ Уго-

ловн. Судопроизв. эти привиллегіи отсутствуютъ и въ выборѣ не можетъ быть затрудненія. Правда, многія преимущества Устава не примѣнимы въ производствѣ слѣдствій духовными слѣдователями какъ по особому свойству преступленій духовныхъ лицъ, такъ и потому, что судопроизводство Консисторій, для коихъ эти слѣдствія предназначаются, такъ называемое формальное, т. е. построенное на теоріи формальныхъ доказательствъ и заключающееся лишь въ разсмотрѣніи бумагъ, присланныхъ слѣдователемъ.

Тѣмъ не менѣе, сознавая, такъ сказать, нравственное превосходство Устава Угол. Суд—ва передъ Сводомъ, Консисторіи часто предписываютъ, а духовные слѣдователи часто и сами руководствуются статьями Устава вмѣсто статей Свода; наиболѣе же отжившія положенія послѣдняго теперь и тѣми, и другими, кажется, вовсе не примѣняются".

Единственный аргументъ здѣсь тотъ, что Уставы 1864 года лучше, но, конечно, это не аргументъ юридическій. Юридически соединеніе одного устава съ другимъ безъ законодательнаго одобренія такого соединенія — незаконно да, помимо того, оно и фактически невозможно по существенному различію уставовъ.

„Производство предварительныхъ слѣдствій по Уставу Угол. Суд—ва 1864 г. и производство формальныхъ слѣдствій по „законамъ судопроизводства" основаны на разныхъ началахъ и самое производство суда по тѣмъ или другимъ уставамъ имѣетъ существенное отличіе: а) По Уст. Угол. Суд.—ва

судебный слѣдователь производитъ только предварительное слѣдствіе и приступаетъ къ производству такого слѣдствія самъ по указаннымъ въ семъ Уставѣ поводамъ безъ распоряженія высшей власти; по духовному же вѣдомству формальное слѣдствіе производится по распоряженію епархіальнаго начальства; б) судебный слѣдователь сначала чрезъ допросы потерпѣвшихъ, свидѣтелей, черезъ освидѣтельствованіе, осмотры, обыски изыскиваетъ улики и доказательства преступленія, а потомъ привлекаетъ къ слѣдствію обвиняемаго и допрашиваетъ его; по законамъ судопроизводства по преступленіямъ, обвиняемый, уже преданный духовнымъ начальствомъ слѣдствію и суду, привлекается къ допросу прежде допроса свидѣтелей и изысканія уликъ; в) по Уставу Угол. Суд—ва свидѣтели при предварительномъ слѣдствіи допрашиваются безъ присяги, а къ присягѣ приводятся при производствѣ судебнаго слѣдствія въ Окружномъ Судѣ, при формальномъ же слѣдствіи по законамъ судопроизводства по преступленіямъ свидѣтели послѣ очныхъ ставокъ допрашиваются по присягѣ, если свидѣтель найдетъ причины отвода отъ присяги неосновательными или несправедливыми".

Судопроизводство Уставовъ 1864 г. построено на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ судопроизводство консисторское; посему и естественно, что многія статьи перваго совершенно непримѣнимы въ послѣднемъ. Поэтому на вопросъ, можетъ-ли примѣняться въ консисторскомъ судѣ Уставъ Угол. Суд-ва 1864 года, отвѣтъ можетъ быть данъ очень опредѣленный.

Нельзя этого допустить. Синодъ и Сенатъ согласно и категорически заявляютъ, что „преобразованіе судебной части на основаніи 4 ст. 20 п. 1864 года вовсе не касается духовныхъ судовъ", что „власть ихъ опредѣляется особыми узаконеніями".

Г. Вруцевичъ сильно налегаетъ на „нравственное превосходство" статей Устава 1864 года (вѣрнѣе было бы сказать — техническое), и если бы вопросъ шелъ о томъ, какое изъ двухъ судопроизводствъ технически совершеннѣе, то, конечно, его аргументація имѣла бы значеніе. Но намъ предлежитъ рѣшить иной вопросъ, а именно: какое изъ этихъ судопроизводствъ по закону должно быть примѣняемо духовными консисторіями и ея слѣдователями? Отвѣчать же на это можно только однимъ способомъ: судопроизводство Свода слѣдственное, формальное, хотя и менѣе совершенное въ техническомъ отношеніи, ибо оно однородно съ тѣмъ судопроизводствомъ, какое намѣчено въ консисторскомъ уставѣ и есть то самое, которое примѣнимо къ судоустройству консисторіи и всей вообще епархіальной организаціи.

Но нельзя-ли однако-жъ духовнымъ судьямъ и слѣдователямъ поступать такъ, что, сохраняя въ цѣломъ слѣдственное судопроизводство, въ частностяхъ усовершать, корректировать его по своему усмотрѣнію, частично замѣняя „отжившія" статьи его статьями Устава Угол. Судопроизв. 1864 года? Г. Вруцевичъ, видѣли мы, совѣтуетъ дѣлать именно такъ, ссылаясь въ этомъ случаѣ и на опытъ нѣко-

торыхъ духовныхъ консисторій. По нашему мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ проф. Заозерскаго, такой способъ дѣйствованія долженъ быть рѣшительно осужденъ, какъ вносящій смуту и безпорядокъ въ отправленіе правосудія и совершенно незаконный. Въ томъ и достоинство правосудія, чтобы въ каждомъ шагѣ судьи видно было господство закона и подчиненіе ему судейскаго произвола; но что будетъ за судъ, когда судья будетъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ тѣмъ, что ему болѣе нравится? Корректированіе одного устава другимъ, конечно, еще менѣе законно, чѣмъ соединеніе ихъ только въ цѣляхъ дополненія и разъясненія.

Итакъ, что же? Сознавая, что уставъ 1864 года лучше, судъ консисторскій тѣмъ не менѣе обязанъ избирать худшее.

Перейдемъ теперь къ самому производству слѣдствія въ духовномъ судѣ. Оно, повторяемъ мы, — блазненно.

Слѣдствіе въ церковномъ судѣ — это „все“, говоря словами одного юриста, потому что имъ окончательно предрѣшается (за отсутствіемъ допроса на судѣ) исходъ судебнаго дѣла, — и „ничего“, потому что въ немъ не дано никакихъ гарантій правосудія. Слѣдователемъ, по дѣйствующему порядку, назначается священникъ, весьма часто изъ сосѣдей подсудимаго, — по назначенію консисторіи. При немъ состоитъ для охраны интересовъ „духовной“ стороны депутатъ — тоже изъ сосѣднихъ священниковъ по выбору слѣдователя. Можно-ли ожидать безпристра-

стія отъ такого слѣдователя? не говоря уже о томъ, что при наличномъ порядкѣ сегодняшній слѣдователь завтра можетъ оказаться самъ подъ слѣдствіемъ и это слѣдствіе могутъ поручить вчерашнему подсудимому,“ — слѣдователь по сосѣдству обязательно состоитъ въ тѣхъ или иныхъ личныхъ отношеніяхъ къ подсудимому. Возможно, что слѣдователь оказывается подчиненнымъ тому, надъ кѣмъ производитъ слѣдствіе (напр., когда подсудимый предсѣдатель уѣзднаго отдѣленія училищнаго совѣта и т. п.), онъ можетъ быть его товарищемъ, возможны и отношенія вражды по сосѣдскимъ распрямъ и т. д., и т. д. Полагаемъ, никто не станетъ утверждать, что здѣсь отъ чего-нибудь спасаютъ рѣдко примѣняемые законы объ отводѣ. Скажутъ, что это все — дружба, вражда и т. д. — случайно. Пусть, но вотъ что ужъ совсѣмъ не случайно, — при очень многихъ обвиненіяхъ осуждающій приговоръ противъ священника опасенъ и для его сосѣдей, слѣдовательно и для самого слѣдователя, какъ соблазнительный прецедентъ для крестьянъ-обвинителей, поощряющій къ кляузамъ.

Намъ указываютъ, будто „въ большинствѣ епархій духовные слѣдователи постоянно одни и тѣ же, что во многихъ есть даже кандидаты или помощники слѣдователей, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ слѣдователи учатся въ судныхъ столахъ консисторіи и пользуются совѣтами секретарей, членовъ суднаго стола и столоначальниковъ“. „Въ большинствѣ епархій“. Это преувеличеніе. Однако пусть. Прекрасно.

Но развѣ это по положенію, по закону? Здѣсь мы и имѣемъ дѣло съ однимъ изъ мѣстныхъ „случайныхъ“ коррективовъ „положенія“. Но поправки и заплаты, какими кое-гдѣ „подправленъ“ слѣдственный процессъ, только сильнѣе подчеркиваютъ его негодность. Да и часты-ли эти поправки? Нѣтъ, и нечасты, потому что и коррективъ, этотъ незаконенъ. Въ большинствѣ случаевъ слѣдователь назначается не потому, что онъ опытенъ и много разъ былъ слѣдователемъ, а „по мѣстной близости“. И понятно: этой мѣстной близости требуетъ Уст. Духовн. Консист. (ст. 158), на ней настаиваетъ Св. Сѵнодъ въ циркулярномъ указѣ 24 окт. 1886 г. № 19, ставя консисторіямъ въ вину, что онѣ назначаютъ слѣдователей не по близости. А отсюда не только возможна, но почти неизбѣжна или, лучше сказать, не противозаконна такая комбинація: „Надъ священникомъ с. Тополевки, Саратовской епархіи, былъ назначенъ совершать слѣдствіе священникъ с. Ягоднаго — въ 8 верст.; надъ священникомъ с. Ягоднаго (бывшимъ духовн. слѣдоват.) — свящ. с. Липовки—въ 10 верстахъ, а депутатомъ съ духовной стороны — бывшій подсудимый, священникъ с. Тополевки съ 8 верст.; надъ свящ. с. Липовки (бывшимъ духовн. слѣдоват. по ягодинскому дѣлу),— священникъ с. Ягоднаго, бывшій подсудимый—въ 10 верстахъ“. Раціональность такой комбинаціи „по мѣстной близости“ и ея результатъ—очевидны.

Что же касается безпристрастія при мѣстной близости, когда изъ Ягоднаго назначаютъ въ Ли-

повку, а изъ Липовки въ Ягодное, то тутъ самая попытка сравнивать положеніе духовнаго и свѣтскаго слѣдователя была бы странностью. Что можно возразить противъ хотя бы нижеслѣдующей картинки, приведенной журналомъ „Право“.

Молодой духовный слѣдователь получаетъ бумагу о назначеніи. Онъ положительно теряетъ голову... Что дѣлать? Да, что дѣлать, какъ приступить, съ чего начать? А тутъ эта назойливая мысль, что судитъ не кого-нибудь другого, а... сосѣда, именно его, который живетъ, „по мѣстной близости“. Друзья-пріятели: то онъ къ тебѣ, то ты къ нему... свозить жену, отвести душу, попросить совѣта, порой услуги: отслужить тамъ обѣдню, причастить больного за недосугомъ и т. д. О. Пафнутій никогда не отказывалъ, а теперь...“ (Право, № 22, 1903 г.). Если г. Марковъ игнорируетъ такого рода несерьезныя ссылки, то скажу, что у компетентнѣйшихъ людей есть отзывы суровѣе. Проф. Заозерскій, напр., основательно доказывалъ, что если даже слѣдователи будутъ опытнѣе, они все-таки будутъ неудовлетворительны, пока положеніе не будетъ прочнѣе: пока они не будутъ должностными лицами. И въ подтвержденіе своихъ мыслей этотъ канонистъ,—конечно, съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній,—сообщаетъ о наблюденіяхъ гораздо болѣе „страшныхъ“, если позволительно такъ выразиться, чѣмъ наблюденія журнала „Право“.

„Великую и внутреннюю борьбу долженъ переживать слѣдователь въ отношеніи къ предлежащей

работѣ: наклонять-ли слѣдствіе въ пользу подсудимаго, чтобы сохранить репутацію добраго собрата, ибо по окончаніи слѣдствія онъ снова простой священникъ? А что какъ этимъ не угодишь епархіальному начальству? А можетъ быть, наоборотъ, этимъ-то и угодишь ему? И вотъ, взирая на этотъ предлежащій трудъ, въ раздумьи, какъ поступить лучше и руководясь началомъ: спасая спасай свою душу, ловкіе слѣдователи, какъ намъ передавали, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, отправляются въ губернію, чтобы освѣдомиться напередъ, конечно весьма секретно, какое направленіе слѣдствія угодно дать владыкѣ или консисторіи, а потомъ соотвѣтственно сему и ведутъ слѣдствіе" (Богосл. Вѣстн., май 1900 г., стр. 61. Духовный слѣдователь).

Но допустимъ теперь, что слѣдователь умѣетъ— проплыть между Сциллой и Харибдой, не побоится разстроить дружески-сосѣдскихъ отношеній къ подсудимому и сумѣетъ соблюсти безпристрастіе. Откуда онъ возьметъ опытность? Въ судѣ гражданскомъ предварительное слѣдствіе менѣе, чѣмъ половина дѣла. Здѣсь оно, какъ мы сказали, все и поэтому вопросъ объ опытности слѣдователя здѣсь получаетъ трижды серьезный характеръ. А объ опытности „слѣдователей" и говорить грѣхъ. Въ литературѣ были попытки не признать факта исключительнаго неумѣнія и неопытности духовныхъ слѣдователей, пытаясь доказать, что и въ свѣтскомъ судѣ будто бы то-же. Указывали, что и въ свѣтскомъ судѣ слѣдствіе производятъ неопытные кандидаты на судебныя

должности. Сравненіе слишкомъ смѣлое. Кандидатъ-юристъ, цѣлые года учился праву въ университетѣ, потомъ на судѣ подъ руководствомъ опытныхъ людей; самое слѣдствіе онъ производитъ или „подъ рукой“ слѣдователя, или подъ постояннымъ надзоромъ прокурора. Его слѣдствіе будетъ дважды провѣрено, не говоря о послѣдней провѣркѣ на судѣ. А духовный слѣдователь? гдѣ у него эта предварительная подготовка. Ея нѣтъ, не полагается, да и не откуда взять. Больше, онъ не знаетъ даже, гдѣ искать книжнаго руководительства, потому что Вруцевичъ будетъ давать указанія противоположныя Луканину. Онъ не будетъ знать, можно-ли смотрѣть въ суд. уставы или нельзя. Вруцевичъ и Маврицкій смотрятъ, а о. Луканинъ убѣдительно и справедливо съ юридической точки зрѣнія запрещаетъ смотрѣть. Тутъ растеряется даже и юристъ, а не только духовный слѣдователь. Да вотъ вамъ компетентные свидѣтели: „немногіе изъ священниковъ умѣютъ производить слѣдствія по одному своему крайнему разумѣнію и усмотрѣнію“ (о. Луканинъ). „Слѣдствія, производимыя духовными слѣдователями, очень часто не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ законовъ“ (Вруцевичъ), зависитъ это отъ „неопытности“ лицъ, которымъ поручается слѣдствіе (Сѵнод. указъ 2 окт. 1886 г.). Производитъ его часто человѣкъ, который не знаетъ, откуда и дѣло начать, совершенно безсильный разобраться въ путаницѣ показаній. Кромѣ того, въ свѣтскомъ судѣ слѣдователь не смѣняемъ по закону и даже предсѣдатель суда можетъ устра-

нить его только *по суду*. Въ духовномъ же судѣ этого нѣтъ. Здѣсь каждый обвиняемый или обвинитель можетъ отвести слѣдователя безо всякой причины. „Я, пишетъ одинъ священникъ, произвелъ 30 слѣдствій и считаюсь постояннымъ слѣдователемъ. Но что это значитъ? Въ селѣ N я былъ слѣдователемъ. Никакихъ отношеній съ подсудимымъ не имѣлъ и однако ему не понравилось мое слѣдствіе. Что же? Черезъ двѣ недѣли по его дѣлу назначаютъ дополнительное слѣдствіе съ другимъ слѣдователемъ".

Рядомъ со слѣдователемъ „депутатъ съ духовной стороны". Но положеніе его неясно. Для чего онъ на судѣ — понять не легко. Бываютъ случаи, что слѣдователь запрещаетъ депутату принимать какое бы то ни было участіе въ ходѣ допроса и депутатъ подчиняется, потому что ему совершенно невѣдомы границы его правъ. А онѣ, кажется, никому невѣдомы, по крайней мѣрѣ эти права совершенно неясны въ наиболѣе употребительныхъ руководствахъ для слѣдователя (напр, Луканина, Державина, Успенскаго).

Пониманіе обязанностей депутата очень неодинаково въ практикѣ. Собственно изъ самой сущности нашего слѣдствія вытекаетъ опредѣленіе депутата, какъ защитника подсудимаго. Дореформенное слѣдствіе, какъ уже было замѣчено, соотвѣтствуетъ теперешнему судебному, а не предварительному; оно „не актъ внѣ суда стоящій, а первая часть суда". — „Большую ошибку сдѣлаетъ духовный слѣдователь, если для уясненія своего значенія въ процессѣ су-

дебномъ станетъ искать себѣ параллели или приравнивать себя къ судебному слѣдователю суд. уставовъ 1864 г., и свое слѣдствіе къ предварительному слѣдствію. Совсѣмъ иную параллель онъ долженъ отыскивать себѣ. Онъ долженъ почитать себя членомъ суда (въ общемъ смыслѣ), быть солидарнымъ съ нимъ и именно съ значеніемъ прокурора его во время производства слѣдствія, т. е. стороны нападающей на подсудимаго (въ изысканіи истины, собираніи доказательствъ и уликъ противъ него), хотя и обязанной предъявить суду все, что подсудимый самъ ему предъявитъ въ свое оправданіе. Соотвѣтственно сему и подпавшій слѣдствію, разъ оно назначено, долженъ считать послѣднее не чѣмъ либо предваряющимъ судъ, но настоящимъ судомъ и себя преданнымъ уже суду или попавшимъ подъ судъ; на духовнаго слѣдователя долженъ смотрѣть, какъ на судебное чиновное лицо, облеченное властію употреблять противъ него въ дѣло разныя мѣры преслѣдованія, а потому и съ своей стороны долженъ употреблять всѣ усилія и средства защиты и оправданія и предъявлять ему оныя тотчасъ же, ибо это единственный моментъ, когда это онъ имѣетъ право и возможность сдѣлать. По окончаніи слѣдствія для него уже прекратилась возможность и право сдѣлать что либо въ свое оправданіе".

При такомъ характерѣ слѣдствія очевидно, что депутатъ при слѣдствіи долженъ занимать положеніе параллельное прежнему депутату или стряпчему, а право послѣдняго, въ частности значеніе стряпчаго

при производствѣ слѣдствія опредѣлялось такъ: „для большаго огражденія обвиняемыхъ возлагается на уѣздныхъ стряпчихъ блюсти со вниманіемъ за ходомъ слѣдствій и пещись въ особенности о томъ, чтобы обвиняемый воспользовался всѣми способами, закономъ къ его защитѣ представленными". На ряду съ этими чиновными лицами въ слѣдственномъ присутствіи долженъ былъ непремѣнно засѣдать депутатъ отъ того сословія, къ которому принадлежалъ подсудимый. Полномочія депутата законъ опредѣлялъ такъ: депутатъ обязанъ наблюдать за правильнымъ производствомъ слѣдствія и по окончаніи удостовѣрить оное рукоприкладствомъ, въ случаѣ несогласія онъ вправѣ предъявлять свое мнѣніе". „Если слѣдствіе начато до прибытія депута, то онъ въ правѣ требовать свѣдѣнія о произведенномъ изслѣдованіи и если въ ономъ найдетъ недостатокъ или наклонность къ отягощенію судьбы обвиняемаго, то относится къ уѣздному стряпчему, прося его настоянія о доставленіи обвиняемому законной защиты".

Одно изъ двухъ: нужно признавать депутата или судьей, сотрудникомъ слѣдователя, или „свидѣтелемъ процесса" въ смыслѣ защитника подсудимаго. Лишеніе депутата такихъ правъ—прямое отступленіе отъ требованія законовъ какъ прежнихъ, такъ даже и нынѣ дѣйствующихъ. Депутатъ—охрана подсудимаго. Это самое логическое опредѣленіе даетъ система митр. Филарета. Иное опредѣленіе роли депутата, какъ одного изъ слѣдователей, члена слѣд-

ственной комиссіи. Это опредѣленіе, менѣе удовлетворительно съ обще-юридической точки зрѣнія, такъ какъ отнимаетъ у подсудимаго депутата, какъ защитника и ухудшаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ судъ, и такъ какъ менѣе члена суда совмѣстимо съ юридическимъ положеніемъ слѣдователя. Уст. Дух. Конс. ясно говоритъ о слѣдователяхъ („довѣренныя духовныя лица"), которые производятъ слѣдствіе комиссій, какъ производитъ (производило) ихъ духовное правленіе (ст. 158). По Высоч. утвер. правиламъ 22 дек. 1823 г. слѣдствія производятся при участіи „двухъ сосѣдственныхъ священниковъ". „Лица эти со слѣдователемъ составляютъ какъ-бы слѣдственную комиссію, наравнѣ съ ними подписываютъ протоколы". Это повсемѣстная практика, согласная съ ст. 158, 162 и 163 Уст. Дух. Конс.

Очень часто депутатъ называется оффиціально „сотрудникомъ" слѣдователя; по правиламъ о порядкѣ производства слѣдствій, даннымъ митроп. Филаретомъ московскимъ (а правиламъ этимъ въ руководствахъ часто придается значеніе инструкціи годной и пріемлемой во всякой епархіи), депутатъ почти равноправный слѣдователю его помощникъ, который вмѣстѣ со слѣдователемъ „обсуждаетъ и разсуждатъ, кого изъ свидѣтелей должно допрашивать, вмѣстѣ со слѣдователемъ составляетъ журналъ слѣдствія". Здѣсь депутатъ не занимаетъ полезной, по неясной роли адвоката при слѣдствіи, за то мѣсто его понятно,—онъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторый коррективъ къ странной процедурѣ нашего суда.

Оба опредѣляемыя пониманія, проведенныя въ практику, имѣютъ, какъ видимъ, хорошія стороны, хотя, конечно, лучше бы хорошее совмѣстить. Къ сожалѣнію, вмѣсто совмѣщенія двухъ хорошихъ пониманій утвердимое третье совсѣмъ не хорошее. Правда, и сейчасъ депутатъ и съ той и съ другой стороны играетъ роль слабую, ничтожную, но все-таки его присутствіе говоритъ о какой то охранѣ правды. Ревнители хотятъ уничтожить и эту, положимъ, только „подпорку“ правосудія. Къ счастью, нашъ оппонентъ и здѣсь неправъ: его опредѣленіе роли депутата даже пріемлемо, выводы изъ опредѣленія, если благопріятны, то, конечно, уже не для него. Пониманіе роли депутата г. Марковымъ выражено въ такихъ тезисахъ: депутатъ вовсе не сотрудникъ слѣдователя, равнымъ образомъ не адвокатъ, не представитель интересовъ подсудимаго, такъ какъ такового законъ не допускаетъ къ слѣдствію, а лишь свидѣтель законности дѣйствій слѣдователя. Поэтому онъ безгласенъ, права подавать мнѣніе онъ не имѣетъ, да и назначается лишь по дѣламъ особо сложнымъ и каверзнымъ, когда слѣдователя можно подозрѣвать въ пристрастіи.

Мы можемъ утверждать, что теоретически невѣрно все, но фактъ, что такое опредѣленіе существуетъ и распространено. Болѣе, при незнаніи депутата о своихъ правахъ — это фактъ почти всеобщій. Фактически депутатъ дѣйствительно, какъ мы сказали, только безгласно присутствуетъ, не помогаетъ и не имѣетъ права помогать слѣдователю.

„Мы только для переписки“,—жаловался одинъ депутатъ. Мы сказали по 152 ст. XV Св. Зак. „депутатъ обязанъ наблюдать за правильнымъ производствомъ слѣдствія, въ случаѣ несогласія съ нимъ онъ въ правѣ предъявить свое мнѣніе“. Многіе депутаты, какъ люди, случайно попавшіе въ сотрудники при слѣдствіи, конечно, не знаютъ этой статьи. Это было бы еще ничего. Хуже то, что они вполнѣ резонно говорятъ по поводу 152 ст. слѣдующее: „мы имѣемъ право подавать особое мнѣніе. Что намъ въ этомъ правѣ? Извѣстно, что особое мнѣніе подается всегда по поводу окончательнаго постановленія по дѣлу, „но намъ совершенно невѣдомо, къ какимъ выводамъ пришелъ слѣдователь. Свое заключеніе онъ пишетъ у себя дома, безъ нашего вѣдома, и оно намъ не сообщается. Мы думаемъ иногда, что слѣдователь пришелъ на основаніи слѣдствія къ выводу о невиновности и подписываемъ протоколы. Послѣ оказывается, что выводы слѣдователя совсѣмъ расходятся съ нашими, но ничего сдѣлать мы уже не можемъ“. Понятно, что въ этихъ словахъ все правда. Депутату должно быть извѣстно, къ какимъ выводамъ пришелъ слѣдователь и противъ нихъ, (если онъ съ ними несогласенъ) особенно нужно „мнѣніе“ сотрудника. Очень многіе депутаты и консисторіи самое право „предъявлять свое мнѣніе въ случаѣ несогласія съ производствомъ слѣдствія“ (152 ст.) понимаютъ въ смыслѣ права заявлять о своемъ недовольствѣ слѣдствіемъ только слѣдователю во время слѣдствія и при неясности статьи

такое ея пониманіе вполнѣ возможно. Въ результатѣ понятно, что депутатъ уклоняется почти отъ всякаго участія въ слѣдствіи и оно производится единоличной „неопытностью“ главнаго слѣдователя, и этотъ слѣдователь тоже единолично представляетъ консисторіи свои выводы изъ слѣдствія.—Положеніе же депутата съ гражданской стороны хотя и ясно, но каррикатурно. Такъ, по дѣлу свящ. Б. въ С. епархіи депутатомъ былъ кучеръ обвинителя—староста безграмотный совершенно. Въ литературѣ пытались доказать, что подобная каррикатура представляетъ исключительный случай и нарушеніе 200 статьи Уст. Дух. Консист., въ силу которой депутатомъ съ гражданской стороны долженъ быть полицейскій чиновникъ. Но въ дѣйствительности подобная каррикатура „обдержный случай“ и притомъ основанный на буквѣ закона; по Высочайш. указу отъ 23 дек. 1803 г. и по указу Сѵнода отъ 5-го апр. 1881 года на слѣдствіи вмѣсто полицейскаго чиновника можетъ быть сельскій староста и сотскій. Находились люди, которые пытались даже доказать, будто нѣтъ ничего неудобнаго въ допущеніи въ депутаты сельскаго старосты, коль скоро признается возможнымъ его участіе въ качествѣ депутата съ гражданской стороны — въ Окружномъ судѣ, въ земствѣ. Но вполнѣ понятно, что положеніе присяжнаго и депутата очень не одинаково; въ первомъ случаѣ (въ судѣ Окружномъ) онъ собственно слѣдитъ за порядкомъ и ходомъ дѣла и понятно, что, присутствуя при разборѣ дѣла, мо-

жетъ сказать по совѣсти, виновенъ ли подсудимый или нѣтъ; во второмъ—онъ долженъ оріентироваться въ самомъ процессѣ судопроизводства, а это безграмотному или малограмотному старостѣ или сотскому врядъ ли по силамъ. И журналъ „Право“ считаетъ участіе сельскаго старосты въ судѣ карикатурой вполнѣ справедливо. Роль старосты, какъ депутата съ гражданской стороны—это полное безгласіе при подавляющемъ авторитетѣ батюшки — слѣдователя и при безгласіи депутата съ духовной стороны.

Какъ теперь ведется слѣдствіе?

Производство слѣдствія — обычно. Можно указать нѣкоторыя неладности и здѣсь. Обыкновенно допросъ снимается письменно: обвиняемый письменно отвѣчаетъ на предложенные пункты. Такая практика оправдывается 665 ст. закон. о судопроизводствѣ. Но этотъ пріемъ допроса законенъ и умѣстенъ собственно въ преступленіяхъ по должности и неудобенъ въ преступленіяхъ противъ благочинія. Отвѣты даются неопредѣленные и уклончивые („былъ-ли тогда-то пьянъ“ — „не знаю“); нѣкоторые пункты оставляются совсѣмъ безъ отвѣтовъ; полуграмотные псаломщики пишутъ иногда такъ, что нѣтъ возможности понять смыслъ дѣла или же поручаютъ отвѣчать за себя лицамъ изворотливымъ и набившимъ руку, и что еще важно—отвѣты даются не во время, затягиваются на цѣлыя недѣли, почему не поспѣваютъ къ самому производству слѣдствія, иногда совсѣмъ не читаются и не провѣряются слѣдователемъ. Между

тѣмъ такой порядокъ вошелъ въ повсюдную „обдержность“.

При этомъ еще одна крупной важности частность. И слѣдователи неопытные, благодаря неопытности, и слѣдователи опытные, но желающіе добыть обязательно такой-то опредѣленный выводъ, любятъ прибѣгать къ одному слѣдственному пріему, который очень много даетъ для слѣдствія, но въ то же время чрезвычайно опасенъ и вреденъ именно въ судѣ надъ священникомъ. Разумѣемъ „повальный обыскъ“ (Зак. суд. по прест., ст. 311, 312).—Повальный обыскъ—особая форма допроса свидѣтелей: опрашивается, напр., каждый 10-й, 20-й или 30-й человѣкъ изъ всего общества обязательно подъ присягой. Въ старое время такой обыскъ имѣлъ форму общественнаго суда съ рѣшительнымъ оправдательнымъ или обвинительнымъ приговоромъ надъ духовнымъ лицемъ. Трудно отыскать что-нибудь болѣе деморализующее село въ его отношеніяхъ къ священнику, чѣмъ эта форма допроса. „Два раза надо мной производили слѣдствіе — говорилъ одинъ священникъ,— оба раза меня оправдали, хотя и наложили одинъ разъ штрафъ въ три рубля за то, что подаю поводъ къ жалобамъ (?), но я сразу опустился послѣ слѣдствій; меня прежняго уже нѣтъ“. И это понятно. Мало того, что фактъ слѣдствія подрываетъ авторитетъ священника,—повальный обыскъ ставитъ его въ странное положеніе въ приходѣ. Мужикъ, который показывалъ въ пользу батюшки правду, считаетъ, что онъ оказалъ ему услугу, и

не прочь напомнить объ этомъ. Другой даже покривитъ совѣстью въ пользу „попа“. Это еще хуже. „Разъ, разсказывалъ тотъ же батюшка, мужикъ на исповѣди кается мнѣ, что онъ на слѣдствіи надо мной сказалъ неправду. Можетъ быть онъ сказалъ это отъ чистой совѣсти, но мнѣ такъ и почудилось, что ему пріятно сознаться въ такомъ грѣхѣ,—такъ нехорошо стало“. Кто не пойметъ этого батюшку? Естественно, что между священникомъ и прихожанами, которые дважды были свидѣтелями по его дѣлу, уже почти невозможны должныя отношенія. А по какимъ микроскопическимъ поводамъ у насъ можно попасть подъ слѣдствіе,—не лѣть и глаголати.

Съ теченіемъ времени повальный обыскъ потерялъ прежнее значеніе, но еще и теперь кое-что удержалось. При повальномъ обыскѣ общество становится въ положеніе хозяина надъ духовнымъ лицомъ и беретъ въ свои руки судьбу слѣдственнаго приговора. Здѣсь же всѣ неудобства такого судопроизводства въ томъ случаѣ, когда село за священника или, когда оно настроено противъ него. Послѣ такого повальнаго обыска священникъ становится въ неудобное положеніе въ отношеніи къ прихожанамъ, чувствуя къ нимъ или благодарность, или ненависть и недоброжелательство. Какой же цѣны матеріалъ можетъ дать консисторіи слѣдствіе, произведенное при вышеизложенныхъ условіяхъ. На просмотръ церковнаго суда могутъ быть представлены слѣдственныя производства двухъ родовъ. Производство неопытнаго, но добросовѣстнаго слѣдователя—

довольно точная, почти буквальная запись допроса. Мнѣніе слѣдователя въ такомъ производствѣ излагается уклончиво и нерѣшительно. Такъ какъ въ производствѣ обязательно (за рѣдкими исключеніями) много показаній и за, и противъ, а тѣ оттѣнки большей или меньшей правдивости въ показаніяхъ, какіе могъ уловить слѣдователь при устномъ допросѣ, на бумагѣ исчезли и сгладились, то судъ необходимо ставитъ приговоръ ощупью, наугадъ.

Положимъ, что ст. 240, 305 и 306 зак. о судопр. требуютъ дѣйствительно буквальной передачи показаній, — консисторія потребуетъ еще ясности показаній. Записывать буквально показанія мужиковъ, значитъ явно увеличивать работу будущаго суда, и опытный слѣдователь, ища благоволенія „пославшихъ“, необходимо постарается придать эту ясность, даже не нарушая ст. 240 и др. по ихъ буквѣ. Просмотримъ хотя бы даже образцы слѣдствія, приведенные, напр., у Маврицкаго („Правила и формы слѣдств. произв.“). Это почти всегда фальсификація. И вотъ на основаніи темныхъ и спутанныхъ или ясныхъ, но полуподдѣльныхъ показаній консисторія дѣлаетъ постановленіе. — Другая возможность—точная стенографическая запись, спутанная и неясная. Послѣдній способъ законнѣе, хотя едва-ли много лучше. Впрочемъ, онъ и не часто практикуется.

Заключеніе консисторіи представляется на утвержденіе (окончательное) архіерея. Мнѣніе этого послѣдняго признается рѣшительнымъ, когда онъ соглашается съ мнѣніемъ консисторіи или большинства

членовъ или даже — съ мнѣніемъ одного члена. Въ случаѣ несогласія архіерея съ рѣшеніемъ консисторіи дѣло пересматривается вновь. Если же и послѣ этого мнѣніе архіерея будетъ несогласнымъ съ мнѣніемъ консисторіи, его рѣшеніе признается все-таки рѣшающимъ. Странности встрѣчаются и далѣе въ отношеніи взиманія издержекъ, апелляціи и окончательномъ рѣшеніи. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ издержки взимаются съ обвиняемаго, а въ случаѣ недоказанности вины — съ истца, или же принимаются на счетъ казны. Такъ должно бы быть и въ духовномъ судѣ. Фактически такого порядка почти совсѣмъ не существуетъ или же онъ осложнился и затемнился совсѣмъ несоотвѣтствующими дополненіями. Во многихъ епархіяхъ фактически существуетъ такой порядокъ, что издержки при слѣдствіи всегда и всѣ взимаются съ подсудимаго — одинаково, будетъ-ли онъ обвиненъ или оправданъ. Что здѣсь явная несправедливость, нечего и говорить: здѣсь собственно налагается штрафъ на священника за то, что онъ подалъ поводъ къ жалобѣ. Не справедливѣе-ли налагать штрафъ на жалобщика, который не можетъ доказать обвиненія и, слѣдовательно, только „сѣетъ свары?“ Странная и необычная система раскладки издержекъ даже сама по себѣ увеличиваетъ кляузы. Извѣстны случаи, когда жалобщики, мало надѣясь на исходъ дѣла въ ихъ пользу, начинали его, чтобы ввести подсудимаго въ расходы. „Подводами, дескать, разоримъ, бумага-то копейка листъ“,—и дѣйствительно разоряли, три года подрядъ

поддерживая слѣдствіе. Должно-ли такъ быть? Правда, можетъ быть и не вездѣ дѣло обстоитъ такъ, какъ сказано; однако въ епархіяхъ Поволжья практикуется именно такой порядокъ, хотя, согласно прим. ст. 156 Уст. Дух. Консист., изд. 1883 года, прогоны духовнымъ лицамъ, командируемымъ на слѣдствіе, отпускаются на счетъ возврата ихъ съ виновныхъ или лицъ, по просьбѣ которыхъ производилось слѣдствіе. Какъ могла быть забыта эта статья, понять трудно; нужно думать, что здѣсь вызвало нѣкоторую путаницу существованіе закона, противорѣчащаго вышеприведенному. Разумѣемъ Высочайше утвержд. 27 іюня 1866 г. мнѣніе Госуд. Совѣта, по которому выдача прогоновъ слѣдователю производится изъ кредита на прогоны, ассигнованнаго въ распоряженіе епархіальнаго архіерея, или, въ случаѣ недостатка этихъ суммъ, изъ кредита, ассигнованнаго въ распоряженіе Хозяйствен. Управл. при Св. Сѵнодѣ (отнош. об.-прок. Св. Сѵн. 27 дек. 1879 г.). Во всякомъ случаѣ, это должно быть выяснено. Впрочемъ, что удивляться тому, что издержки всегда берутся съ подсудимаго, когда его оправданіе такъ часто можетъ сойти за обвиненіе. Оправданъ-ли, т. е. свободенъ-ли отъ уплаты издержекъ тотъ священникъ, который оправданъ, но платитъ 3 рубля штрафа за то, что подалъ поводъ къ жалобамъ, или тотъ, который оправданъ „по недоказанности“, но оставленъ въ подозрѣніи? Да можетъ-ли быть и рѣчь о такой мелочи, когда одна „настольная книга для духовенства“, составленная по порученію съѣзда оо. благочинныхъ Туль-

ской епархіи, обсуждая вопросъ, на чьи средства долженъ содержаться слѣдователь во время слѣдствія, рекомендуетъ до слѣдствія брать со сторонъ „подписку“, одна-ли изъ сторонъ приметъ эту обязанность или обѣ (настольн. книга свящ. Успенскаго. Тула, 1889).

Слѣдствіе — это первая ступень суда. Но что говорить о самомъ судѣ? У насъ нѣтъ духовнаго суда; у насъ есть судный столъ въ консисторіи, провѣряющій слѣдствіе и выводящій „итоги“ изъ бумажнаго производства, и только. Судьи не видятъ подсудимаго; подсудимый не имѣетъ средствъ защищаться предъ судьями. Какъ далекъ такой судъ хотя бы отъ тѣхъ элементарнѣйшихъ формъ суда, какія указаны въ книги „постановленій апостольскихъ“. Говоримъ о „понедѣльничныхъ“ судахъ на епископскомъ дворѣ. Въ случаѣ обвиненія священника въ обидѣ, нанесенной брату или „въ неправомъ хожденіи передъ Господомъ“ дѣло по обвиненію поступало на судъ старцевъ и епископа. Суду предшествовало слѣдствіе или дознаніе. Уполномоченные епископомъ собирали справки не только о нравственной личности обвиняемаго, но и о личности свидѣтелей и обвинителей, дабы не сдѣлать священника жертвой клеветниковъ. Наконецъ, послѣ слѣдствія, въ одинъ изъ понедѣльниковъ назначался судъ. Судили „старцы“ — пресвитеры. Обвиняемый и обвинитель выходили на середину двора и здѣсь вели защиту и обвиненіе въ порядкѣ состязательнаго процесса. Старцы судили по справедливости и правдѣ любовной и затѣмъ

ставили свое рѣшеніе. Это рѣшеніе или вѣрнѣе „мнѣніе“ не имѣло окончательной силы. Оно восходило на разсмотрѣніе епископа, и епископъ, руководимый Духомъ Божіимъ и евангеліемъ, ставилъ приговоръ. Какъ видятъ читатели, здѣсь на лицо всѣ стадіи теперешняго гражданскаго процесса. Обвиненіе, слѣдствіе, преданіе суду, слѣдствіе на судѣ, судъ черезъ лицъ, не имѣющихъ власти окончательнаго приговора, рѣшеніе епископа.

Въ судѣ нашего времени отпало чуть-ли не самое существенное,— всѣ среднія стадіи процесса между слѣдствіемъ и приговоромъ. Въ то же время отпали и всѣ стадіи послѣ приговора. Въ духовномъ судѣ нѣтъ никакихъ средствъ для окончательнаго обжалованія. Законъ знаетъ двѣ или вѣрнѣе три формы обжалованія: апелляція, кассація и частная жалоба. Апелляція—обжалованіе по существу; кассація — съ юридической, формальной точки зрѣнія, когда не соблюдены формы судопроизводства; частная жалоба, соединяющая признаки первыхъ 2-хъ и отличающаяся тѣмъ, что не останавливаетъ хода судопроизводства; это скорѣе частный вынужденный доносъ. Несомнѣнно, что въ епархіальномъ судопроизводствѣ она влечетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, какъ жалоба на своего начальника, а не протестъ противъ формальностей или ошибокъ производства. Между тѣмъ, въ духовномъ судѣ нѣтъ апелляціи. 171, 172, 173 и 174 ст. Уст. Дух. Конс. допускается апелляція, когда священникъ лишается сана, а по другимъ рѣшеніямъ допускается только частная жа-

лоба. Само собою разумѣется, она почти всегда приводитъ къ плачевнымъ результатамъ для подающаго, а результаты ея въ случаѣ отмѣны постановленія запаздываютъ: обвиняемый уже успѣетъ отбыть наказаніе. Что же касается кассаціи, то она не предусмотрѣна Уставомъ Дух. Конс. и не допускается въ духовномъ судѣ. Отсюда видно, насколько не мачеха судъ и для духовенства: правосудіе въ духовномъ судѣ возможно только при личныхъ талантахъ и добросовѣстности духовнаго слѣдователя, не находя себѣ гарантіи въ самомъ законѣ. Что можно и должно сдѣлать?—А прежде всего измѣнить способъ назначенія слѣдователей. Временные духовные слѣдователи должны быть замѣнены постоянными, назначаемыми на тотъ или другой, сравнительно, конечно, обширный районъ епархіи. Такъ и духовный слѣдователь былъ бы, во-первыхъ, дѣйствительно опытнымъ духовнымъ слѣдователемъ и, во-вторыхъ, облеченный извѣстными полномочіями и обязанностями, какъ постоянное должностное лицо и не связанный такою массою интимныхъ связей съ далекими пространственно и незнакомыми обвиняемыми, какъ временный и близкій во всѣхъ отношеніяхъ къ обвиняемому современный духовный слѣдователь, онъ былъ бы гораздо болѣе независимъ, свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, безпристрастенъ и справедливъ. Другая существенная, еще, пожалуй, болѣе важная поправка должна быть внесена въ статью о назначеніи депутатовъ съ гражданской стороны. Депутатами съ гражданской стороны могутъ быть только

полицейскіе чиновники, земскіе начальники и другія болѣе или менѣе равныя имъ должностныя лица. Только такія лица могутъ дѣйствительно гарантировать правосудіе, какъ лица высокопоставленныя, освѣдомленныя относительно общаго производства дѣла и, въ частности, своего положенія на слѣдствіи и безусловно независимыя. Даже независимо отъ ихъ непосредственнаго вмѣшательства въ слѣдственное разбирательство, самое присутствіе такихъ видныхъ должностныхъ лицъ само по себѣ отразится на порядкѣ засѣданія, сообщивъ ему должностной тонъ и характеръ. Но такъ какъ указаннымъ лицамъ не всегда удобно и возможно присутствовать на каждомъ слѣдственномъ засѣданіи по дѣламъ духовныхъ лицъ, то или въ качествѣ дополненія къ намѣченному порядку, или даже въ полную замѣну послѣдняго былъ бы въ особенности желателенъ и по своей крайней простотѣ, и по своему удобству выборный способъ назначенія депутатовъ съ гражданской стороны съ предоставленіемъ права выбора послѣдняго заинтересованному свѣтскому лицу. Въ селѣ всегда найдутся такіе люди, которые искренно хотѣли бы помочь крестьянамъ и, при своей опытности, образованности и честности, дѣйствительно могли бы оказать немаловажную услугу и правосудію, и крестьянамъ, но существующій порядокъ назначенія гражданскихъ депутатовъ всегда оставляетъ ихъ внѣ сферы дѣйствія.

Эта новая комбинація состава слѣдственной комиссіи, если не всегда, что, конечно, невозможно,

то по крайней мѣрѣ въ огромномъ рядѣ случаевъ сослужила бы неоцѣнимую службу отечественному правосудію. Она принесла бы свѣтъ какъ духовному, такъ и крестьянскому сословіямъ, надъ первымъ поставивъ судъ, второму обезпечивъ возможность защищаться. Что послѣдствіемъ такого исправленія недостатковъ нашего духовнаго судопроизводства будетъ улучшеніе формальнаго слѣдствія, въ этомъ сомнѣній быть не можетъ, ибо необходимо прекратятся тогда тѣ предварительные переговоры консисторій съ командируемыми ими духовными лицами, отказывающимися, напр., за дальностью разстоянія отъ предлагаемой командировки, которые такъ обычны въ настоящее время; прекратятся переговоры назначеннаго слѣдователя съ подсудимымъ относительно того, не пожелаетъ-ли послѣдній отвести назначеннаго и просить другого, которые, какъ видно было выше, едва у насъ не введены въ норму. Всѣ такіе переговоры крайне замедляютъ слѣдствіе, но они не мыслимы при слѣдователѣ—членѣ консисторіи. Ускорится, конечно, и самый процессъ слѣдствія, потому что производить его будетъ лицо властное, вполнѣ ясно сознающее свое положеніе и призваніе, и главное — лицо умѣлое и опытное.

Но благопріятное воздѣйствіе указываемой мѣры несомнѣнно отразится и на слѣдующемъ моментѣ судопроизводства, въ самой консисторіи производящемся. Ибо тогда при слушаніи выписки изъ дѣла, при сужденіи о силѣ уликъ и доказательствъ будутъ присутствовать и принимать дѣятельное участіе опять

таки лица умѣлыя и опытныя и обладающія уже въ въ силу этого большею самостоятельностью въ своихъ мнѣніяхъ, чѣмъ наличные члены присутствія. Тогда уже невозможны будутъ явленія въ родѣ того, что „по непонятнымъ причинамъ консисторія назначаетъ производство дополнительныхъ слѣдствій даже и по слѣдствіямъ произведеннымъ вполнѣ безукоризненно", явленія, возможныя по свидѣтельству компетентныхъ лицъ теперь.

Затѣмъ, измѣненія процесса самаго суда намѣчаются легко самими правилами о слѣдствіи. Въ сущности нормальный ходъ процесса уже намѣченъ въ правилахъ о слѣдствіи. Собственно говоря, наше слѣдствіе не есть слѣдствіе въ собственномъ смыслѣ; это—судъ безъ постановленія приговора. Здѣсь дѣйствуютъ всѣ тѣ законы объ отводѣ „судьи", свидѣтелей, о присягѣ и т. д., какіе имѣютъ мѣсто только при судѣ и не нужны при слѣдствіи. Такимъ образомъ предварительное слѣдствіе здѣсь сближается вообще съ судомъ, а это и даетъ путь къ разрѣшенію вопроса о судѣ. Нужно сдѣлать еще только одинъ шагъ. По инструкціи митр. Филарета слѣдствіе производится слѣдователемъ съ однимъ или двумя сотрудниками, въ большинствѣ епархій слѣдствіе производятъ двое. Такъ какъ они производятъ допросъ по правиламъ не предварительнаго, а „судебнаго" слѣдствія и въ концѣ слѣдствія даютъ свое заключеніе (хотя и не вездѣ), то стоитъ дать имъ право указывать еще мѣру наказанія виновному,—и слѣдствіе обращается въ правильный судъ. Возможно считать ихъ рѣшеніе

только предварительнымъ, такъ чтобы оно входило въ силу по утвержденіи его высшей судной властью, наприм., суднымъ столомъ консисторіи. Такая реформа произошла бы безъ всякой ломки и состояла бы только въ принятіи Филаретовскаго пониманія роли депутата. Кто могъ бы быть слѣдователями—судьями? Намъ думается, что составъ суда самъ собою намѣчается въ благочинническомъ совѣтѣ. Благочинническій совѣтъ и теперь можетъ вѣдать отчасти судебныя дѣла. По ходатайству Симб. епарх. съѣзда 1875 года благочинническимъ совѣтамъ предоставлено вѣдать въ судебномъ порядкѣ: а) споры, возникающіе между членами причтовъ по поводу приходскихъ доходовъ, пользованія церковною землею и усадьбою и под., б) личныя обиды и оскорбленія, возникшія между членами причтовъ и причиненныя постороннимъ лицомъ, равно примиреніе враждующихъ священно-церковно-служителей и возстановленіе хорошихъ отношеній членовъ причтовъ къ прихожанамъ, в) жалобы прихожанъ на неисправность причтовъ въ совершеніи богослуженія и требъ, если эти недостатки могутъ быть исправлены безъ формальнаго слѣдствія и суда, г) жалобы прихожанъ относительно вознагражденія причтовъ за требоисправленіе и на кажущіеся отяготительными поборы, и вообще д) проступки духовныхъ лицъ противъ должности, благочинія и благоповеденія, за которые по закону опредѣляются замѣчанія и выговоры безъ внесенія въ формулярный списокъ". Если бы кругъ компетенціи благочинническаго со-

вѣта былъ расширенъ дѣлами о проступкахъ по должности и болѣе крупной важности, чѣмъ такіе, которые караются простымъ замѣчаніемъ, то отъ этого много выиграло бы судное дѣло безъ всякаго нарушенія существующихъ узаконеній. Консисторія и епархіальный архіерей не были бы подавлены массой дѣлъ и дѣла на мѣстѣ рѣшались бы правильнѣе и скорѣе.

Въ дѣлахъ сравнительно большей важности составъ суда могъ бы измѣняться; напр., могъ бы входить въ составъ присутствія сосѣдній благочинный или слѣдователь по духовнымъ дѣламъ. Въ Вологодской епархіи онъ и входитъ обязательно въ составъ благочинническихъ совѣтовъ. Наконецъ, возможно выдѣленіе особо сложныхъ и серьезныхъ дѣлъ, которыя разсматриваются послѣ предварительнаго слѣдствія. Здѣсь сначала производится слѣдствіе съ допросомъ безъ присяги, затѣмъ докладъ слѣдователя передается въ „судный столъ“ консисторіи и этотъ столъ, въ составѣ по меньшей мѣрѣ двухъ членовъ консисторіи, или прекращаетъ дѣло, или дѣлаетъ постановленіе о преданіи суду, причемъ этимъ судомъ можетъ быть или соединенное присутствіе двухъ благочинническихъ совѣтовъ, или сама консисторія. Такой строй дѣла далъ бы намъ вмѣстѣ и двѣ инстанціи для обжалованія дѣлъ — апелляціонную и кассаціонную, какихъ теперь, какъ это ни странно, совсѣмъ нѣтъ въ духовномъ судѣ. Рѣшеніе суда обжаловать рѣшительно некому, потому что жалоба въ Сѵнодъ, при наличномъ по-

рядкѣ, не есть нормальная и законная апелляція, а именно „жалоба“ на консисторію и архіерея, которая, естественно, ставитъ жалобщика въ положеніе малоудобное.

Въ „весеннемъ потокѣ“.

Люди и идеалы „Весенняго потока“. Безъ лица. Необходимость „души“ для счастія и общественной дѣятельности.

Изъ литературныхъ впечатлѣній прошлаго года для меня нѣтъ болѣе обиднаго и скорбнаго, чѣмъ успѣхъ „одной модной пьесы“.

Я говорю о „Весеннемъ потокѣ“ Косоротова. Пьеса понравилась молодежи. Ее слушали запоемъ...

И это было—не хорошо; больше, это было—несчастіе.

Въ чемъ былъ здѣсь секретъ успѣха? Въ главномъ „мотивѣ“ пьесы, въ ея призывѣ къ буйному весеннему счастью.

Идея пьесы выражена въ предсмертномъ завѣщаніи одного изъ героевъ пьесы Сергѣя.

„Весенній потокъ, Наташа, да, весенній потокъ... За нимъ... Онъ выноситъ на бархатный берегъ... И тебя вынесъ онъ на бархатный берегъ... Когда ты состаришься и оглянешься назадъ, ты съ полнымъ правомъ можешь тогда похвастать. Ты ска-

жешь: „меня два порядочныхъ человѣка сильно любили“. И всѣмъ этимъ ты обязана весеннему вихрю и *собственной дерзости*, которая тебя заставила *отдаться покорно, бездумно, наивно*... Жизнь—настоящая жизнь—она владычица-матушка. Она и губитъ справедливо, и счастье тоже справедливо даетъ. Даетъ тому, кто дерзаетъ не противиться велѣніямъ жизни“.

„Наташа не дерзала, продолжаетъ онъ, и не было ничего; и она сама, и Володя, и я были просто ничего и другъ друга не знали. Но жизнь ей сказала: „дерзай“. Она не стала перечить жизни—и вдругъ мы всѣ трое соединились и для всѣхъ троихъ раскрылись громадные рудники поэзіи, красоты и блаженства. Ты понимаешь... Счастье несетъ весенній потокъ“...

Вотъ страшная проповѣдь, страшная потому, что за ней слишкомъ охотно пошли.

Дерзай, плыви по теченію вслѣдъ за природой и бунтующей кровью...

Такъ ли нужно? Въ этомъ ли жизнь? Я думаю—нѣтъ. Нѣтъ! Нѣтъ!

Да, красивъ весенній потокъ. Свободный и веселый бѣжитъ онъ впередъ. Весело шумятъ его волны, шумно крича о веснѣ, о новой жизни, свободѣ и счастьѣ. Этотъ потокъ—радостный гимнъ веснѣ и счастью.

Войти въ эти шумныя воды и принять на себя ихъ ласкающій прибой... хорошо,—но... остановитесь на минутку, посмотрите: весенняя вода такая грязная и мутная.

Кто знаетъ, что несутъ эти мутныя и желтыя волны, можетъ быть здѣсь проклятіе проказы, можетъ быть здѣсь...

На бархатный берегъ счастья унесутъ тебя волны весеннія...

Да, красивъ бархатный берегъ изъ только что рожденной травы; онъ сулитъ вамъ и ласку, и счастье. За потокомъ, туда, на зеленый берегъ, послушные инстинктамъ и крови, скорѣе по теченію... Да, конечно, но только.., мнѣ приходилось видѣть, что теченіе не всегда уносило на бархатный берегъ, потому, что далеко не всегда берегъ покрытъ свѣжею зеленью. Да и теченіе несетъ, куда хочетъ...

Она, Наташа, — куда унесъ ее разлившійся весенній потокъ? Онъ понесъ ее... унесъ сначала во власть и волю разслабленнаго больного, почти разложившагося отъ грѣха „противъ плоти своей“ въ волю человѣка, у котораго не осталось ни души, ни здороваго тѣла.

Другой разъ... и потокъ уноситъ ее въ рабство другой воли и прихоти развращеннаго ничтожества.

И горе въ томъ, что тысячи Наташъ, тысячи молодыхъ душъ, послушныя этому призыву „весенняго потока, идутъ по теченію вслѣдъ за бурнымъ потокомъ къ великому морю на просторъ. Вѣдь это такъ легко и весело“.

Они шли на встрѣчу вѣтру.

На югѣ сверкали яркіе зигзаги молніи, громъ доносился издали... Тучи низкія, причудливо лохматыя, горѣли по всему небу. Небо выглядѣло не-

объятно и грозно. Зашумѣла роща. Деревья зашатались, сверкая изнанкою листьевъ.

Впередъ, господа, впередъ.

И они шли... Такъ жадно дышали прохладнымъ вѣтромъ.

Славная вещь гроза... сказала Варвара Васильевна... (Вересаевъ „На поворотѣ“).

Да, славная.

По теченію за потокомъ... Не смущаетъ ли васъ однако сочетаніе этихъ двухъ словъ?

Человѣкъ, который идетъ „по теченію“ и „за теченіемъ“, недостоинъ званія человѣка. Не лучше ли, не достойнѣе ли человѣку управлять теченіемъ, быть внѣ теченія или, если вступать въ волну теченія, то по сознательному выбору—по волѣ своей. но я не хочу вашей правды.

Вы думаете, что нѣтъ? Можетъ быть вы правы... Мнѣ всетаки вода потока кажется липкой и грязной. Въ моихъ ушахъ звучатъ стихи:

Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновленія,
Дружно гребите *во имя добра и прекраснаго*
противъ теченія.

Въ проповѣди весенняго потока собственно два мотива: свобода въ личномъ счастьѣ и призывъ вмѣшаться въ „гущу жизни“.

Послѣднюю окраску, послѣднее пониманіе пьесы—вложила въ нее впрочемъ жизнь текущаго дня. Въ пьесѣ увидѣли проповѣдь широкой и смѣлой общественной жизни, потому что захотѣли это увидѣть

Однако пусть — примемъ проповѣдь въ этомъ смыслѣ.

Какая она эта проповѣдь—жалкая, ограниченная. Оба призыва „Потока“ имѣютъ право на бытіе и—оба не имѣютъ подъ собой ничего прочнаго, не имѣютъ почвы, стоятъ на пескѣ... не нужно даже вѣтра, чтобы карточные домики свалились... Безпочвенны, конечно, въ *томъ видѣ, въ какомъ предлагаются.*

Счастье въ томъ, что отдаешься первому инстинкту или первой вещественной волнѣ. Но развѣ это счастье?

„Дайте свободу себѣ, но не выпускайте на свободу псовъ, которые живутъ въ нашей душѣ, потому что и они хотятъ свободы“ (Ницше). А здѣсь кажется освобождаютъ только псовъ.

Счастье по рецепту „Весенняго потока“—счастье на день.

Въ самомъ лучшемъ случаѣ это „Шагреневая кожа“ Бальзака. Помните этотъ романъ?

Въ романѣ Бальзака „Шагреневая кожа“ одному человѣку дается кусокъ кожи, который сокращается отъ всякаго его желанія, и когда этотъ кусокъ уменьшается до minimum'а, прекращается жизнь.

Герой Бальзака весь отдалъ себя страсти и наслажденію. И, конечно, скоро, очень скоро, былъ уничтоженъ его маленькій кусокъ жизни, да и счастья настоящаго не было.

Какое же это счастье, если оно не растетъ, а уменьшается? Но здѣсь счастье по крайней мѣрѣ не

минутное. Въ другихъ случаяхъ еще хуже, оно случайный пріемъ гашиша.

Пока наркозъ дѣйствуетъ, есть пьяное счастье, но очнется человѣкъ и... „за опьяненіемъ обязательно слѣдуетъ отрезвленіе, и это отрезвленіе всегда мучительно и страшно. Если это отрезвленіе послѣ короткой и недолгой бури опьяненія, то человѣкъ проклянетъ прошлое, которое, можетъ быть, у него навсегда отняло возможность настоящей здоровой жизни. Если человѣкъ просыпается послѣ долгой жизни въ этомъ наркозѣ и атмосферѣ, отравленной гашишемъ, то тогда онъ проснется только для самоубійства".

Эти строки изъ нашихъ бесѣдъ „О счастьѣ и мѣщанствѣ" нами сказаны какъ будто прямо по поводу „Весенняго потока" и имъ проповѣдуемаго счастья.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ Наташу, выброшенную на бархатный берегъ. Она на день нашла любовь двухъ—будто бы „порядочныхъ людей", но сонъ кончился и остается Сергѣй, разложившійся трупъ, жизнь рядомъ съ нимъ? Куда уйдешь отъ такого счастья, кромѣ какъ „въ смерть", въ ея „покойныя объятія". Конечно это лучше, чѣмъ счастье на бархатномъ берегу, куда вынесъ „потокъ".

Нѣтъ, только развитіе силъ, здоровая работа, неустанное умерщвленіе при помощи Божіей элементовъ зла въ душѣ дастъ постоянное счастье, создастъ „живую жизнь". „Эта жизнь будетъ полной и сильной сначала потому, что эта жизнь, *проходя-*

щая въ борьбѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ горы, къ побѣдѣ это наслажденіе борьбы замѣнится настоящимъ экстазомъ *побѣды* надъ зломъ *жизни.* Въ здоровомъ развитіи себя, моральномъ усовершенствованіи, увеличеніи внутренней мощи духа человѣкъ окраситъ яркимъ цвѣтомъ все окружающее, обратитъ жизнь въ оазисъ счастья, *потому что самъ человѣкъ будетъ идти не въ ту сторону сумасшествія или полнаго умерщвленія нервной силы и воли, а въ сторону роста*".

Однако, не объ этомъ будетъ наша рѣчь.

Теперь все около общественныхъ интересовъ общественной борьбы.

Годятся ли для этой цѣли люди „Весенняго потока?".

Нѣтъ. Для жизни не нужно людей, покорно отдающихся теченію. Главное зло — самый тяжелый недугъ нашего вѣка именно въ нивеллировкѣ личности, въ томъ, что люди слишкомъ „обезличились", потеряли свою физіономію, потеряли свою „самость", свою личную душу.

Мы слишкомъ надѣемся на „общественныя теченія", на „историческія движенія", на побѣдоносную силу „идущей рѣки", въ которую торопимся войти, какъ одна изъ волнъ ея теченія.

Наша душа стерлась, потому что мы не ищемъ своего „вѣрую" и стараемся всегда приладиться къ чужой вѣрѣ, дѣлать прогрессъ, не *прогрессируя лично,* а крича съ толпой: „да здравствуетъ прогрессъ!"

Припоминается мнѣ одна нѣмецкая проповѣдь о двухъ кирасирахъ. Забылъ ея автора.

„Комната просторная и старая. Самая обширная на этой древней фермѣ, въ которую привела меня лѣсная тропинка. Извнѣ падаетъ снѣгъ медленно и спокойно.

Внутри безусловная тишина. Мнѣ—говоритъ проповѣдникъ—слышны какъ дыханіе спящей подъ печкой большой собаки, такъ и звукъ часовыхъ колесъ. Получается впечатлѣніе, будто время остановилось, и что никогда ничего не происходило... Я опускаюсь въ глубины уединенія и забвенія, какъ въ прозрачную и бездонную воду.

Въ домѣ нѣтъ никого. Одна старушка осталась въ квартирѣ. Замѣтивъ, что я туристъ и голодный, она побѣжала въ кухню приготовить мнѣ завтракъ... Но это уединеніе такъ пріятно, этотъ роздыхъ такъ благотворенъ... Мнѣ хочется остаться одному...

Къ моему несчастію, взоръ мой падаетъ на два большія изображенія, прикрѣпленныя къ передней стѣнѣ. Это два кирасира, висящіе по обѣимъ сторонамъ маленькаго зеркальца. Они сидятъ верхомъ, на горячихъ вороныхъ коняхъ, бѣгущихъ крупною рысью. У обоихъ обнажены сабли и они готовы рубиться между собою.

И сначала я посмотрѣлъ на своихъ кирасировъ издали, потомъ близко. Издали они казались вульгарной картинкой въ десять копѣекъ, точное воспроизведеніе одинъ другого. Дѣйствительно, съ обѣихъ сторонъ была одна и та же лошадь, съ такой же

гривой и съ такимъ же хвостомъ. Ростъ и жесты всадниковъ казались одинаковыми. Но вблизи можно было различить, что они имѣли претензію быть чьими то портретами. Разсмотрѣвъ внимательно всадника съ правой стороны красиваго блондина съ головой шваба очень характеристической, я вполнѣ увѣрился въ этомъ. Но, желая разглядѣть лицо всадника съ лѣвой стороны, я замѣтилъ, что у него лица *совсѣмъ не было*. Мѣсто осталось пустымъ. Человѣкъ сидѣлъ верхомъ на лошади твердо, съ угрожающимъ видомъ солдата въ бою, имѣлъ величавость, осанку, все, кромѣ лица. Мнѣ это дѣйствительно показалось страннымъ, и я рѣшилъ разспросить объ этомъ старушку, которая принесла обѣдъ...

Скоро завязался разговоръ, и я спросилъ старушку, кто были эти два всадника, изъ которыхъ у одного не доставало лица.

„Это два брата, но у одного лицо отклеилось. Наши молодые солдаты кавалеристы любятъ такіе портреты. Гордясь своимъ положеніемъ, они чувствуютъ отвращеніе сниматься стоя, какъ простые пѣхотинцы. Сниматься же каждому на лошади стоитъ дорого. Они берутъ простую фотографію, вырѣзываютъ свой профиль и наклеиваютъ на готовую картинку. Это придаетъ имъ славный видъ; но ихъ едва можно отличить между собою и часто, какъ видите, клей не держитъ самой фотографіи“.

Я покинулъ—заканчиваетъ авторъ—уединенный домъ, въ которомъ провелъ чудный часъ. Медленно вышелъ я на долину... Я думалъ о людяхъ, ко-

торые, чтобъ придать себѣ осанку, благопристойность, вставляютъ свои физіономіи въ готовыя формы, о тѣхъ, которые принимаютъ манеры, слогъ, языкъ, догматы, въ которыхъ ихъ разумъ и индивидуальность тонутъ.

Политикъ, человѣкъ клики, вѣрующій, приверженецъ своей партіи, всѣ сектанты, ощетинившіеся и храбрые на своихъ конькахъ, вставшихъ на дыбы, часто это они такіе.

Стереотипное воспроизведеніе готовой картинки, на которой ихъ личность занимаетъ мѣсто безъ значенія...

Вотъ притча.

Въ самомъ дѣлѣ, на что годятся эти люди безъ лица. Они ничто, потому что человѣкъ есть „единица“, поскольку онъ есть *личность*, поскольку онъ есть „самъ“.

И у насъ никогда не развивалось до такой степени это обезличеніе, какъ теперь. И это потому, что стала догмой „воля весенняго потока“, потому, что нѣтъ заботы *о совершенствованіи себя, своей личности.*

Люди „Потока“ всѣ надежды возлагаютъ на перемѣну формъ, на новыя учрежденія. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ...

Только оригинальные и сильные, самовоспитавшіеся создадутъ новую счастливую жизнь, а не люди „стада“, зовущіе идти за „весеннимъ потокомъ“.

Не давно вышла „исповѣдь“ человѣка, который послѣ бурно на все дерзающей жизни попалъ въ

тюрьму. Я говорю о книгѣ Оскара Уальда: „De profundis“. Выводы этого знаменитаго преступника очень поучительны.

По его словамъ, онъ былъ узокъ и ограниченъ, когда шелъ за „потокомъ“ и едва не погубилъ свою „душу“; душу—не въ христіанскомъ смыслѣ, а въ смыслѣ „человѣчности“, истинно человѣческой личности.

И онъ снова обрѣлъ свою человѣчность, свое человѣческое величіе, когда понялъ, что самое цѣнное въ человѣкѣ „жемчужина души“ и самое великое — ея развитіе.

Уальдъ жилъ вполнѣ по рецепту потока... Дерзай... Не бойся жизни.

„Помнится, говоритъ онъ, когда я былъ въ Оксфордѣ, я сказалъ однажды одному изъ своихъ друзей, бродя съ нимъ по узкимъ, излюбленнымъ птицами тропинкамъ, около Колледжа Магдалины, въ послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ,— что я жажду вкусить отъ плодовъ всѣхъ деревъ въ саду жизни и съ этой жаждой въ сердцѣ вступаю я въ міръ“.

И я такъ жилъ.

„Не было наслажденія, котораго бы я не испыталъ. Жемчугъ души своей я бросилъ въ кубокъ вина. Подъ звуки флейтъ я шелъ внизъ, дорогой, усыпанной цвѣтами. Я питался медомъ“.

Но вотъ онъ въ тюрьмѣ, и оглянулся на себя. И тогда онъ рѣшилъ, что „ложно продолжать ту жизнь, потому что она была бы ограниченной и узкой“.

Онъ понялъ „нищету своего счастія“, понялъ какой ошибкой было то, что онъ „ограничился деревами, что стояли на виду, на позлащенной солнцемъ сторонѣ сада, и избѣгалъ другой части сада, съ ея тѣнями и сумракомъ, избѣгалъ той половины жизни, гдѣ душа не въ рабствѣ, опьяненная, несознающая себя,—а сама въ силѣ своей, отъединенная, но великая, довлѣющая себѣ“.

„Въ тюрьмѣ я нашелъ,—говоритъ Уальдъ,—что кромѣ міра съ его радостью есть міръ во мнѣ, безконечно великій, огромный міръ.

И только найдя этотъ міръ, я сталъ человѣкомъ. Ранѣе я былъ недоноскомъ, получеловѣкомъ“.

„Нужно обрѣсти душу“. Яркое признаніе.

Да человѣкъ „безъ души“, безъ идеи внутренняго совершенствованія духа и работы надъ этимъ—„недоносокъ“.

Но этого мало, его „недоразвитость“, такъ сказать, дѣлаетъ его безсильнымъ и во всякой его общественной работѣ.

Люди „весенняго потока“ не только внутренно дрянны и безсильны и они безсильны и во внѣ, въ нихъ нѣтъ и созидательной общественной силы.

Теперь особенные дни.

Бываютъ такія времена, когда нужно стать выше себя и чище себя.

Когда Моисей былъ на Синаѣ, стоявшіе у подножія горы должны были надѣть чистыя одежды—и воздержаться отъ грѣха.

Они не оказались сильными для этого и скри-

жали были разбиты: за ними пришлось идти другой разъ.

Не нужно забывать этого теперь. Когда Л. Н. Толстой по поводу событій дня — заявилъ, что только личное усовершенствованіе можетъ измѣнить жизнь міра, онъ былъ не совсѣмъ правъ. Формы жизни — сами по себѣ „формуютъ“ людей такъ или иначе. Но эти формы станутъ почти мертвыми (скрижали будутъ разбиты), если люди останутся тѣми же *недоносками, не воспитавшими въ себѣ христіанской души*, какъ мы были прежде.

Посмотрите, какъ мечутся въ отчаяніи сильные, даже великіе, богато одаренные герои Пшибышевскаго (Homo sapiens) Фалькъ, Гродскій.

Они работаютъ—на общественной нивѣ—и по собственному ихъ признанію — это была вначалѣ *работа и молодыхъ нервовъ, и молодой крови* — а послѣ, когда кровь остыла — работа *изъ отчаянія*—чтобы погасить тоску опустѣвшей души. И потому ихъ работа безплодна и скудна.

И они сознаютъ, что имъ нужно найти свою душу. Люди „весенняго потока“—у Пшибышевскаго тоскуютъ о душѣ, они понимаютъ, какъ и Уальдъ— что для жизни — мало дерзать, а нужно еще „создать себя“— найти себя и свою „совѣсть“.

Пора бы это понять и нашимъ.

„Въ жизни самой болотной души бываетъ возрастъ, когда эта душа преображается: у нея выростаютъ крылья. Если окружающія обстоятельства благопріятствуютъ, то ея смутные, неопредѣленные

порывы оформливаются въ стремленіе къ яснымъ идеямъ. И человѣкъ (бурно—какъ „Весенній потокъ“) идетъ за нихъ на борьбу, на гибель и не можетъ понять, какъ можно жить, не ища въ жизни смысла и не имѣя всезахватывающей жизненной задачи, — это молодость, нервы—весенній воздухъ. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ: крылья высыхаютъ и отваливаются, и самъ человѣкъ ссыхается; все недавнее становится для него чуждымъ и мертвымъ“.

Почему? Потому что конечно изъ болотной души не можетъ выйти ничего сильнаго и неподдѣльнаго.

Люди съ стертымъ лицемъ, безъ воспитанной души — люди, которымъ и нестрашно „личное ничтожество“, отсутствіе души—на рынкѣ жизни—то же, что стертая до конца монета.

Для жизни нужны другіе люди. Задача устроенной жизни — счастье царства Божія на землѣ — осуществится только святыми:

„Изломай наличныя формы жизни и возьми себѣ лучшія, и на землѣ настанетъ рай“.

Такъ разсуждаютъ люди „весенняго потока“. „Я тебѣ книжки ихнія покажу: все у нихъ потому, что „среда заѣла“ —и ничего больше. Любимая фраза. Отсюда прямо, если общество устроить нормально, то разомъ и всѣ препятствія исчезнутъ, такъ какъ не для чего будетъ протестовать и всѣ въ одинъ мигъ станутъ праведными. „Натура“ не берется въ расчетъ, натура изгоняется, натуры не полагается. У нихъ не человѣчество, развившись историческимъ живымъ путемъ до конца, само собою обратится,

наконецъ, въ нормальное общество, а, напротивъ, соціальная система, выйдя изъ какой-нибудь математической головы, тотчасъ-же и устроитъ все человѣчество, въ одинъ мигъ сдѣлаетъ его праведнымъ и безгрѣшнымъ, раньше всякаго живого пути безъ всякаго историческаго и живого процесса...“ (Достоевскій).

„Но что выходитъ въ результатѣ? То, что все на одну кладку кирпичиковъ, да на расположеніе корридоровъ и комнатъ въ фаланстеры свели. Фаланстера-то готова, да натура-то у васъ для фаланстеры еще не готова, жизнь хочетъ, жизненнаго процесса еще не завершила“.

„Чего думать, что голову ломать, еще заболитъ: взять готовое у чужихъ и тотчасъ начнется музыка, согласный концертъ— и

„Мы вѣрно поладимъ,
„Коль рядомъ сядемъ.

Никакой муравейникъ, никакое торжество „четвертаго сословія“, никакое уничтоженіе бѣдности, никакая организація труда не спасутъ человѣчество отъ ненормальности, а слѣдовательно, виновности и преступности... Зло таится въ человѣкѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ лекаря, и ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла, если душа человѣческая останется та же, что ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ нея самой“.

У насъ есть наклонность — гражданскія идеи отдѣлять отъ идеала нравственнаго—но право же,— „общественныхъ, гражданскихъ идеаловъ, какъ та-

кихъ, какъ не связанныхъ органически съ идеалами нравственными, а существующихъ самихъ по себѣ... такихъ идеаловъ и нѣтъ вовсе, не существовало никогда, да и не можетъ существовать. Что такое общественный идеалъ? Конечно, суть его въ стремленіи отыскать себѣ форму общественнаго устройства, по возможности безошибочную и всѣхъ удовлетворяющую. Но формулы этой люди не знаютъ, люди ищутъ ее всѣ шесть тысячъ лѣтъ своего историческаго существованія и не могутъ найти... Откуда же, коли такъ, взяться идеалу гражданскаго устройства въ обществѣ человѣческомъ? А слѣдите исторически—и тотчасъ увидите, изъ чего онъ берется. Увидите, что онъ есть единственно только продуктъ нравственнаго самосовершенствованія единицъ, съ него и начинается, и что было такъ съ поконъ вѣковъ и пребудетъ во вѣки вѣковъ". (Достоевскій).

Женщина „въ весеннемъ потокѣ“.

Что должна дѣлать женщина нашихъ дней?

Общественное теченіе—„волна молодой весны“ захватила женщину. Вездѣ женскія собранія, митинги, резолюціи.

Можетъ быть все это хорошо—даже навѣрное хорошо, какъ всякое движеніе, всякій подъемъ надъ состояніемъ „теплохладности“, равнодушія къ жизни и ея интересамъ „растительно-животнаго застоя“ на однѣхъ формахъ жизни—старыхъ и, „можетъ быть, истлѣвшихъ“.

Но... мнѣ не суждено стать оптимистомъ.

Многое, очень многое не нравится мнѣ и въ новыхъ стремленіяхъ. Слишкомъ здѣсь много „пошлости и стадности“ людей „Весенняго потока“.

Недавно я читалъ лекцію о настоящемъ и будущемъ женщины въ С—кѣ. Послѣ лекціи одна изъ моихъ слушательницъ, лѣтъ 20—22, говорила сосѣдямъ по мѣсту: „что это такое онъ говорилъ объ общественной работѣ женщинъ, о какихъ то

ихъ правахъ... Женщина создана для того, чтобы ее любили... А о ея правахъ, о томъ, чтобы ей было хорошо, долженъ заботиться тотъ, кто полюбитъ".

Это была, очевидно, женщина того поколѣнія женщинъ-одалисокъ, всѣ принципы котораго были выражены въ не разъ цитованной мною эпитафіи на гробѣ 8-ми лѣтней римлянки:

„Она уже умѣла нравиться и плѣнять томной нѣгой, такъ что, если бы не умерла, была бы очень образованной дѣвушкой".

Но вотъ новая женщина.

Предъ лекціей она такъ выразила свое „вѣрую": женщина должна быть равна мужчинѣ — у ней долженъ быть мужской мозгъ, мужскія права... все.

Желанія этой новой женщины—повидимому—и могутъ быть приняты за „вѣрую" всѣхъ женщинъ, вошедшихъ въ „волну потока".

Женщина — факсимиле мужчины... Но зачѣмъ намъ это факсимиле? Пусть и мозгъ и психологія мужчины заслуживаютъ зависти,—все таки нужна ли копія?

Конечно нѣтъ, и безсмысленность „митинговъ", собраній, всего движенія была въ томъ, что онѣ захотѣли отобразить — дать дубликатъ того, что происходило у *„нихъ"* — у мужчинъ.

Новое гражданское уложеніе даетъ новую конструкцію семьѣ, унизительную для женщины и и опасную для строя семьи; что же знаютъ о немъ женщины? Высказались по поводу его, боролись противъ? Нѣтъ. Онѣ желаютъ быть факсимиле мужчины—

и *пропустили эту спеціально женскую „мелочь“*. Женская школа своей убивающей мозгъ программой и убивающимъ душу строемъ даетъ жизни матерей, годныхъ только для того, чтобы родить „мертворожденныхъ“ — не только духовно, но пожалуй и физически.

Что же на митингахъ, началась борьба за „дочерей“, за ихъ спасеніе противъ школы? Нѣтъ, женщина обсуждаетъ вопросъ о формахъ народнаго представительства... Я не говорю, что она не смѣетъ объ этомъ разсуждать, но вѣдь жизни нужна ея работа тамъ, гдѣ она сильна, нужнѣе, заинтересованнѣе...

А это обсужденіе вопроса о всеобщемъ голосованіи женщиной, когда намъ нужны ея голоса о семьѣ, о „душѣ дѣтей“, кажется намъ развратомъ, богохульнымъ пренебреженіемъ къ своему таланту.

Обвинительный актъ противъ прежней женщины великъ и сложенъ.

Каинъ, гдѣ братъ твой?..

Когда мужчина создавалъ свое „право мужа“ (см. пьесу Эрвье „La loi de l'homme“), въ силу котораго онъ можетъ свою грязь, пораженную „дурною болѣзнью“ душу и тѣло смѣнять на чистоту твоей дочери, „право мужа“, по которому онъ можетъ быть многоженцемъ, и послѣ того какъ онъ взялъ твою дочь себѣ въ жены, что дѣлала ты?

Ты воспитывала въ дочери томную нѣгу и умѣнье нравиться.

Когда мужчины тысячи твоихъ несчастныхъ се-

стеръ заставили продавать свое тѣло въ розницу, создали лавки для продажи женщинъ, что сдѣлала ты, счастливая, для спасенія ихъ?

Ты боролась... съ тѣми, кто боролся противъ продажи женщинъ.

(Талеръ, „Голосъ матери“).

Ты боялась, что если не будетъ ихъ, „развратъ вольется въ твой домъ, въ чинную и счастливую семью“.

А ты пусть.

Когда твой сынъ на твоихъ глазахъ отнимаетъ у твоихъ рабынь все, честь, жизнь... Что ты?

Ты думала, что онѣ „рабыни“ и созданы для сыновей хозяевъ и т. д. („Наши сестры“ Юшкевича).

Этотъ обвинительный актъ противъ прежней женщины можетъ быть безконеченъ.

Но не о ней хочу говорить... Я говорю о новой женщинѣ митинговъ.

Литература намѣтила намъ типъ женщины сегодняшняго и завтрашняго дня.

Имя ея Авдотья Степановна („Иванъ Миронычъ“ Чирикова) или Варвара Михайловна (въ „Дачникахъ“ Горькаго).

Женщины просыпающіяся...

Варвара Михайловна...

— Я въ недоумѣніи предъ жизнью—говоритъ она.—Я ищу смысла въ ней и не нахожу. Развѣ это жизнь? Развѣ можно такъ жить, какъ мы живемъ? Яркой, красивой жизни хочетъ душа, а вокругъ насъ—проклятая суета бездѣлья... Противно,

тошно, стыдно жить такъ. Мы живемъ на землѣ, чужія всему... Мы не умѣемъ быть нужными для жизни людей... Мы суетимся, ищемъ въ жизни удобныхъ мѣстъ... Мы ничего не дѣлаемъ и отвратительно много говоримъ.

Въ концѣ пьесы она говоритъ мужу:

— Я ухожу.

— Куда?

— Дальше отсюда, гдѣ все гніетъ и разлагается... Я хочу жить... Я буду жить... И *что-то* дѣлать... противъ васъ. Противъ васъ.

Она проснулась.

Но куда она хочетъ идти? Что она хочетъ дѣлать? Она не знаетъ.

— Уйдетъ *дальше отсюда.* — Это неопредѣленно.

— Будетъ *что-то* дѣлать.—„Это еще темнѣе“ (О. Петровъ).

Вѣра Павловна—повтореніе того же типа.

Ея исторія не сложна: по окончаніи курса она была пепиньеркой, потомъ гувернанткой, а потомъ вышла замужъ за Ивана Мироныча, съ которымъ и прожила двѣнадцать лѣтъ.

Иванъ Миронычъ, инспекторъ гимназіи, типичный человѣкъ въ футлярѣ, черствая, сухая и жесткая натура, поклонникъ порядка и симметріи во всемъ. Жена съ дочерью на новой квартирѣ устроили себѣ милый уютный уголокъ,—Иванъ Миронычъ пришелъ и разставилъ всю мебель въ рядъ, вдоль стѣнки.

— Нужно, чтобъ все было симметрично.

Таковъ же онъ и въ гимназіи съ учениками, и въ частной жизни, дома... Симметричный человѣкъ. Жизнь съ нимъ очень похожа на смерть.

И Вѣру Павловну начинаетъ „тянуть“. Она уже не можетъ быть спокойна, какъ прежде. Сонъ души нарушенъ. Вѣра Павловна „проснулась“. Ее манитъ что то къ себѣ, зоветъ. Она *не знаетъ только что.*

— Мнѣ хочется что-нибудь сдѣлать,— сжимаетъ она надъ головой руки.

— Закричать, сломать что-нибудь, заплакать...

Наконецъ, она не выдерживаетъ и съ досадой бросаетъ Ивану Миронычу горькій упрекъ:

— Съ вами можно зайти въ такую трясину, изъ которой не вылѣзешь.

— Вотъ какъ! Не ожидалъ,—пожимаетъ плечами Иванъ Миронычъ.

— Это за двѣнадцать лѣтъ семейной жизни? Благодарю. Благодарю!

— Вы за двѣнадцать лѣтъ вытравили изъ моей души половину жизни. Помните, я любила музыку, пѣніе... Теперь не пою. Не умѣю веселиться и радоваться.

— Пой, радуйся, смѣйся, душа моя. Но всему есть время и мѣсто.

— Вы сочинили бы мнѣ расписаніе, когда и въ какихъ случаяхъ смѣяться, радоваться и плакать, а впрочемъ, убирайтесь вы отъ меня. Я жить хочу а жить нечѣмъ... Понимаете, Иванъ Миронычъ? Нечѣмъ жить. Мнѣ наскучило ваше расписаніе, ваша симметричность...

Мнѣ надоѣло такъ жить... Не стоитъ такъ жить.

Услышавъ, что Ольга поетъ въ саду, Вѣра Павловна въ сторону ея говоритъ:

— Пой, милая, пой. И пусть твоя пѣсенка напоминаетъ намъ, что гдѣ-то тамъ есть другая жизнь, яркая, полная радости и муки, большого счастья и большихъ страданій.

Поникнувъ головой, она плачетъ и такъ, со слезами, и остается.

Вотъ вторая проснувшаяся. Ее что-то манитъ, но она не знаетъ что. Она хочетъ что-то сдѣлать. Но что?

Такое повтореніе типа и говоритъ за то, что и жизнь повторяетъ его.

И свѣтлаго тутъ мало.

Очевидно просыпающіеся, проснувшись, жить не могутъ. Имъ, пожалуй, лучше и не просыпаться.

Кто виноватъ?—Конечно мать „вчерашняго дня“, которая не указала дочери ея путь, не дала и не указала ея мѣсто въ жизни и не завоевала для нея это мѣсто. Однако, что намъ искать виновныхъ? О всякомъ страшномъ прошломъ забудешь, когда передъ тобой страшное будущее.

Тѣнь этого будущаго дана въ „Авдотьиной жизни“ и „Весеннемъ потокѣ“.

Авдотья Степановна не въ силахъ выносить слякоти ея сѣрой, несмысленной жизни:

„Придешь домой, какъ въ сырой подвалъ“...

И ей захотѣлось уйти тоже *куда нибудь*, она ушла... за Герасимовымъ—первымъ человѣкомъ, который ей указалъ перспективы другой новой жизни...

Герасимовъ — ничтожество, жизненный нуль съ коротенькой, „обезьяньей душой“ (беру выраженіе Ницше)...

Но развѣ она можетъ оцѣнить что передъ ней?

Наташа въ „потокѣ“ уходитъ искать человѣка, материнства, счастья, — *просто на улицу*.

Это уже не прошлое — и даже не настоящее.

Здѣсь намѣчены пути будущаго.

Авторъ „Потока“ проповѣдуетъ путь Наташи; Найденову нравится его ничтожнѣйшій Герасимовъ.

И, нѣтъ сомнѣнія, это будущее — неизбѣжно, если въ эти переходные дни женщина будетъ заниматься „перепѣвами“ и не узнаетъ себя, и не обрѣтетъ свою душу, не пойметъ ея законовъ и не возстанетъ за возстановленіе женщины... Если ея идеаломъ будетъ Герасимовъ, и ея программа — та, которую изобрѣлъ онъ „со товарищи“, то что же за роль обѣщаетъ ей будущее, кромѣ роли конторщика и письмоводителя въ канцеляріи мужа и почетныхъ обязанностей машинистки (на Ремингтонѣ) или — самое большее — дурного адвоката и журналиста на послѣднихъ роляхъ. Факсимиле никогда не равно автографу, оригиналу — и копія всегда безконечно дешевле прототипа...

Мы полагаемъ, что у женщины своя душа, своя культура, своя логика и психологія, свой мозгъ и свой трудъ.

Ея мѣсто и въ общественной жизни велико. Мы видѣли (см. нашу книгу: „Церковь, литература и жизнь“), что во многихъ областяхъ общественной работы

(напр. въ фабричной инспектурѣ, въ педагогикѣ) женщина производительнѣе мужчины. Мы вѣримъ, что она можетъ указать новые горизонты для культуры, открыть новые жизненные пути — ей суждено христіанизировать міръ.

Свѣтлое міра, думаемъ мы, родится со вступленіемъ женщины въ качествѣ дѣятеля на арену исторіи. Мы писали объ этомъ въ письмахъ о женщинѣ (книга „Въ поискахъ лика Христова“, „Церковь, литература и жизнь“).

И на общественной трибунѣ должно быть дано мѣсто женщинѣ: всѣ спеціально мужскія, одиночно мужскія движенія въ исторіи были вялы, неуспѣшны, просто не хватило рождающей силы, при всяческой мудрости. Даже радій открыли „супруги Кэри“. Это почти шутка, но этихъ шутокъ будетъ много впереди, и ихъ было еще больше позади. А близкое будуще, не понадобится ли въ нѣкоторыя секунды предстоящаго сложнаго движенія чувства жалости, состраданія? Вѣдь будетъ движеніе и туда и сюда, вправо и влѣво, впередъ и назадъ. Вспомнимъ „сестеръ милосердія“ и ту истину, что ихъ не замѣнить „братьями милосердія“. Народно-представительная исторія Запада, и особенно въ нѣкоторые роковые, мучительные дни, не протекла бы столь траурно, имѣй право войти на парламентскую трибуну не одинъ „работникъ-братъ“, но и его сострадательная сестра, съ міромъ совсѣмъ другого душевнаго пониманія, чѣмъ у него. Но милосердіе— на случай и для минутъ. Вся исторія замѣтно пере-

ламывается, и нельзя не замѣтить, что женщины играютъ въ этомъ переломѣ огромную роль, повидимому, готовыя выступить въ древнемъ значеніи одушевительницы, вдохновительницы и, можетъ быть, иногда даже вождя. Пусть онѣ поютъ сейчасъ только пѣсни: тоны пѣсенъ могутъ измѣниться сообразно тону новыхъ дѣлъ. Если въ большомъ литературномъ собраніи, среди нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, умѣстна, пріятна и поучительна бываетъ рѣчь женщины, непостижимо, отчего же она не можетъ быть желательна и поучительна среди народныхъ представителей. Предразсудокъ ни на чемъ не основанный. Мы зовемъ эту гармонію талантовъ мужскихъ и женскихъ въ ихъ взаимномъ одушевленіи, поощреніи, сочувствіи. Нужна исторіи сила, нужна будущему страсть. Благотворно и благородно будетъ, если въ наступающихъ русскихъ дѣлахъ растворится прекрасная женская душа съ ея нѣжностью, воображеніемъ, глубокимъ чувствомъ Бога, великодушіемъ, всемірною заботливостью и состраданіемъ, съ ея—не обойдемъ и это—любовью къ нарядности жизни, къ красотѣ бытовыхъ формъ, душа женская влажнѣе и душистѣе мужской; мужская тверже и суше. Пусть смѣшаются (Розановъ).

Изъ смѣшенія родится сила. Но для этого смѣшенія нужна заинтересованность женщины собой, какъ женщиной — борьба за женщину не въ направленіи передѣлки ея души въ мужскую, а наоборотъ въ борьбѣ за ея женскую душу—въ работѣ надъ увеличеніемъ — женской души „влажной“ душистой.

Женщина должна думать о женской школѣ, объ очищеніи семьи, объ уничтоженіи права мужа („La loi de l'homme) — на развратъ—о смягченіи культуры" струей христіанизаціи.

Женщина должна добыть себѣ право на трудъ, отвоевавъ себѣ всѣ подходящіе для нея формы труда и черезъ трудъ отвоевать право на материнство.

Сильная женщина, независимая отъ мужчины, но не повторяющая его—вотъ идеалъ истинной будущей женщины.

А если она будетъ стараться стать факсимиле мужа, то роль ея въ будущемъ *роль нуля*.

Въ „Дачникахъ" есть, между прочимъ, такая сцена. „Всѣ дачники выѣхали въ лѣсъ на пикникъ. Въ концѣ пикника дамы, жены, сидя на копнѣ сѣна, дѣлятся впечатлѣніями:

— Скученъ нашъ пикникъ!

— Какъ наша жизнь.

— А мужчинамъ — весело!

— Они много выпили и теперь, вѣроятно, разсказываютъ другъ другу неприличные анекдоты".

Право пить, говорить анекдоты — есть резюмэ правъ будущей женщины — если въ эти дни перелома она не вспомнитъ о себѣ и не выработаетъ „правъ женщины" — не тѣхъ правъ, какихъ добивается русскій очень скудный и подражательный феминизмъ.

Проклятые вопросы и церковь.

О церкви, христіанствѣ, безсмертіи, соціализмѣ и пр. и пр.

(Изъ дневника [1]).

...Я забросила свой дневникъ, за меня пишетъ Коля. И пусть его: одного лѣтописца достаточно, а для моей тетради нашлось получше дѣло.

Послѣдніе дни постоянно ходитъ къ намъ молодой баринъ-студентъ и бесѣдуетъ съ Колей иногда очень интересно и мнѣ пришло въ голову записать: что-то выйдетъ.

Разговоры батюшки со студентомъ — тема модная.

Очень шумѣли вчера... Былъ о. Петръ изъ Загорья. Я подошла; они не замѣтили. Передамъ діалогически.

О. Петръ первое время молчалъ, такъ что бесѣдовали только двое.

---

[1]) Авторъ дневника жена священника. Статья представляетъ отрывокъ изъ печатающейся въ одномъ журналѣ повѣсти. „Въ селѣ и въ городѣ".

Студ. Богъ, Богъ... душа... некогда намъ думать о такой роскоши... Не наше это дѣло... Нашъ мозгъ такихъ вещей не усвояетъ, да и не нужно намъ это...

— Не нужно... Неинтересно. Да?

— Конечно. Я помню жилъ у меня, надъ моей комнатой какъ разъ, слесарь; слышу шумитъ, но мнѣ ни разу не приходило въ голову спросить, что это тамъ дѣлаетъ—меня не касается. То же и Богъ. Пусть тамъ, что то есть... да въ наши земныя дѣла онъ не мѣшается и мы оставляемъ Его въ покоѣ. Что вы киваете? Повѣрьте хоть разъ: намъ нѣтъ дѣла до посторонняго міра, „рѣшительно и положительно никакого дѣла“ (Люначарскій).

Мы не отрицаемъ, *а не интересуемся*. Мы Его не видимъ, а искать не хотимъ. Пусть покажется, если Онъ есть.

Свящ. Такъ. Помню — это что-то изъ Фауста Ленау. Помните?

Георгъ. Средь темной ночи я родился
И въ этомъ мірѣ очутился,
Не знаю самъ какимъ путемъ,
Но худа я не вижу въ томъ.
Доволенъ имъ... Путемъ борьбы
Стремиться къ милостямъ судьбы?...
Но это будетъ слишкомъ много чести.

Фаустъ. Ты въ Бога вѣришь?

Георгъ. Ты былъ смѣлъ
Средь бури, а другому право,
Я-бъ отвѣчать не захотѣлъ,

А вышутилъ его-бъ на славу.
Лишь въ портъ, въ хорошую
И что дрянному кораблю
Прійдется погрузиться въ воду.
(Пьетъ). Какъ самъ я опущусь на дно,
Когда зальетъ мнѣ трюмъ вино.
(Цѣлуетъ свою подругу). Я вѣрю въ поцѣлуй и въ то,
Что превращусь, какъ всѣ, въ ничто.

Фаустъ. Не вѣришь въ Бога, значитъ, ты?

Гергъ. Видалъ ли я его черты?
Слыхалъ ли голосъ я его?
Коль хочетъ отъ меня чего,
То пусть, какъ мышь онъ не таится,
Ко мнѣ пусть съ знакомъ обратится.

Фаустъ. Да развѣ знаковъ не далъ Онъ
Въ горахъ, въ долинахъ, въ страшной бурѣ?
Не знакъ ли море, небосклонъ
И звѣзды тамъ среди лазури?

Гергъ. Коль хочетъ знакъ мнѣ дать, пусть Онъ
Самъ объяснилъ бы намъ сначала,
Что значитъ море, небосклонъ,
Земля и звѣзды? Я нимало
Не вижу Бога въ нихъ; они
Мнѣ просто звѣзды, небо, горы.
Доступны вещи мнѣ однѣ:
Все прочее лишь разговоры".

Это самое? И вы такъ думаете?

Студ. Не совсѣмъ такъ. Георгъ живетъ для удовольствія: отъ него Бога и ваши „надземные“ интересы отгораживаетъ стаканъ. Мы люди рабочіе, намъ некогда, мы отдаемъ всѣ наши мысли, нашу кровь, нашъ мозгъ дѣлу и утомлять его хламомъ метафизики считаемъ преступнымъ.

Свящ. Такъ... Понимаю... Для васъ Христосъ, безсмертіе и т. д. лишнее... ненужное... По закону „наименьшей траты силъ“—вы отталкиваете эти вопросы. Хорошо, только правда ли, что вы выигрываете въ смыслѣ сбереженія силъ; не теряете ли?

Вотъ я сейчасъ читаю интересную вещь. „Пророкъ“ Юшкевича. Фанатикъ, полусумасшедшій еврей, измученный жизнью, пришелъ къ безумной идеѣ, что знакомая ему „несчастная дѣвушка“ Елька родитъ пророка.

И онъ мечтаетъ о томъ, что принесетъ міру пророкъ.

Онъ придетъ сюда и спроситъ: „Почему эта улица лежитъ въ долинѣ и нѣтъ здѣсь ни солнца, ни тепла, ни радости? Онъ удивится, Элька. И скажетъ, качая головой: „эту улицу нужно убрать... не должно быть такой улицы у людей“... Отсюда пойдетъ онъ въ дома. „Да Элька, да. Увидитъ дѣвушекъ. Удивится и спроситъ: „а кто эти дѣвушки, на дѣвушекъ не похожія, съ заспанными лицами?“ И ему скажутъ. „Такъ это онѣ поютъ по ночамъ и слезы ихъ пѣсенъ доходятъ вверхъ?“ Сожмется его сердце отъ гнѣва, сомкнутся уста отъ гнѣва и помолчитъ въ раздумьи. И скажетъ просто: „пусть

не будетъ такихъ дѣвушекъ среди людей.... А эти пусть уйдутъ домой. Человѣкомъ должна быть женщина.

— И къ намъ онъ пойдетъ, да, Элька, да. Взглянетъ и спроситъ: „почему эти мужики не у своихъ очаговъ? Не порядокъ это, почему вѣки глазъ ихъ красные и печальны они? почему ихъ лица блѣдны? Молчаливые они?“ Скажутъ ему... И сердце его сожмется отъ усталости и уста сомкнутся. Подумаетъ и промолвитъ: „строителями бы они были, а вотъ чѣмъ занимаются“. Прикажетъ онъ: „и этихъ пусть не будетъ“.

— Да, Элька, да. И такъ снизу вверхъ, изъ долины на гору, съ горы на равнину пойдетъ онъ по міру, обойдетъ онъ города, всѣ улицы и вездѣ остановится... Да, Элька, да. Въ состраданіи своемъ и въ святой бронѣ своей ненависти и въ скорби великой всѣхъ спроситъ: и скупого и насильника, кто хуже скупого, и разбойника и раба, кто хуже разбойника, и нищаго и покорнаго, кто хуже нищаго, и того, кто въ страданіи добываетъ хлѣбъ свой, и того, кто безъ страданія добываетъ его, и того, кто отнимаетъ его у вдовы и сироты. Да, Элька, да. Передъ всѣми остановится, всѣхъ съ удивленіемъ разспроситъ и осудитъ, осудитъ... Скажетъ: „строителями бы они были, а они вотъ какіе“. Прикажетъ онъ: „и этихъ пусть не будетъ“. И тогда, Элька, тогда изречетъ, созидая: „новые, живите иначе. Вотъ такъ живите. И заживутъ, да, Элька, да!“

Вельштейнъ кончилъ, страстно тоскуя о прекрасной жизни. Что же и вы думаете, обрадовалась его рѣчамъ Элька?

— Нѣтъ. „Почему же онъ раньше не пришелъ, спросила она, — и какъ звѣри рычали въ ней всѣ обиды, всѣ скорби, — много раньше? Какъ вернетъ онъ мнѣ стыдливость мою и невинность мою? Какъ сдѣлаетъ, чтобы слезы мои какъ бы не были? И всѣ со мной на землѣ спросятъ: „какъ?“ Не скажемъ ли мы ему: „съ нами, съ нами что будетъ? И что отвѣтитъ онъ?“

Не хочу, чтобы онъ приходилъ.

— Мы всѣ служимъ завтрашнему,—съ радостью отвѣтилъ Вельштейнъ.

— „А если я не хочу? Я, Вельштейнъ. И кто хочетъ? Не желаемъ мы служить завтрашнему. Если мы страдали,—пусть и всѣ страдаютъ, сколько народятся. Съ радостью будемъ страдать. Закроемъ глаза, стиснемъ зубы и будемъ страдать. Придетъ онъ въ святой бронѣ своей ненависти,—заплюемъ его. Почему онъ не пришелъ раньше, много раньше? Теперь же не нуженъ онъ намъ. Ибо, что скажутъ люди, въ землѣ погребенные? Вотъ вы веселитесь скажутъ, вы радуетесь, а мы, а мы? Что отвѣтимъ. Въ горѣ заломимъ руки? Будемъ страдать, страдать...

Не хочу... и Елька убила себя, чтобы не родить пророка.

— Студ. Слышалъ я это... Карамазовскій бунтъ. Знаемъ, но что намъ до прошлаго. Мы служимъ

завтрашнему дню... Да, да. Взойдетъ солнце, мы его выведемъ на небосклонъ и запоемъ, осанна.

Я слова Карамазова когда то наизусть зналъ и объ этой маленькой дѣвочкѣ, которая въ подломъ мѣстѣ бьетъ себя кулаками въ грудки и жалуется Боженькѣ и о дѣтишкахъ, которыхъ травили собаками на глазахъ матерей, помню. Хотите прочитаю.

„Я убѣжденъ, какъ младенецъ, что страданія заживутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезнетъ, какъ жалкій миражъ, какъ гнусное измышленіе малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ человѣческаго эвклидовскаго ума, что, наконецъ, въ міровомъ финалѣ, въ моментѣ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватитъ его на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе злодѣйствъ людей, всей пролитой ими ихъ крови, хватитъ, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось съ людьми,—пусть, пусть это будетъ и явится, *но я то этого не принимаю и не хочу принять. Пустъ даже параллельныя линіи сойдутся и я это самъ увижу: увижу и скажу, что сошлись, а всетаки не приму. Вотъ моя суть Алеша, вотъ мой тезисъ.* Не хочу гармоніи. Богу билетъ почтительнѣйше возвращаю. Не хочу вашей гармоніи — не стоитъ она одного ребенка. Не хочу будущаго, потому что есть прошлое“ и т. д. и т. д.

Онъ не принимаетъ. Вольному воля. А мы принимаемъ. Не въ нашихъ силахъ исправить прошлое

и мы его забудемъ. Изгладимъ изъ памяти и билетъ на входъ въ царство будущаго не бросимъ въ помойную яму.

— Значитъ, прошлое должно унавоживать гармоніи будущаго.

— Да, да, да...

— Что съ вами подѣлаешь. Значитъ прошлое можно забыть. Можно примириться съ страданіями прошлаго?

А вотъ я какъ Достоевскій думаю иначе...

И мнѣ какъ ему кажется, что если нельзя найти *примиренія* для *этихъ прошлыхъ слезинокъ, то проклята и гармонія будущаго.*

„Не стоитъ она слезинки того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ неискупленными слезами своими „Боженькѣ“. Да — конечно не стоитъ, потому что слезы его остались искупленными. Онѣ должны быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Не могу я этого ребенка забыть. Но чѣмъ же вы его страданія искупите? Развѣ это возможно?

Да помилуйте, задамъ я вамъ одинъ вопросъ. Скажите мнѣ прямо, представьте, что вы возводите зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью, въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого вамъ необходимо и неминуемо предстоитъ замучить всего лишь одно только крохотное созданіе, вотъ того самаго ребенка, бившаго себя кулачкомъ въ грудь, и на неотмщенныхъ слезахъ его основать это зданіе, согласились бы вы

быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажите и не лгите.

Студ. „Нѣтъ не согласился бы, но не буду вѣчно ныть и плакать о покойникахъ, которые гибнутъ отъ чужого насилія, не стану—пусть хоть въ будущемъ этихъ проклятыхъ слезинокъ не будетъ.

Священникъ. А я вотъ тоже какъ Елька сказалъ бы: „не хочу—не хочу".

И какъ Иванъ возвратилъ бы билетъ. Помилуйте, да я припоминаю ваши же слова. Какъ то говорили вы здѣсь — у насъ,— о вѣчности мученій. Какъ дескать — говорили—у васъ праведники будутъ наслаждаться въ раю, когда грѣшники будутъ мучиться въ аду. Неужели дескать имъ не жалко будетъ? И, конечно, жалко. А вы то будете жить въ вашемъ царствѣ небесномъ и не будете помнить о той крови и слезахъ, которыя пролиты вѣка, о страданіяхъ, которыя не вознаграждены?

Неужели ваша совѣсть примирится съ этимъ и сердце не разорвется на части; не изойдетъ кровью, мукой прошлаго страданія „ребенка въ подломъ мѣстѣ?"

— Я понимаю вашу мысль. Да это проклятый вопросъ, но я не вижу никакого рѣшенія.

Священникъ. Не видите. А вѣчность, Богъ, безсмертіе? Въ идеѣ будущей жизни, въ идеѣ безсмертія и есть примиреніе. Около Голгоѳы лежитъ рѣшеніе. Прошлыя страданія готовятъ гармонію будущаго — но въ этой гармоніи участвуютъ „съ бѣлыми пальмами" и тѣ, кто страдалъ. И они поютъ „осанна" — Христу, Котораго родило ихъ страданіе.

Ну ладно... оставимъ пока это. А вотъ еще какъ вы думаете... Вы увѣрены, что побѣдите? Увѣрены. На какомъ основаніи? Я на вашемъ мѣстѣ не былъ бы увѣренъ. Вы помните у Достоевскаго есть одно мѣстечко. Кирилловъ говоритъ Шатову. „Слушай", говоритъ, большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: „этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, совсѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ ему такого же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *этого*, даже чудо свое не пожалѣли, а заставили и его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и діаволовъ водевиль. Для чего же жить, если ты человѣкъ?"

Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что Христосъ обманулъ и себя и разбойника. Вѣдь тогда все кончено: жить нельзя. Вѣдь если этотъ человѣкъ— даже по Ренану — исключеніе изъ смертныхъ, чудо среди нихъ, ничего не сдѣлалъ и обманулъ, и лежитъ мертвый, замученный, то чего же вы то; откуда у

васъ силы побѣдить законъ міра,—который Онъ не побѣдилъ.

Мы съ ними—вѣримъ, что онъ не обманулъ себя и не обманулъ и міръ, что Онъ воскресъ и намъ можно жить и надѣяться, а вы на кого надѣетесь? На себя?

Студентъ. Нѣтъ. Нашъ путь не утопія, онъ взвѣшенъ и вымѣренъ наукой. Такъ... у насъ есть наука и черезъ нее мы отыщемъ нашу истину, она откроетъ законы жизни и это будетъ прочнѣе вашей вѣры.

— Не стану спорить, хотя и сомнѣваюсь. Пусть для будущаго „царство счастья“ обезпечено. Но вы то чѣмъ будете жить? Вы будете работать для будущаго?

— Да...

— Оставьте... Откуда вы силы возьмете работать-то... Кто вамъ ихъ дастъ?

Вѣдь вы помните, что сдѣлалось съ Варварой Васильевной у Вересаева? Умерла? Убила себя? Сергѣй? („На поворотѣ“) — хочетъ повѣситься? Ивановъ? (у Чехова) — стрѣляется? Отчего это? Скажите?

„Отчего вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, къ 30 — 35 гг. вы становитесь уже полными банкротами? Отчего одинъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ и картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой прекрасной молодости? Отчего

вы, упавши разъ, уже не стараетесь подняться и, потерявши одно, не ищете другого?" („Разсказъ неизвѣстнаго человѣка").

Черезъ 200—300 лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной. „Мы для нея живемъ, говорите вы какъ Вершининъ,—для нее работаемъ и страдаемъ. Мы должны работать и работать, а счастье это удѣлъ нашихъ далекихъ потомковъ" („Три сестры").

Я не стану выдвигать впередъ мысль Тузенбаха, который меланхолически заявляетъ, „что не только черезъ 200, но и черезъ милліонъ лѣтъ жизнь останется такою же" („Три сестры"). Пусть онъ неправъ, пусть неправъ и Треплевъ, который показываетъ въ „Чайкѣ" будущую пустынную землю, „на которой угасли всѣ жизни, и одинокій, тоскующій призракъ міровой души, все еще не знающей, что ее ждетъ, не кончившей „жестокой и упорной" борьбы съ дьяволомъ".

Пусть Вершининъ правъ, но что вамъ дастъ силу жить. Неужели этотъ наивный оптимизмъ, отводящій вамъ роли рабовъ, работающихъ на такую-то будущую породу людей, карріатидъ поддерживающихъ террасу, на которой кто-то, когда-то будетъ танцевать (Ф. Бѣлявскій). „Да и помянутъ ли еще добрымъ словомъ насъ тѣ, которые будутъ жить черезъ 100—200 лѣтъ и для которыхъ мы пробиваемъ дорогу?" Вѣдь не помянутъ"... („Дядя Ваня").

И вы поработаете — да и бросите... какъ Токаревъ, Варвара Васильевна.

Да и то будете работать по недоразумѣнію.

Но зачѣмъ вамъ и работать... Откуда вы выведете обязанность работать „для другого?“

„Да зачѣмъ я непремѣнно долженъ любить моего ближняго, или ваше тамъ будущее человѣчество, которое я никогда не увижу, которое обо мнѣ знать не будетъ и которое, въ свою очередь, истлѣетъ безъ всякаго слѣда и воспоминанія (время тутъ ничего не значитъ), когда земля обратится, въ свою очередь, въ ледяной камень и будетъ летать въ безвоздушномъ пространствѣ съ безконечнымъ множествомъ такихъ же ледяныхъ камней, т. е. безсмысленнѣе чего нельзя себѣ и представить“. „Скажите, зачѣмъ я непремѣнно долженъ быть благороденъ... И особенно теперь, въ наше время... Вѣдь, вы Бога отрицаете, „какая же косность глухая, слѣпая, тупая можетъ заставить меня дѣйствовать такъ, если мнѣ выгоднѣе иначе“. Вы говорите: „разумное отношеніе къ человѣчеству есть тоже моя выгода“; а если я нахожу всѣ эти разумности неразумными, всѣ эти казармы, фаланги?“ „Да чортъ мнѣ въ нихъ и до будущаго, когда я одинъ только разъ на свѣтѣ живу“ (слова Раскольникова). Позвольте мнѣ самому знать мою выгоду; оно веселѣе. Что мнѣ за дѣло о томъ, что будетъ чрезъ тысячу лѣтъ съ этимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это, по вашему кодексу,—ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига? Нѣтъ-съ, если такъ, то я самымъ преневѣжливымъ образомъ буду жить для себя, а тамъ хоть бы всѣ провалились“.

Одно изъ двухъ или Христосъ и работа во имя Царства, въ которомъ и я буду, въ которомъ земля слита съ небомъ — одно съ нимъ — или, „антропофагія“—живи для себя... И не кобенься...

Студ. Ну васъ, не для будущаго—только я буду работать, а для того, чтобы мнѣ стало лучше, дышать вольготнѣе.

Свящ. Допускаю. Во имя этого и человѣку, у котораго Богъ — желудокъ, работать можно.

Но вотъ наступитъ время, когда вамъ будетъ вольготно, какъ буржуа. Вы тогда перестанете работать,—успокоитесь? Нѣтъ? Такъ во ими чего вы будете работать? Для ближняго? Лжете. Своя рубашка къ тѣлу ближе. Внѣ Христа — эта пословица — законъ „желѣзнѣе Мальтусовскаго“. Нѣтъ тогда бороться за благо другого уже враждебное моей рубашкѣ самоубійство — и вы правовѣрный ученикъ Маркса—должны признать, что вамъ „тогда“ суждено стать хищниками, ворами.

Изъ закона желудка мы должны ждать только, политическихъ шуллеровъ, которые во имя красивыхъ словъ, будутъ насильничать, какъ насильничаютъ теперь...

— Нѣтъ... Нѣтъ... Мы не продадимъ свою любовь къ ближнему—за „похлебку“, буржуазный кружевникъ.

— Нѣтъ, продадите. Обязательно продадите, если Христа не примите, законъ Его—безсмертіе. А если совѣсть зазритъ по ошибкѣ, по атавизму, по воспоминанію о Христѣ, его законѣ, то вы убьете себя,

потому-что во всѣхъ вашихъ ассоціаціяхъ не будетъ ни тепла, ни свѣта. Не даромъ одинъ соціологъ пишетъ слѣдующее-съ: „самоубійства — слушайте — самоубійства нашего времени увеличились потому, что прогрессъ, уничтоживъ старыя формы организованности, не создалъ новыхъ".

Вотъ почему умерла Варвара Васильевна. Организаціи ваши безъ тепла... потому что тепло у Христа все осталось.

И еще скажу. Пусть ваши мечты наполнятся. Что создадите вы? Счастье? Какое?

Счастье общей сытости. Допускаю такое счастье, но разсмотримъ его элементы?

Съ точки зрѣнія вашей, все, что создано общественнымъ человѣчествомъ, геніемъ—религія, искусство суть произведенія, созданныя *экономическимъ факторомъ?* Правда. Съ наступленіемъ вашего счастья экономики—борьбы за жизнь прекращается дѣятельность и тогда что же? — отпадетъ религія, искусства, все умираетъ.

Умретъ музыка, потому что музыка есть тоска, мука желаній, ропотъ сближенныхъ душъ. Умретъ живопись, потому что, что́ она будетъ изображать? Душу, ея жизнь? Но вѣдь самый терминъ „душа" будетъ казаться предразсудкомъ въ царствѣ вашей гармоніи. Человѣкъ тамъ сожмется въ одинъ точный мозгъ безъ мечты, безъ творчества.

Умретъ любовь, потому что любовь есть форма отравленія, созданная борьбой экономической, которой не будетъ.

Осталась бы тогда одна гастрософія Фурье и болѣе ничего.

Гастрософія, искусство ѣсть, вотъ наше будущее.

И появились бы пророки, которые крикнули:

„Люди братья... Опомнитесь. Неужели вы продадите свою душу, способную „творить міръ", способную доходить до „послѣднихъ неба" на счастье „торжествующей обезьяны"... Опомнитесь, вы должны быть богатыми и вмѣсто этого укорачиваете свою душу до того, что обезьяна передъ вами сверхчеловѣкъ.

И люди поняли бы ихъ, потому что не перестали бы тосковать по жизни человѣческой и они бросили бы въ грязь свое грязное, нечеловѣческое счастье.

Конечно, сперва они пришли бы въ восторгъ. Люди обнимали бы другъ друга въ упоеніи, они бросились бы изучать открытія; вдругъ почувствовали бы, такъ сказать, себя осыпанными счастьемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ; они, можетъ быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайныя пространства въ десять разъ скорѣе, чѣмъ теперь по желѣзной дорогѣ; извлекали бы изъ земли баснословные урожаи, можетъ быть, создали бы химіей организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человѣка, какъ мечтаютъ наши русскіе соціалисты, — словомъ ѣшь, пей и наслаждайся. Вотъ, закричали бы всѣ филантропы, теперь, когда человѣкъ обезпеченъ, вотъ теперь только онъ проявитъ себя. Нѣтъ ужъ болѣе матеріальныхъ лишеній, нѣтъ болѣе заѣдающей „среды", бывшей

причиною всѣхъ пороковъ, и теперь человѣкъ станетъ праведнымъ и прекраснымъ... И всѣ завопили бы, наконецъ, въ общемъ гимнѣ: „Кто подобенъ звѣрю сему? Хвала ему—онъ сводитъ намъ огонь съ небеси.

Но врядъ ли на одно поколѣніе людей хватило бы этихъ восторговъ. Люди вдругъ увидѣли бы, что жизни уже болѣе нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности, что кто то у нихъ все укралъ разомъ; что исчезъ человѣческій ликъ, и насталъ скотскій образъ раба, образъ скотины... И загнило бы человѣчество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за камни, обращенные въ хлѣбы“.

— Но что же вы то?—возбужденно и зло прервалъ студентъ.

— Что дадите вы намъ?

— Не мы, а Христосъ... Что дастъ? Вѣру... Помощь... Силу... Идите съ нами... Въ христіанствѣ вы найдете то, чего вамъ не достаетъ. Здѣсь рѣшенъ проклятый вопросъ — вызванъ „бунтъ Карамазова, который убилъ Эльку“.

Во-первыхъ, онъ уничтожитъ прошлое. Вамъ необходимо „такое существо, которое могло бы и имѣло бы право простить все, всѣхъ и вся и за все“... И это лице есть — это „просвѣтленный ликъ Богочеловѣка“. Только допущеніе Бога, возлюбившаго человѣка и Сына Своего возлюбленнаго, пославшаго пострадать за него и тѣмъ утвердившаго божествен-

ную цѣнность его человѣческой личности. Невозможное для человѣка, возможно для Бога; то, что не можетъ быть искуплено въ земномъ царствѣ человѣка-бога (прошлое Эльки, слезы ребенка), то искупится въ небесномъ царствѣ Богочеловѣка; то, что не разрѣшится въ мірѣ смертномъ, то объявится въ безсмертномъ, ибо, тамъ, „не уявися что будетъ". То, что жестоко и безсмысленно ради человѣка-бога, даже сверхъ-человѣка, то пріобрѣтаетъ особый смыслъ во Христѣ-Богочеловѣкѣ.

Во Христѣ увидитъ Елька, зачѣмъ страданія! и пойметъ, около язвъ страдавшаго Спасителя, что велико было значеніе и ея страданія, что и оно между прочимъ заставило въ концѣ концовъ „пѣть пѣсни радостныя", потомъ въ христіанствѣ вы найдете счастье. Потомъ... Вы устаете потому, что работа не даетъ вамъ счастья—и черезъ счастье—силы. Спасайтесь отъ самоубійства около Всесильнаго. Работа во имя Христа даетъ счастье и дѣлаетъ всемогущими.

Вы слабы, потому что всякая ваша организація—союзъ, основанный на разсудкѣ,—нѣтъ въ немъ ничего грѣющаго, теплаго, нѣтъ любовной связанности, конкретной любви къ „ближнему, безъ которой всякая работа—ложь, игра нервовъ", самообманъ.

Христіанство дастъ эту любовь и значитъ—силу „мучениковъ". Но не хочу повторяться; объ этомъ я говорилъ много разъ.

Наконецъ христіанство дастъ вамъ въ будущемъ Богу соизволяющую истинную человѣческую жизнь, полную счастья, глубины.

Студ. Чѣмъ? Вашей проповѣдью непротивленія? Отдавая ближнему и рубашку, когда онъ требуетъ верхнюю одежду? Будетъ. Небось отдай—обдерутъ...

— Зачѣмъ несопротивленіе? Нѣтъ, защита правды не противна завѣтамъ Христа.

Если можно было бы, изгнать торгующихъ изъ храма, то оставимъ ли безъ гнѣвнаго протеста торговлю кровью, человѣческой жизнью, если не между жертвенникомъ и алтаремъ, то во всякомъ случаѣ людьми, которые *хотятъ подойти къ алтарю.*

Студ. Слушайте — я прочитаю вамъ притчу.

„Былъ нѣкогда человѣкъ злой и проклятый небомъ. И этотъ человѣкъ былъ силенъ, но онъ ненавидѣлъ работу, такъ что говорилъ самъ себѣ: „какъ буду я жить? если я не стану работать, я умру; работа же мнѣ невыносима". Тогда вошла въ его сердце адская мысль. Онъ вышелъ ночью изъ дому; схватилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ братьевъ, въ то время какъ они спали, и заковалъ ихъ въ цѣпи. Ибо сказалъ онъ, я бичами заставлю ихъ работать на себя и буду ѣсть плоды ихъ работы.

И онъ сдѣлалъ, что думалъ, и другіе видя это, сдѣлали то же, и не осталось на землѣ больше братьевъ, а стали лишь рабы и господа. Этотъ день былъ днемъ великой скорби по всей землѣ. Долго спустя пришелъ другой человѣкъ, еще болѣе злой, чѣмъ первый, еще болѣе проклятый Богомъ. Видя, что люди повсюду размножились и что ихъ множество неисчислимое, онъ сказалъ себѣ: я могъ бы заковать нѣкоторыхъ и заставить ихъ работать на себя, но

ихъ пришлось бы кормить, а это уменьшило бы мою выгоду. Сдѣлаемъ лучше, пусть они работаютъ за ничто. Поистинѣ они будутъ умирать, но число ихъ велико, я соберу богатства прежде, чѣмъ они значительно уменьшатся, и ихъ останется всегда достаточно. Вся эта толпа жила тѣмъ, что получала взамѣнъ своей работы. И человѣкъ обратился къ нѣкоторымъ и сказалъ имъ: вы работаете шесть часовъ, и вамъ даютъ одну монету за вашъ трудъ. Работайте двѣнадцать часовъ и вы пріобрѣтете двѣ монеты, и будете жить лучше—и вы и ваши жены и ваши дѣти". И они повѣрили... Онъ сказалъ имъ: „вы работаете лишь половину дней въ году; работайте всѣ дни, и вашъ заработокъ удвоится". И они повѣрили опять. И вотъ количество работы увеличилось вдвое, а потребность въ работѣ осталась старая: половина тѣхъ, которые жили прежде собственнымъ трудомъ, не находили больше никого, кто бы ихъ взялъ. Тогда злой человѣкъ, которому они повѣрили, сказалъ имъ: „я вамъ дамъ работу для всѣхъ—съ условіемъ, чтобы вы работали тоже время и что я вамъ буду платить половину того, что платилъ вамъ раньше; я хочу оказать вамъ услугу, но не хочу раззориться". И они, голодные, приняли предложеніе злого человѣка и благословили его; ибо, говорили они, онъ далъ намъ жизнь. И продолжая ихъ обманывать такимъ же образомъ, постоянно уменьшалъ ихъ плату. И если одни умирали отъ бѣдности, другіе спѣшили занять ихъ мѣсто, такъ какъ глубокая бѣдность господство-

вала въ этой странѣ, и цѣлыя семьи продавали себя за кусокъ хлѣба. И злой человѣкъ, заковавшій своихъ братьевъ, не получилъ столько богатствъ, какъ другой злой человѣкъ, обманывающій ихъ. Перваго зовутъ тираномъ; имя второго начерчено лишь въ аду". У васъ есть лишь одинъ Отецъ Богъ, одинъ наставникъ—Христосъ. Когда про тѣхъ, кто владѣетъ на землѣ великой властью, скажутъ вамъ: вотъ ваши господа—не вѣрьте. Если они справедливы,—они ваши слуги, если нѣтъ,—они ваши тираны. Всѣ рождаются равные; никто, приходя въ міръ, не приноситъ съ собою права повелѣвать. Но между царями нашлись люди, которые захотѣли править такъ, какъ будто они были люди болѣе высокой породы, чѣмъ ихъ братья. И власть ихъ незаконна, власть гордости и похоти". Примите вы ее, эту притчу? Вѣдь нѣтъ?

Свящ. Нѣтъ; не примемъ, здѣсь, въ этой рѣчи, есть озлобленность, эта рѣчь рождаетъ ненависть. Авторъ не хочетъ знать, что часто угнетаемые люди не люди хищнической воли, а хищники по традиціи — искренно непонимающіе, что богатство ихъ маммона неправды".

И ихъ мы не можемъ проклинать безъ суда и жалости.

Но конечно—мы не станемъ скрывать, что „плата рабочихъ, удержанная ими, вопіетъ къ Богу".

Мы знаемъ, что церковь не можетъ быть безучастна къ болямъ и язвамъ земли.

Мы вѣримъ, что для церкви именно теперь настало время усиленной діаконіи.

Вы помните нашу бесѣду о діаконіи.

Церковь, говорилъ я, и повторяю теперь, не могла и не можетъ уйти совсѣмъ на небо, покинувъ землю...

Нѣтъ, не даромъ древняя церковь создала даже особую іерархическую степень для служенія трапезамъ, т. е. патріархальнымъ нуждамъ вѣрныхъ — „діаконію“. Это степень *„священства“*. Церковь должна возсоздать эти органы попеченія о трапезахъ, о землѣ — и т. п. и не въ смыслѣ только органовъ благотворительности. Діаконы были и представителями „адвокатами бѣдныхъ“ и судьями.

Теперь діаконіи нѣтъ, но вѣдь идея діаконіи не временная, конечно, идея, а общецерковная и вѣчная, и обязанность „служенія“, предстательства и т. п. земная „канитель“ явно лежитъ на обязанности церкви, съ тѣхъ поръ какъ церковь „призвала діаконовъ и возложила на нихъ руки“.

И не въ представительствѣ одномъ и обличеніи дѣло священника.

Да вы помните конечно, что мы говорили.

Въ части отрицательной мы навѣрное совпадемъ съ вами. Церковь не съ меньшей болью, чѣмъ вы, должна (и сумѣетъ) говорить о скорбяхъ „обиженныхъ“; мы не станемъ только говорить о правахъ. Земное „право“—мерзость предъ Господомъ.

Но и въ созиданіи мы сумѣемъ быть не бездѣятельными. И мы будемъ строить свои фабрики счастья, и мы будемъ бороться противъ отупѣнія

18 часовымъ трудомъ и будемъ во имя Христа пытаться творить новыя формы жизни.

Вы думаете, что церковь не хочетъ свободы? Но вѣдь церковь есть синонимъ свободы.

Только не давайте обольщать себя пустыми словами. Многіе будутъ пытаться васъ убѣдить, что вы дѣйствительно свободны, потому что они написали на клочкѣ бумаги слово „свобода“ и развѣсили его по всѣмъ переулкамъ. Свобода есть живая сила, которую чувствуютъ въ себѣ и вокругъ себя, она—геній, охраняющій домашній очагъ, хранительница соціальныхъ правъ; и первый изъ этихъ правъ—угнетатель, прикрывающій себя именемъ свободы,—худшій изъ угнетателей. Онъ соединяетъ съ тираніей ложь, съ несправедливостью профанацію: ибо слово свобода — священно. Берегитесь тѣхъ, которые повторяютъ: „свобода, свобода“, и разрушаютъ ее своими дѣлами. Свобода всякая и, такъ называемая, гражданская свобода заблеститъ вамъ, когда у подножія креста, на которомъ Христосъ умеръ за васъ, вы всѣ поклянетесь помереть другъ за друга“ (Ламеннэ).

— Почему за 1848 г. послѣдовали 1849, 50 и 51 годы. Потому что Христа не было у строителей свободы. Въ эту минуту вмѣшался о. Петръ.—

— Вы напрасно считаете насъ,—началъ онъ,—въ какомъ-то противорѣчіи съ вами... Нѣтъ. Если говорить о роли церкви въ жизни, то ея „политика“ совпадетъ вообще съ политикою тѣхъ, кто за правду... за права меньшихъ... Мы можемъ подать

руку вамъ, мы только одно съ вами—только строимъ на христіанской основѣ отъ имени Христа.

Одно и то же: какъ вы, мы склонны стоять за освобожденіе, за объединеніе слабыхъ противъ неправды сильныхъ, за право обиженныхъ.

Отецъ Николай. Права?. Нѣтъ...

Не знаю, что сдѣлалось съ о. Николаемъ. Такой онъ сталъ блѣдный. Дрожитъ какъ въ истерикѣ. Лицо страдающее, больное.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Не будетъ. Избави Богъ.

Это Іудино предательство. По Муретову, Іуда продалъ Христа, чтобы его поторопить, заставить его принять вѣнецъ Мессіи и выстроить царство Божіе на землѣ.

Это второе искушеніе. Сдѣлай камни хлѣбами... Нѣтъ, не нужно, потому что дѣлать то, что предлагаетъ мой коллега, значитъ камень давать вмѣсто хлѣба.

Все это „человѣколюбивое“ христіанство *почти Христово*, но иногда между почти и „дѣйствительностью“ пропасть великая.

Въ этой программѣ нѣтъ одного,—нѣтъ Христа Распятаго — Христа Бога; если я когда нибудь приду къ мысли, что Христа *не было*, — что дѣло Его здѣсь — *невозможно*, тогда я приму эту „христіанскую политику“.

Можетъ быть, это будетъ черезъ недѣлю—черезъ двѣ, что это тогда, — *когда умретъ Христосъ*. А пока я въ Него вѣрую.

Я не вижу середины: или Христова заповѣдь,—

„если хотятъ у тебя взять нижнюю одежду, отдай верхнюю“, или насилія, всѣ формы насилія — до террора.

И лучше бы проповѣдывать сразу„ святой гнѣвъ“ и „ненависть“, чѣмъ эту тепло-хладную измѣну Христу — переходомъ въ организацію и систему постояннаго мелкаго гнѣва и „желудочной“ скупости....

Мы не будемъ — повторяю — позади васъ въ обличеніи насилія.

Духъ Божій давалъ ученикамъ Христовымъ слово пророка Иліи, когда они говорили о „платѣ рабочихъ, вопіющихъ къ нему“; о крови, пролитой насильниками, и слезахъ болѣе страшныхъ, чѣмъ кровь, и потѣ, болѣе страшномъ, чѣмъ слезы.

Но не можемъ мы звать къ насилію.

Нѣтъ. Нѣтъ.

Борьба словомъ чрезъ законодательство и созданіе человѣчныхъ формъ жизни внутри церкви самое большое наше человѣческое средство, а главное средство—молитва...

Церковь не можетъ быть въ союзѣ съ группой, которая говоритъ обиженному; *возьми свое „право“*, потому что права нѣтъ въ церкви, хотя она и скажетъ: „проклятъ насильникъ“.

Церковь можетъ стоять только внѣ борьбы, какъ совѣсть человѣчества — ея судъ.

Это не значитъ, что она не будетъ дѣлать, но дѣлать не во имя права, а во имя отреченія каждаго отъ своего права.

Мы сказали, что она можетъ сдѣлать, но это *не во имя только Христово.*

Имя можно употреблять и всуе. Можно только прилаживать Христа и то Христа учителя, а не Христа Распятаго.

Да не будетъ для насъ Христосъ „украшающимъ орнаментомъ".

Нѣтъ, мы можемъ звать только къ такимъ дѣламъ, какія можемъ проповѣдывать съ чашей крови Господней въ рукахъ, устраивать такіе союзы и организаціи, гдѣ нѣтъ правъ и есть только самоотверженіе, хотя и мыслимъ, *что это устроитъ жизнь побогаче* соціализма.

Можетъ быть, это творчество невозможно? (даже частично: я не мечтаю объ общей перестройкѣ міра: міръ пока безнадеженъ, потому что пошлъ). Невозможно? Да? Когда я въ этомъ увѣрюсь, приму, повторяю, ту вашу программу, или не приму никакой, жизни не приму. Нѣтъ тогда Христа и обманулъ Онъ Себя на крестѣ и разбойника обманулъ.

А я вѣрую.

Знаю я, что мы очень должны подумать о боляхъ земли. Должны.

И подумать не во имя земли, а во имя Евангелія. И подумаемъ.

Мы создадимъ чисто-христіанскую соціологію; изъ Евангелія, изъ его буквы, изъ того, что предписываетъ Евангеліе, создадимъ систему земныхъ организацій, съ цѣлью устроенія и души, и тѣла, устроенія въ извѣстныхъ предѣлахъ царства Божія.

Герценъ считаетъ монастырь лучшей формой земной организаціи.—Мы не обратимъ міръ въ монастырь, но значитъ не безнадежна же организаціонная земная сила христіанства.

Воскреснетъ умершее христіанство и земныя — Христовы формы оживутъ. И „не уявися что будетъ".

И я думаю, что и вы вернетесь отъ своего закона къ нашему, къ намъ, а не мнѣ придется идти къ вамъ.

Вы сейчасъ сильны, но чѣмъ? Отчаяніемъ молодости, тоской, но вы скоро поймете это и вернетесь.

Вы сильны тоской. Да, да. Такъ. Помните... у Достоевскаго сцену, картину: что было, когда для людей потухло солнце.

Я на нее ужъ ссылался какъ то... Люди кинулись въ объятья другъ друга и каждый торопился дать другому счастье, послѣднее счастье.

Вѣдь это были послѣдніе дни. И каждый жалѣлъ На землѣ наступило счастье безъ Бога.

И что въ концѣ говоритъ Достоевскій: мнѣ всегда чудится—говоритъ онъ—въ концѣ этой картины—Христосъ, какъ у Гейне.—„Приходитъ онъ—и говоритъ: а меня то вы забыли? Можете ли вы жить безъ меня?"

И вы Христа призовете. Иначе нельзя. И вы этимъ кончите, обязательно, если у васъ душа есть не ограниченная, не мертвая.

Исхода другого внѣ Христа нѣтъ. „Женевскія идеи", говоритъ Версиловъ въ „Подросткѣ", — это добродѣтель безъ Христа, теперешнія идеи, или,

лучше сказать, идеи всей теперешней цивилизаціи, во всемъ этомъ лежитъ какъ бы печать, если не антихриста, то антихристіанства и безбожія". „Все это въ цѣломъ проклято, — говоритъ Лебедевъ въ „Идіотѣ".

Нѣтъ во всемъ этомъ „связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли", о которой скорбитъ толкователь апокалипсиса Лебедевъ. Нужна—повторяю—идея, которая объединяла бы человѣчество не только извнѣ, какъ идеи „римскія", не только на почвѣ „чуда, тайны и авторитета", какъ хотѣлъ того Великій инквизиторъ, не только на почвѣ всеобщаго благоденствія, „устроеннаго внѣ Бога и внѣ Христа", но роднила бы изнутри какимъ нибудь религіознымъ, нравственнымъ началомъ. У васъ изсякли „источники жизни" и, чтобы обновить ихъ, чтобы наполнить „водою живою", прежде всего необходимо отыскать эту потерянную объединяющую мысль. А идея эта Богъ—на землѣ, идея безсмертія души человѣческой, ибо всѣ остальныя, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, лишь изъ нея одной вытекаютъ.

И вы по ней стоскуетесь. По ней, потому что безъ нея, если и возможно счастье, то только счастье гастрософіи, а его вы не захотите.

Сначала вы заглянете къ нему—о. Николай указалъ на о. Петра — и слава Богу!

А потомъ — ко мнѣ придете. Вѣрую! Вѣрую!..

На зарѣ.

На зарѣ. — Христіане предъ лицомъ новаго великаго дѣла. — На чемъ должно быть „положено“ новое дѣланіе.

На зарѣ... Востокъ загорается... Утро близко... Такъ характеризуютъ наше время.

Да, мы переживаемъ время святое... Мы призваны *Богомъ* (конечно, Богомъ) къ новому дѣлу. Мы растеряли свою душу въ мелочныхъ дѣлахъ личнаго благосостоянія, принизились, замкнулись въ свое „я“, „свои“ интересы, „свое“ личное только дѣло. И Богъ призвалъ насъ въ совѣтъ о дѣлѣ всенародномъ.

Этотъ, можетъ быть, послѣдній призывъ къ нашей грѣшной совѣсти, новая отвѣтственность, бремя народныхъ нуждъ—на нашей совѣсти—должны воззвать душу къ новой жизни, воскресить ее въ духѣ и силѣ.

Но... пугаетъ меня, многое пугаетъ. Пугаетъ давно родившійся у насъ предразсудокъ, будто *спасеніе наше* совершится *безъ насъ*, будто насъ спасетъ, переродитъ новый общественный строй, новыя учрежденія.

Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ. Учрежденія чудотворны только до извѣстной степени. Они передѣлываютъ

души, психологію народовъ и отдѣльныхъ людей, но только отчасти. Чтобы они сами не родились „мертворожденными“, ихъ „акушерами“ должны быть святые: передъ Синаемъ нужно стоять не только съ открытой головой, *но и въ чистой одеждѣ, съ душою обновленной и омытой:* „Три дня поститесь и не прикасайтесь къ женамъ“,—говорилъ Господь передъ законодательствомъ съ Синая.

Кто достоинъ у насъ творить исторію народовъ и его будущее счастье?

Я знаю людей—и это еще лучшіе,—которые повторяли „мученика“ Ницше, шли въ общественной волнѣ не туда, куда хотѣли, а куда вели, „не смѣя“ отказать. Помните этого мученика, который всегда хотѣлъ и пытался сказать „нѣтъ“, но ему подсказывали „да?“ Даже на пути къ смерти онъ пытался блѣдными устами сказать „нѣтъ“, но чужая воля заставляла его сказать то же, для него проклятое „да!..“

Я зналъ людей, которые тотчасъ послѣ пламенной рѣчи о горѣ народномъ, сходя съ каѳедры, говорили, потихоньку указывая сосѣду на слушательницу: „А хорошо бы поцѣловать эту“. (Выбираю приличное выраженіе).

Я знаю людей, которые, какъ Пьеръ Гюнтъ у Ибсена, всю жизнь говорили красивыя слова, создавали въ мечтахъ „Гюнтгаду“—царство новаго счастья, и спокойно позволяли злу дѣлать „дѣло свое“, а сами несли свою лепту—въ „урну зла“ и чужихъ слезъ.

Но еще больше знаю людей безусловно хорошихъ, о которыхъ можно сказать словами Чехова:

„Мы сильны до 30 лѣтъ“.

Люди, нервами любящіе, нервами работящіе, сильные молодой кровью и безсильные, когда утихнетъ бунтъ крови, люди съ нервами, но безъ души, выкованной подвигомъ и закаленной молитвой,—надежны-ли такіе творцы жизни? Не говоря о томъ, что это люди часто безсильные, можемъ ли мы надѣяться, что они справятся съ искушеніемъ хищничества, какое имъ представится на ихъ дорогѣ—„всенароднаго устроенія?“ „Своя рубашка къ тѣлу ближе“... Что уничтожитъ для нихъ силу этой „пословицы-закона?“ Неужели съ нимъ, этимъ закономъ „своей рубашки“, могутъ справиться принятыя „верхами души“ идеи свободолюбивыхъ книжекъ? Не безъ причины въ прошломъ святыя идеи молодости давали взрослыхъ хищниковъ жизни.

Не грозитъ ли намъ „наступленіе“ тѣхъ людей, о которыхъ писалъ Герценъ („О дѣятеляхъ Франціи 48—50 годовъ“)? „Это было анонимное общество политическихъ шулеровъ и биржевыхъ торгашей, опертое на общественный развратъ, на сочувствіе мѣщанъ, опертое на полицейскихъ пиратовъ и на армейскихъ кондотьеровъ, которое душило безъ увлеченья, гнело безъ вѣры, изъ-за денегъ, изъ страха,—и оставалось неуловимымъ, анонимнымъ“...

Не нужно преувеличивать дѣла, думать, что мы придемъ къ царству Божію на землѣ, если будетъ больше „справедливой организованности“. Признано, что жизнь человѣческая скудѣетъ. Люди разошлись и расползлись. Связи между людьми ослаблены именно

развитіемъ правовой организованности. Уцѣлѣли и развиваются такъ называемыя классовыя связи. Но „классы“ мало говорятъ въ пользу наличности единенія людей. Классъ образуютъ люди, играющіе одну и ту же роль въ производствѣ и такъ или иначе соединенные общностью экономическихъ интересовъ; хотя на экономически-матеріальной почвѣ и могутъ впослѣдствіи развиться сближающіе людей интересы и иного, не матеріальнаго порядка, но тѣмъ не менѣе въ этомъ соединеніи людей экономическій моментъ играетъ первичную и главную роль; потому и о классахъ, какъ о трестахъ и т. п., можно сказать словами Гл. Ив. Успенскаго, что это „связи, склеенныя деньгами“. А это клей далеко не столь надежный, какъ тотъ цементъ, который былъ въ прежнихъ союзахъ: органическая близость въ кровныхъ, общій культъ въ религіозныхъ, вѣковыя традиціи въ сословныхъ.

Несомнѣнно, что только *внѣшняя связь людей увеличилась* въ результатѣ прогресса, и, пожалуй, эта связь растетъ, но *внутренняя, духовная уменьшилась и уменьшается*. Что это такъ, доказываютъ факты исторіи и наблюденія надъ современной жизнью, — общественной и частной; подтвержденія можно найти во всякомъ городѣ, подъ кровлей любого дома — моего и вашего.

„Люди собрались въ кучи, въ массы, живутъ другъ на другѣ,—въ одномъ домѣ по пяти тысячъ человѣкъ, тогда какъ прежде для этихъ пяти тысячъ человѣкъ нужна была цѣлая территорія. Но вѣдь эта

куча, эта масса представляетъ болѣе или менѣе случайное соединеніе единицъ, влекомыхъ другъ къ другу не въ нихъ самихъ и глубоко, въ самыхъ центрахъ ихъ существъ, заложенными импульсами, а давленіемъ внѣшнихъ, гораздо болѣе поверхностныхъ причинъ".

Современный образованный человѣкъ, если даже не считать его чудовищемъ эгоизма,— самый равнодушный человѣкъ, какой только бывалъ на землѣ, холодный ко всему, кромѣ собственнаго благополучія: нигдѣ нельзя встрѣтить такихъ примѣровъ безучастія къ чужой судьбѣ, какъ въ большомъ городѣ, и тотъ, кто слабъ, безпомощенъ или не умѣетъ приспособляться къ жизни города, свободно умретъ съ голоду на камняхъ его такъ же, какъ если бы это было въ каменистой пустынѣ. „Современный городъ есть вѣроятно, самый безличный союзъ индивидуумовъ, который когда-либо образовался во всемірной исторіи". (Треплевъ, „Разоренная жизнь").

И вотъ намъ грозитъ объединенность этого порядка. Что это значитъ, что это обѣщаетъ? Это значитъ, что въ обществѣ „нашего вѣка" оскудѣло „нѣчто", что дѣлало „счастьемъ" внѣшнюю благопристойность и „благимъ единствомъ" внѣшнюю сплоченность. Утеряна живая душа жизни.

Новыя формы жизни обѣщаютъ большую внѣшнюю солидарность, но не обѣщаютъ „жизни и счастья", не обѣщаютъ вернуть потерянное нами „тепло жизни". Но что тогда намъ въ формахъ, если и при нихъ грозитъ холодъ и темнота отъ потери чего-то великаго?

Помните, этотъ холодъ привелъ къ самоубійству Варвару Васильевну („На поворотѣ“ Вересаева), Сергѣя (тамъ же) и др.

Что же и въ будущемъ? То же самое?

Новѣйшая цивилизація,—пишетъ Дюркгеймъ,—потому столь благопріятствуетъ наклонности къ самоубійству, что она разрушила всѣ прежнія общественныя организаціи, не давъ взамѣнъ ихъ какой-либо иной опоры.

Такъ дайте сначала эту опору. А безъ этого „чего-то“ остальное не стоитъ гроша.

„Но чего же вы хотите?—скажетъ читатель,—вы осуждаете волну, которая насъ захватила“.

Нѣтъ... Я хочу указать опору, которая дана, но отброшена, какъ несовмѣстимая съ движеніями дня. Я хочу, чтобы люди, понявши обязанности, какія налагаются на нихъ будущимъ, перемѣнили „разумѣніе жизни“, возстали для жизни новой.

„Учрежденія перемѣняютъ лицо людей“,—да, но, повторяю я, люди должны быть достойны учрежденій, чтобы эти учрежденія были живы.

Нельзя браться за великое дѣло съ маленькой душой „мученика“ Ницше, „Пьера Гюнта“ Ибсена или уставшей душой Вересаевскихъ героевъ. Недаромъ у Чернышевскаго Рахметовъ спитъ на гвоздяхъ. Нужно найти для души силу, которая бы помогла побѣдить законъ „своей рубашки“. *Сила въ потерянной опорѣ. А опорой этой можетъ быть только Богъ.* Чтобы воспитать душу, создать людей сильныхъ въ совѣтѣ и государственномъ творчествѣ, *надо найти Бога,*

котораго потеряли и вѣрующіе, и невѣрующіе. Только это условіе (воспитаніе души, и воспитаніе именно въ Богѣ) дастъ силу намъ, нашей работѣ и спасетъ насъ отъ „воровъ", о которыхъ говоритъ Герценъ. Только оно уничтожитъ холодъ „классовой" сближенности, создавъ новую христіанскую сближенность, въ которой тепло и любовно.

Люди близки, когда у нихъ есть одно общее дорогое. Этимъ общимъ дорогимъ не можетъ быть желудочное, земное благо, потому что оно всегда „свое", личное. Это общее потерянное благо—Богъ.

И съ Богомъ на „новое дѣло", на всенародное совѣтничество, созданіе земного блага для всѣхъ!

Только не потерявъ небо, можно обрѣсти счастливую землю. И дѣло, по существу святое и великое, какое насъ ждетъ, — будетъ и de facto святымъ и великимъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ [1]).

I.

Соціальный христіанскій союзъ въ Америкѣ.

Соціальный Христіанскій Союзъ въ Америкѣ *основанъ группою духовныхъ лицъ* англиканской епископальной церкви по образцу такого же Англійскаго Соціальнаго Христіанскаго Союза, съ дѣятельностью котораго эти лица ознакомились во время посѣщенія Англіи. Теперешнюю свою организацію Союзъ принялъ въ 1894 г., когда подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса, наступившаго вскорѣ послѣ окончанія всемірной выставки въ Чикаго, обострились всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ положенію народной массы. Первымъ предсѣдателемъ Союза былъ (и остается до сихъ поръ) епископъ центральнаго Нью-Іорка (of Central New-York) Хентингтонъ; первымъ секретаремъ Союза былъ извѣстный американскій экономистъ Или (R. T. Ely), въ то время мо-

[1]) Мижуевъ. Соціологическіе этюды.

лодой профессоръ знаменитаго американскаго университета Джона Хопкинса (въ Балтиморѣ).

Вотъ что мы читаемъ о цѣляхъ и дѣятельности Союза въ его уставѣ (constitution).

„Цѣли Союза таковы:

1) Настойчиво напоминать (to claim) о томъ, что ученіе Христа (Christian Law) есть верховный законъ, которымъ должны регулироваться практическія жизненныя отношенія.

2) Учиться сообща примѣнять нравственныя истины и принципы христіанскаго ученія къ рѣшенію соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ нашего времени...

„Основные принципы, изъ которыхъ Союзъ исходитъ въ своей дѣятельности, можно выразить слѣдующимъ образомъ:

1) Господь Іисусъ Христосъ есть Отецъ всѣхъ людей и всѣ люди братья.

2) Богъ есть единственный собственникъ (possessor) земли и ея плодовъ (and its fulness).

3) Такъ какъ работа доставляетъ упражненіе тѣлу и духу и возвышаетъ человѣческую жизнь усердный трудъ долженъ считаться обязанностью всякаго человѣка.

4) Трудъ долженъ быть признанъ мѣриломъ соціальнаго достоинства человѣка.

5) Когда, согласно Господнимъ предначертаніями, всѣмъ будетъ обезпечена возможность получить работу, это устранитъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ широкаго распространенія нужды и лишеній.

„Способы дѣйствія Союза таковы:

1) Молитва.

2) Содѣйствіе—путемъ убѣжденія и путемъ примѣра— добросовѣстному исполненію избирателями своихъ гражданскихъ обязанностей.

3) Произнесеніе духовными лицами, состоящими членами Союза, проповѣдей на темы, относящіяся къ цѣлямъ Союза.

4) Порученіе подходящимъ лицамъ пропаганды основныхъ принциповъ Союза въ церквахъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, особенно же въ университетахъ, духовныхъ академіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще.

5) Изданіе и возможно широкое распространеніе брошюръ, листковъ и вообще всякаго рода печатныхъ произведеній по вопросамъ, относящимся къ цѣлямъ Союза.

6) Изданіе особаго ежемѣсячнаго органа, какъ средства общенія между членами Союза.

7) Составленіе программъ систематическаго чтенія по предметамъ, относящимся къ цѣлямъ Союза.

8) Организація мѣстныхъ кружковъ для такого рода систематическаго чтенія; организація подобныхъ кружковъ для тщательнаго изученія современной соціальной жизни и для соотвѣтственной практической дѣятельности примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

9) Поощреніе занятій соціальными науками учрежденіемъ премій и стипендій.

Условія вступленія въ Союзъ:

1) Всякій членъ англиканской епископальной церкви можетъ въ любое время сдѣлаться членомъ Союза, выразивъ желаніе содѣйствовать цѣлямъ Союза и внеся казначею годичный членскій взносъ. Люди всѣхъ другихъ исповѣданій и религій могутъ на тѣхъ же условіяхъ сдѣлаться членами-соревнователями (associate member), но безъ права голоса.

2) Членскій взносъ одинъ долларъ (2 руб.) въ годъ.

3) Каждому члену вмѣняется въ особый долгъ:

а) молиться о благосостояніи Союза;

б) *подписываться на какой-нибудь журналъ или по крайней мѣрѣ систематически читать какой-нибудь журналъ, посвященный вопросамъ изученіе которыхъ составляетъ одну изъ цѣлей союза;*

в) *удѣлять часть своего времени непосредственному изученію какого-нибудь изъ соціальныхъ вопросовъ нашего времени* съ точки зрѣнія ученія Христа.

„Исполнительные органы Союза", говоритъ § 6 устава, „состоятъ изъ предсѣдателя (епископъ центральнаго Нью-Іорка Хентингтонъ), десяти вице-предсѣдателей (какъ видно изъ списка членовъ Союза, въ число этихъ десяти вице-предсѣдателей входятъ 6 духовныхъ лицъ, изъ которыхъ 4 епископа), секретаря Союза (пасторъ Ходжесъ), казначея (въ настоящее время эту должность занимаетъ свѣтское лицо), исполнительнаго комитета, состоящаго въ свою очередь изъ казначея, секретаря и еще 11 лицъ

(среди нихъ мы находимъ нѣсколько духовныхъ лицъ, двухъ профессоровъ и нѣсколько женщинъ) и, наконецъ, совѣта, въ который входятъ всѣ предшествующія лица съ присоединеніемъ столькихъ членовъ, сколько будетъ выбрано для этого Союзомъ, но однако не свыше 50".

Всѣ епископы, состоящіе членами Союза, считаются ex officio почетными вице-предсѣдателями, но участвуютъ фактически въ совѣтѣ лишь въ случаѣ дѣйствительнаго избранія въ члены совѣта (въ настоящее время такихъ почетныхъ вице-предсѣдателей считается 31; все это епископы разныхъ штатовъ Американской республики).

Мы не находимъ нужнымъ знакомить читателя съ правилами, опредѣляющими способы избранія на разныя должности по Союзу. Замѣтимъ лишь, что на основаніи устава исполнительный комитетъ собирается разъ въ мѣсяцъ, совѣтъ—по мѣрѣ надобности; кромѣ того, ежегодно происходитъ общее собраніе членовъ Союза въ томъ или другомъ городѣ по усмотрѣнію исполнительнаго комитета.

Въ одной небольшой брошюрѣ, изданной Союзомъ и называющейся „Что такое Соціальный Христіанскій Союзъ" [1]), мы находимъ такую характеристику дѣятельности Союза.

„Съ самаго своего основанія Соціальный Христіанскій Союзъ поставилъ своей задачей не столько пропаганду какой-либо соціальной теоріи, сколько

[1]) What the Christian Social Union is.

пробужденіе и просвѣщеніе общественной совѣсти. Союзъ остается вѣренъ своему направленію и до настоящаго времени".

„Когда намъ случается говорить о Соціальномъ Христіанскомъ Союзѣ съ тѣми, кто съ нимъ не знакомъ, почти всегда насъ во-первыхъ спрашиваютъ: „Какая у васъ программа? Къ чему вы стремитесь?" На это мы отвѣчаемъ, что наша программа состоитъ въ томъ, чтобы держать себя *au courant* соціальныхъ вопросовъ и общими силами учиться примѣнять нравственное ученье Христа къ разрѣшенію соціальныхъ и экономическихъ задачъ нашего времени. Получивъ такой отвѣтъ, многіе готовы считать нашу дѣятельность безплодной и не выражаютъ особаго желанія оказать поддержку нашему обществу. Такіе люди очевидно думаютъ, что, если у насъ нѣтъ опредѣленнаго плана дѣйствій и партійной организаціи, мы не можемъ разсчитывать на достиженіе какихъ-либо результатовъ.

„Къ какимъ заключеніямъ надѣетесь вы придти въ концѣ всѣхъ своихъ занятій соціальными вопросами?" — таковъ второй вопросъ, предлагаемый обыкновенно по поводу Союза. На это мы отвѣчаемъ, что въ качествѣ Союза мы не надѣемся придти ни къ какимъ обязательнымъ для всѣхъ заключеніямъ. При основаніи Союза мы исходили изъ той общей мысли, что христіанское ученіе есть верховный авторитетъ для рѣшенія практическихъ соціальныхъ вопросовъ. Однако признаніе этой мысли нисколько не мѣшаетъ однимъ членамъ нашего Союза думать,

что христіанское ученіе требуетъ введенія единаго налога (single tax), другимъ,— что это ученье приводитъ, какъ къ неизбѣжному слѣдствію, къ обобществленію орудій производства.

„Очевидно, что, если бы при существованіи столь противорѣчивыхъ мнѣній мы стали добиваться согласія всѣхъ членовъ Союза на тотъ или иной способъ рѣшенія соціальнаго вопроса, Союзъ тотчасъ бы распался. Изъ терпимости Союза однако вовсе не слѣдуетъ, что его дѣятельность обречена на безплодіе. „Грѣхъ, снѣдающій души американцевъ, есть грѣхъ невѣжества, апатіи и индифферентнаго отношенія къ политическимъ и экономическимъ бѣдамъ, переживаемымъ народной массой, вслѣдствіе чего каждый изъ насъ становится виновнымъ въ крови своихъ братьевъ“ [1]). Отъ насъ зависитъ избавить свои души и души многихъ нашихъ собратьевъ отъ этого грѣха невѣжества — по крайней мѣрѣ въ отношеніи важнѣйшимъ фактовъ окружающей насъ жизни. Хотя и послѣ этого намъ, быть можетъ, не удастся сколько нибудь существенно облегчить страданія нашихъ ближнихъ, мы тѣмъ не менѣе не должны оставаться къ нимъ индифферентными“.

---

[1]) Слова эти, надо думать, составляютъ цитату изъ какого нибудь сочиненія, которое считается хорошо извѣстнымъ американскимъ читателямъ, почему мы и не находимъ ссылки на источникъ, изъ котораго цитата заимствована.

II.

Вопросъ объ участіи церкви въ рѣшеніи современныхъ соціальныхъ проблемъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Соціальный Христіанскій Союзъ издаетъ каждый мѣсяцъ небольшія брошюры, въ которыхъ разныя лица — какъ духовныя, такъ и свѣтскія (причемъ въ числѣ этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ имена извѣстныхъ экономистовъ и публицистовъ) — подробно разбираютъ всевозможные соціальные вопросы. Большею частью эти вопросы разсматриваются авторами брошюръ съ точки зрѣнія христіанской морали.

Вообще говоря, вопросы, затрагиваемые изданіями Союза, крайне разнообразны и касаются самыхъ различныхъ сторонъ общественной жизни.

Въ одной изъ этихъ брошюръ, напр., напечатана рѣчь или проповѣдь, произнесенная въ церкви Св. Іоанна въ гор. Провиденсѣ (штатъ Родъ Айлендъ) Р. Гарднеромъ. Брошюра носитъ названіе „Общественная нравственность и отношеніе къ ней Церкви“.

„Нѣсколько времени тому назадъ“, такъ началъ Гарднеръ, „я читалъ въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ объявленіе о томъ, что нѣсколько выдающихся священнослужителей епископальной церкви имѣютъ въ виду произнести рѣчи „объ общественной нравственности“, „о личной нравственности“, „о коммерческой нравственности“, „о нравственности

духовныхъ лицъ“ и „о гражданской или политической нравственности“.

„Мнѣ трудно предположить, что эти лица станутъ доказывать своимъ слушателямъ, что существуютъ яко бы разныя нравственныя правила для каждой изъ перечисленныхъ сферъ дѣятельности, т. е. что человѣкъ можетъ быть безупречнымъ въ отношеніи личной нравственности и далеко не безгрѣшнымъ въ отношеніи нравственности общественной или что человѣкъ можетъ быть безупречнымъ въ своей общественной дѣятельности и безчестнымъ въ коммерческихъ дѣлахъ. Я склоненъ думать, напротивъ того, что всѣ ораторы будутъ выяснять своимъ слушателямъ, какимъ образомъ одни и тѣ же нравственные принципы могутъ и должны быть примѣняемы въ разныхъ общественныхъ положеніяхъ и въ разныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности.

Подобнымъ образомъ и въ сегодняшней нашей бесѣдѣ — „Общественная нравственность и отношеніе къ ней Церкви“ — я вовсе не имѣю въ виду доказывать, что будто-бы существуютъ особые нравственные законы, которыми должны быть нормируемы наши соціальныя отношенія. Нѣтъ, я предполагаю разсмотрѣть, существуютъ ли въ настоящее время соціальныя проблемы, для рѣшенія которыхъ необходимо примѣненіе тѣхъ же самыхъ нравственныхъ принциповъ, которыми регулируется наша обычная личная жизнь. Если окажется, что такія проблемы существуютъ, я разсмотрю далѣе, можетъ ли Цер-

ковь (Church) настаивать на примѣненіи нравственныхъ принциповъ къ рѣшенію этихъ проблемъ и какъ это слѣдуетъ дѣлать"...

„*Во-первыхъ*. Есть ли въ наше время настоятельно требующія рѣшенія соціальныя проблемы? Есть ли соціальныя язвы, требующія энергичнаго врачеванія? По моему мнѣнію такихъ проблемъ и такихъ язвъ много. Мнѣ хорошо извѣстно, что не всѣ согласятся даже и съ этимъ основнымъ положеніемъ. Многіе готовы увѣрять, что въ настоящее время все идетъ такъ, какъ должно, что всѣ вполнѣ довольны или, во всякомъ случаѣ, всѣ были бы довольны, еслибы этому не мѣшала неумѣстная агитація нѣкоторыхъ лицъ, заблуждающихся въ своемъ добросердечіи. Многіе изъ тѣхъ, кто не оспариваетъ существованія большого неравенства въ условіяхъ жизни, самый фактъ такого неравенства считаютъ результатомъ дѣйствія естественныхъ законовъ, противъ которыхъ было-бы безплодно бороться".

„Но такъ ли это? Развѣ не существуетъ проблемы о классовыхъ отношеніяхъ? Нѣкоторые станутъ, пожалуй, и это отрицать, увѣряя, что наши американскія учрежденія даже самымъ бѣднымъ людямъ обезпечиваютъ возможность (opportunity) при энергіи достигнуть самаго высокаго общественнаго положенія. Намъ приведутъ при этомъ нѣсколько не подлежащихъ сомнѣнію и дѣйствительно поразительныхъ примѣровъ такого возвышенія. Насъ наконецъ станутъ убѣждать, что въ настоящее время самые большіе бѣдняки пользуются такими удобствами

жизни, какихъ не могли себѣ доставить нѣсколько поколѣній назадъ люди очень богатые".

„Оба эти утвержденія вѣрны. Не менѣе вѣрно однако и то, что среди насъ находится масса людей, которые, несмотря на то обстоятельство, что нѣкоторымъ изъ нихъ особенно одареннымъ отъ природы удается измѣнить радикально свое общественное положеніе, въ сущности представляютъ собой такихъ же безусловныхъ и безнадежныхъ рабовъ, какъ и тѣ рабы, о какихъ намъ говоритъ исторія. Наряду съ этимъ среди насъ живутъ люди, владѣющіе такими богатствами, о какихъ прежде никто не имѣлъ понятія. Наконецъ между нами есть лица, которыя располагаютъ фактически большей властью, чѣмъ та, какую когда либо имѣли прежніе короли и аристократы [1]).

[1]) Къ такимъ лицамъ слѣдуетъ отнести во-первыхъ директоровъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній или т. наз. „желѣзнодорожныхъ царьковъ". „Они очень вліятельны", говоритъ проф. Брайсъ, „они даже болѣе вліятельны, чѣмъ кто либо изъ политическихъ дѣятелей, за исключеніемъ президента республики и предсѣдателя палаты представителей. Однако только что названныя лица пользуются вліяніемъ во время своего непродолжительнаго пребыванія въ должности, между тѣмъ какъ желѣзнодорожный монархъ можетъ сохранить свое вліяніе въ теченіе всей жизни. Когда владѣтель какой нибудь изъ самыхъ большихъ западныхъ дорогъ отправляется на берега Тихаго океана въ своемъ вагонѣ, роскошномъ какъ дворецъ, его путешествіе похоже на путешествіе царственной особы. Губернаторы штатовъ преклоняются передъ нимъ, законодательныя собранія принимаютъ его въ торжественномъ засѣданіи, города и сельскіе округа стараются снискать его благосклонность, потому что онъ можетъ обезпечить ихъ благосостояніе или раззорить ихъ". Американская Республика, т. III, 317 (П. М.).

Въ самомъ дѣлѣ сопоставьте, напр., положеніе рабочаго на каменноугольныхъ копяхъ, получающаго жалкое вознагражденіе за свой тяжелый трудъ, съ положеніемъ собственника земли, гдѣ производится добыча угля. При этомъ весьма возможно, что дѣдъ послѣдняго купилъ землю какъ сельское угодье и заплатилъ соотвѣтственную цѣну, а внукъ взимаетъ теперь въ свою пользу налогъ (a tax) въ полъ-доллара съ каждой тонны добытаго угля, получая такимъ образомъ сотни тысячъ долларовъ въ годъ и затрачивая нерѣдко эти деньги на занятіе разными видами спорта. Сравните далѣе положеніе рабочаго и собственника копей съ одной стороны и съ другой тѣхъ желѣзнодорожныхъ тузовъ, которые, распоряжаясь условіями перевозки, держатъ въ своихъ рукахъ какъ судьбу собственниковъ копей, такъ и ихъ рабочихъ".

„Не слѣдуетъ забывать и того, что пользованіе многими предметами роскоши, комфорта и даже многимъ такимъ, что мы въ настоящее время считаемъ предметами первой необходимости, имѣетъ мало отношенія къ условіямъ дѣйствительнаго человѣческаго счастія. Жить такъ, какъ живутъ лица, насъ окружающія, дышать свѣжимъ воздухомъ, имѣть возможность любоваться на необезображенный и незагрязненный Божій міръ, располагать досугомъ для того, чтобы проводить его среди семьи и друзей и для того, чтобы развивать свое тѣло, душу и умъ—вотъ что можно считать главными элементами человѣческаго счастія. Именно этихъ то благъ и лишены многіе милліоны нашихъ согражданъ.

„Эта соціальная проблема усугубляется въ настоящее время тѣмъ фактомъ, что въ наши дни основа дѣленія людей на классы представляетъ собой нѣчто болѣе низменное, болѣе раздражающее и болѣе зловредное по своему вліянію, чѣмъ то, что когда либо раньше отдѣляло одинъ общественный классъ отъ другого: — а именно обладаніе деньгами и способность ихъ наживать. Въ настоящее время нѣтъ другихъ самодержцевъ, кромѣ денежныхъ царьковъ, нѣтъ иныхъ паріевъ, кромѣ нищихъ..." [1]).

„Возьмемъ далѣе міръ промышленный. Въ теченіе двухъ послѣднихъ поколѣній, благодаря ряду изобрѣтеній этотъ міръ претерпѣлъ огромныя измѣненія, совершенно измѣнившія его строй. Паръ, электричество, универсальное примѣненіе машинъ лишили всякаго значенія прежнія промышленныя знанія, прежніе пріемы и навыки, которые преобладали еще въ началѣ XIX столѣтія. Нельзя не признать конечно, что всѣ эти перемѣны и изобрѣтенія въ общемъ несомнѣнно направлены ко благу человѣчества. Мы нисколько не сочувствуемъ тѣмъ людямъ, которые обрушиваются на новыя научныя изобрѣтенія или на нововведенія, клонящіяся къ сокращенію человѣческаго труда. Надо только умѣть пользоваться тѣми благами, которыя могутъ дать изобрѣтенія человѣческаго ума".

„Къ сожалѣнію до сихъ поръ изобрѣтенія вели часто къ быстрому обогащенію немногихъ отдѣль-

[1]) There is today no autocrat but the Money King; no outeast but the beggar.

ныхъ лицъ, которымъ удавалось обезпечить себѣ такія доходы, какихъ они ничѣмъ не заслужили, — притомъ нерѣдко въ ущербъ всему обществу и цѣною страданій для тѣхъ, кто въ первое время сталъ жертвой измѣнившихся условій производства".

„Возьмемъ такой примѣръ. Несомнѣнно польза сего общества требуетъ, чтобы носильное платье изготовлялось съ минимальной затратой времени и труда. Дѣйствительно на это дѣло въ настоящее время затрачиваются значительные капиталы, и изготовленіе платья происходитъ въ большихъ мастерскихъ, принадлежащихъ крупнымъ капиталистамъ. Женщины, жившіе прежде шитьемъ одежды по мелкимъ заказамъ, лишились заработка и должны искать мѣста въ особыхъ мастерскихъ.

„Между тѣмъ извѣстно, что женщины, работающія въ этихъ мастерскихъ или берущія отъ нихъ заказы на домъ, за всѣ свои труды получаютъ не болѣе трехъ долларовъ (6 руб.) въ недѣлю. Такимъ образомъ онѣ являются—въ отношеніи физическомъ, умственномъ и нравственномъ,—жертвами измѣнившихся условій производства готоваго платья, при чемъ вся выгода отъ этихъ измѣненій достается эгоистическимъ и не задумывающимся надъ такого рода вопросами потребителямъ и немногимъ безсердечнымъ капиталистамъ.

„Существованіе такихъ фактовъ, говоритъ по этому поводу Гарднеръ, „даетъ, какъ намъ кажется, полное основаніе утверждать, что современный промышленный строй приводитъ къ такому положенію

вещей, при которомъ явленія, которыя при иныхъ условіяхъ могли бы сдѣлаться источникомъ общаго счастія, получаютъ вслѣдствіе корыстолюбія отдѣльныхъ лицъ такое примѣненіе, которое, лишая общество въ его цѣломъ принадлежащихъ ему правъ, ложится въ то же время тяжелымъ бременемъ на нѣкоторую часть его членовъ..."

„Но умѣстно ли Церкви вмѣшиваться въ такія отношенія и можетъ ли она тутъ что нибудь сдѣлать?

„Отвѣтъ на этотъ вопросъ всецѣло зависитъ отъ нашего представленія о томъ, что такое Церковь. Если Церковь есть нѣчто, имѣющее цѣль въ самой себѣ, если она представляетъ собой лишь пристань или убѣжище (merely a harbor or refuge) для тѣхъ, кто достигъ или кто думаетъ, что достигъ личной чистоты, если Церковь говоритъ имъ только о спасеніи ихъ собственной души, то можно конечно утверждать, что Церкви нечего вмѣшиваться въ рѣшеніе такихъ соціальныхъ проблемъ".

„Но я не могу примириться съ такимъ представленіемъ о Церкви. Я могу считать правильнымъ только одно опредѣленіе Церкви, а именно такое опредѣленіе, согласно которому Церковь есть учрежденіе, устроенное волей Господа для продолженія въ этомъ мірѣ того дѣла, которое дѣлалъ Іисусъ Христосъ, когда жилъ на землѣ. А Онъ пришелъ для того, чтобы открыть людямъ принципы вѣчной правды, принципы людского братства и настаивалъ на фактическомъ осуществленіи ихъ въ жизни. Будучи на землѣ, Онъ не переставалъ заниматься облег-

ченіемъ обыкновенныхъ человѣческихъ страданій... Немногіе годы земной жизни Христа были заняты всякаго рода помощью людямъ"...

„Итакъ, если Церковь Христова организована для того, чтобы продолжать дѣло Христа, если она не желаетъ забывать своей основной задачи, она должна напоминать людямъ не только объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ Богу или къ своимъ роднымъ или близкимъ, но и по отношенію ко всему обществу, ко всему народу".

„Какъ однако Церковь можетъ это сдѣлать? Я не могу вамъ этого сказать. Я не берусь отвѣчать вамъ на такой вопросъ, рѣшеніе котораго должно быть результатомъ продолжительнаго и серьезнаго изученія разныхъ возможныхъ въ этомъ случаѣ способовъ дѣйствія. Однако я могу,—мнѣ даже кажется, что я долженъ,— указать вамъ на то, что Церковь обязана сдѣлать прежде, чѣмъ брать на себя миссію, которой до сихъ поръ она пренебрегала".

„Во первыхъ она должна помогать всѣмъ людямъ и помогать всѣми способами [1])... Во вторыхъ она *должна учиться*, какъ надо помогать людямъ... Я въ высшей степени осуждаю тѣхъ представителей Церкви, которые безъ всякихъ предварительныхъ серьезныхъ занятій соотвѣтственнаго характера и

[1]) Мы не находимъ нужнымъ приводить ту часть рѣчи Гарднера, гдѣ онъ развиваетъ это положеніе, котораго въ принципѣ никто не оспариваетъ. Надо сказать къ тому же, что для полнаго выясненія этого рода Гарднера духовенства намъ пришлось бы сдѣлать подробныя указанія относительно нѣкоторыхъ особенностей американской жизни.

вообще безъ всякой подготовки вмѣшиваются въ такіе споры по соціальнымъ и инымъ вопросамъ, которые могутъ съ пониманіемъ дѣла вести лишь люди, получившіе соотвѣтствующее образованіе или вообще тѣмъ или инымъ способомъ усвоившія извѣстныя свѣдѣнія. Я въ высшей степени осуждаю и такихъ служителей Церкви, которые отдѣлываются сантиментальными фразами тамъ, гдѣ требуются обдуманныя слова, основанныя на тщательномъ изученіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Это ставитъ въ ложное положеніе сторонниковъ соціальныхъ реформъ, усиливаетъ озлобленіе тѣхъ, кто терпитъ притѣсненія и несправедливости, и, повидимому, дѣйствуетъ скорѣе въ руку притѣснителямъ, такъ какъ позволяетъ имъ легко доказать нелѣпость мѣръ, предлагаемыхъ такими легкомысленными врачевателями общественныхъ золъ“...

„Церковь должна наконецъ напоминать людямъ о томъ, что быть христіаниномъ значитъ извѣстнымъ образомъ *жить*, а не только извѣстнымъ образомъ *мыслить*. Пастыри Церкви, вы не должны оставлять свою паству въ томъ заблужденіи, что, ведя лично безупречную жизнь, усердно посѣщая храмъ Божій, воздерживаясь отъ дурныхъ поступковъ, можно считать исполненнымъ свой долгъ въ качествѣ послѣдователей Христа. Вы должны объяснять, что лишь дѣйствительной работой, притомъ работой, по примѣру Христа направленной на улучшеніе условій людской жизни, можно заслужить одобреніе Господа и спасти свою душу“.

Мы привели эти обширныя выдержки изъ брошюры, изданной Соц. Христіанскимъ Союзомъ, такъ какъ полагаемъ, что она можетъ дать читателю хорошее представленіе объ изданіяхъ Союза, имѣющихъ болѣе общій, принципіальный характеръ. Какъ мы уже говорили, Союзъ за время существованія выпустилъ много такихъ брошюръ, составленныхъ частью свѣтскими, частью духовными лицами. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Церковь и соціальныя проблемы нашего времени“ (еписк. Хентингопона), „Роль Церкви въ современномъ городѣ“ (пастора Рэнсфорда), „Соціальные взгляды Отцовъ Церкви“ и т. д. „Политическая экономія и практическая жизнь“, „Церковь и ея отношенія къ вопросу о правахъ собственности“, принадлежащія извѣстному англійскому экономисту доктору богословія и доктору правъ, профессору Кэмбриджскаго университета Кеннингаму (Cunningham), рѣчь того же ученаго о „Стачкахъ“, проповѣдь „О человѣческихъ обязанностяхъ“, произнесенную (извѣстнымъ всѣмъ, интересующимся современной экономической жизнью въ Англіи) епископомъ Дургамскимъ Брукъ Весткотомъ (проповѣдь была произнесена въ Дургамскомъ соборѣ), и нѣкоторыя другія аналогичныя изданія.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе 3
Почему намъ не вѣрятъ? 5
Духовенство и общественные вопросы 12
Господа и слуги 24
Не все правда 33
Уста Церкви молчатъ 40
Изъ кого долженъ состоять церковный соборъ? . . 53
„Первосвятитель“ или „первоприсутствующій?“ . 64
„Правящій соборъ“ 71
Объ областномъ управленіи въ Церкви 79
Епископъ и епархіальные съѣзды 86
Епархіальные и благочинническіе съѣзды 93
Епископъ и консисторія 103
Церковный судъ 113
Въ „Весеннемъ потокѣ“ 154
Женщина въ „Весеннемъ потокѣ“ 170
Проклятые вопросы и церковь 181
На зарѣ 209

ПРИЛОЖЕНІЕ:

I. Соціальный христіанскій союзъ въ Америкѣ. 216
II. Вопросъ объ участіи Церкви въ рѣшеніи современныхъ соціальныхъ проблемъ 223

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА,

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, магазинъ № 45,

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Миртовъ, П. А., свящ. По Завѣту Христову. Сборникъ статей Съ рис. Спб, 1905 г., ц. 60 к, въ кол. переп 1 р 35 к.

— Назіанзскій отшельникъ. Съ изобр св. Григорія Бог Спб, 1905 г., ц. 30 к.

— Въ дали вѣковъ. (Разсказъ изъ эпохи крестныхъ страданій Спасителя). Спб., 1905 г. ц 30 к.

Михаилъ, архим Почему намъ не вѣрятъ? Къ церковной реформѣ О церковно-общественныхъ злобахъ дня Спб. 1906 г., ц 50 к

Михайловскій, В., прот. Библейскій Богословскій словарь. Изд. 4-е. Спб., 1899 г, ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р

— Воскресные листки. Объясненіе Евангельскихъ чтеній на литургіи во всѣ воскресные дни года и краткое изложеніе историч. причинъ къ особенному священ. празднов. нѣкот. дней въ году. Изд. 4-е, испр въ текстѣ и дополн. картинками. Спб., 1885 г., ц. 1 р. 50 к.

Москалевичъ, Р., свящ. Двѣ ночи и два дня изъ земной жизни Богочел. Госп. нашего Іисуса Христа. Размышл христ., посвящ. юношеству. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 25 к *Допущ. въ библ. дух. сем. и среднихъ учебн. зав. Мин. Нар. Просв.* (Церк. Вѣстн, 1879 г., № 16—17).

Навиль, Эрн. Христосъ. Публичн. чтенія. Спб., 1901 г., ц. 75 к.

Наумовичъ, І., прот. Какъ въ простотѣ живутъ люди. Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Изд. 2-е. Спб., 1900 г., ц. 50 к. *Мин. Народ. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библ средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Христіанскія добродѣтели. Изд. 3-е. Спб., 1900 г., ц. 25 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ ср. уч. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Начало и конецъ нашего земнаго міра. Опытъ раскрытія пророчествъ Апокалипсиса. Части I и II. Спб., 1904 г., ц. 1 р.

Бесѣды о таинствахъ природы. Откровенія и богосл. Спб., 1903 г., ц. 30 к.

Судъ надъ міромъ и обновленіе его. Опытъ раскрытія пророчествъ откровенія или Апокалипсиса. Спб, 1903 г., ц. 40 к.

Недешевъ, І., свящ. Законъ Божій для полковъ учебныхъ командъ. Одобр. Главн. Ком. по образов. войскъ. Изд 5-е Спб, 1891 г., ц. 30 к.

Недзѣльницкій, І., свящ. Злой врагъ человѣка, или что посѣешь, то и пожнешь. (Противъ пьянства). Изд. 4-е. Спб, 1904 г., ц. 5 к.

— Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. Изд. 2-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р.

Неофитъ, архим. Пагидасъ. Нравственныя бесѣды на Воскресныя Евангелія. Перев съ греч. Изд. 2-е. Спб., 1884 г., ц 75 к, въ коленк. перепл. 1 р. 50 к.

Никаноръ, еписк. Православно-Христ. Нравст. Богосл. Сост. примѣн. къ семин. прогр. Изд. 2-е, напечат безъ перем. съ 1-го изд, которое *Учебн. Ком при Святѣйшемъ Сунодѣ въ 1891 г. допущено къ пріобр. въ библ. духовн. семин.* Спб., 1894 г., ц. 80 к.

— Святый Аѳанасій великій, архіепископъ Александрійскій и его избранныя творенія. Спб., 1893 г., ц. 1 р.

Нордовъ, В., прот. Катихизическія поученія, содержащія въ себѣ два поученія предуготовительныя: 23 на Священный Символъ вѣры; 12 на молитву Господню и Блаженства Евангельскія; 12 на Божественное десятословіе и одно поученіе заключительное Изд. 5-е. Спб., 1891 г., ц. 1 р. *Мин. Нар. Пр одобр. для пріобрѣт. въ учен. библ. сред учеб. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375

— Бесѣда самого съ собою, или мысли на досугѣ. Спб., 1868 г., ц. 60 к.

— Бесѣды на воспоминаніе священ. событій и приснопамятныхъ лицъ, произнесенныя на всенощныхъ бдѣніяхъ. Изд. 2-е. Спб, 1870 г., ц. 75 к.

— Сѣятель Благочестія или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ (съ портр. автора). Въ двухъ том. 1.200 стр. уборист. шр. Томъ 1. І. Бе-

сѣды на Божественную Литургію II. Бесѣды на блаженства Евангельскія. III. Бесѣды въ воспоминаніе священныхъ событій. IV. Катихизическія поученія. V. Слова на великіе праздники, дни воскресные и воскресные дни великаго поста. Томъ 2. Церковно-проповѣдническое трехлѣтіе, заключающее въ себѣ слова и поученія на разные случаи. Изд. 2-е. Спб., 1891 г., ц. 5 р., въ изящн. кол. перепл. съ золот. тисн., ц. 7 р. *Мин. Нар Просв. одобр. для пріобрѣт. въ ученич библіот. средн. учебн завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Образцовъ, П., свящ. Исторія Христіанской Церкви. Общедоступно изложенная. 3 вып. Гатчино. 1877 г., ц. 2 р.

— Опытъ толкованія книги св. пророка Захаріи. Спб., 1873 г., ц. 1 р.

Объясненіе Божественной Литургіи. Изданіе шестое, значительно дополненное. Съ 11-ю рис. Общія понятія о литургіи.—О святомъ храмѣ.—О священныхъ одеждахъ и сосудахъ.—О проскомидіи.—Литургія оглашенныхъ.—О литургіи вѣрныхъ. Спб., 1887 г., ц. 30 к.

Одинцовъ, Н. Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка. Церк.-историч. изслѣд. Спб., 1881 г. 300 стр., ц. 1 р 50 к. *Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Сѵнодѣ для фундаментальныхъ библ. духовн. семинарій.*

О Евангеліяхъ Изд. 2-е. Спб, 1898 г., ц. 20 к. *Одобр Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для библ. средн. и низш. учебн. зав.* (30 марта 1885 г., № 5188).

О земной жизни, ученіи и страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ двѣнадцатью рисунками. Изд. журн. „Мірской Вѣстникъ". Спб., 1878 г., ц. 20 к.

О молитвѣ и увѣщаніе къ мученичеству, твор. учителя церкви Оригена. Съ первоначальн. текста перев., съ примѣч. Н. Корсунскаго. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Палимпсестовъ, И. У. Мои воспоминанія объ Иннокентіи, архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ. Спб., 1888 г., ц. 1 р. 50 к.

Пановъ, І., прот. Приготовленіе христіанина къ вѣчности. Спб., 1902 г., ц. 5 к.

Платоновъ, І, прот. Способы православно-христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ Закону Божію въ начальной школѣ. Изд. 7-е *Одобрено Учил. Сов при Св. Сѵнодѣ.* Спб 1906 г., ц. 40 к

Погодинъ, М. П. Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Разъясненіе истинъ бытія, жизни, смерти, начала, конца, несчастія, душа, вѣра, вѣчность, зло, безсмертіе и загробная жизнь. Изд. 4-е М., 1884 г., ц. 3 р.

Покровскій, І. Исторія единой святой соборной и апостольской церкви Христовой, въ объемѣ курса среднеучеб воен. и гражд. завед. Спб., 1875 г., ц. 50 к.

Покровскій, П. Курсъ практическаго руководства для пастырей. Часть общая.— Сост. примѣнит. къ прогр. препод. Тульской дух. семин. Изд. 2-е. Спб.. 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к.

— Очерки методики народной школы. 5-е изд., исправл. Спб., 1904 г., ц 50 к.

Полисадовъ, І., прот О загробной жизни. Противъ спиритовъ. Слово на Евангел притчу о богатомъ и Лазарѣ. Спб., 1881 г., ц. 15 к.

Поляковъ, П. Подъ сѣнью благодати. Изъ путевыхъ набросковъ и впечатлѣній паломника. Спб., 1904 г., ц. 50 к

— Голосъ народа. Содержаніе: 1. Мало ученія. — 2. Новые просвѣтители. — 3. Безприходные. — 4. Великое дѣло.— 5. Евангеліе безъ Церкви — и проч. Спб, 1905 г., ц. 50 к.

Поминанье (для записыв. о здравіи и за упокой), отпечат. на лучшей почтов. бумагѣ. Спб., ц въ красив. коленк. пер. съ футл. 60 к., въ шагрен. переплетѣ 1 р.

Помощникъ и покровитель быть мнѣ во спасеніе. Изд. 2-е. М., 1887 г., ц. 25 к.

Поповъ, Евг., прот. Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Общенародныя бесѣды, въ 2 частяхъ. Изд. 2-е, испр и дополн. Спб., 1893 г., ц. 2 р., въ изящ. коленк. перепл. 3 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. училищъ и въ безплатн. народныя читальни и библіотеки.*

— Объ исповѣди. Домашнія наставленія духовнаго отца говѣющимъ, съ приложеніемъ свойственныхъ исповѣднику молитвенныхъ возношеній къ Богу. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учи-*

тельск. библ. низш. училищъ и въ безпл. народн. читальни и библ.

Поповъ Евг, прот. О святомъ причащеніи Домашнія наставленія пастыря готовящимся ко свят. причаст., съ прилож. молит. возношъ къ Богу во дни причастные. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к *Мин Нар. Пр. отъ 10—19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

— По православ.-догматическ. богословію. Общенар. бесѣды. Въ 6 част. Изд. 3-е, вновь исправл. и дополн. Пермь. 1880 г, ц за всѣ 6 кн. 6 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

— Общенародныя чтенія по православно-нравственному богословію. Въ порядкѣ десяти заповѣдеи Божіихъ. Въ 2 ч., изд. 2-е. Спб, 1901 г., ц. 3 р., въ роск. кол. пер. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г, за № 31977, допущено въ учит библіот. низшихъ учил. и въ безпл. нар. чит. и библіот.*

— Письма по православно-пастырск. богословію. Въ 4 частяхъ. Издан. 2-е, исправл. и знач. пополн. Пермь, 1877 г., ц. за всѣ 4 ч. 2 р. *Одобр. для пріобр. въ фунд. и учен. библ. дух. семинарій, какъ сочиненіе, знакомство съ котор можетъ быть не безполезно какъ для наставниковъ, такъ и для учениковъ при изуч. практ. руков. для паст.* („Церк. Вѣстн." 1876 г., № 8).

Поселянинъ, Е. Русскіе подвижники 19-го в. Историко-біограф. очерки. Изд. 2-е, значит. исправленное и дополн., всего 45 жизнеописаній подвижниковъ, прославившихся въ XIX вѣкѣ, съ ихъ портретами и видами (свыше 50-ти рисунковъ). Спб., 1901 г., ц. 2 р., въ роск. кол. переп. 3 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительск. библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

— Божья Рать. Разсказы изъ жизни святыхъ по Четьи-Минеѣ святителя Димитрія Ростовскаго. Съ рисунками. Спб., 1902 г., ц. 40 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библ.*

Поселянинъ, Е. Дѣтская вѣра и Оптинскій старецъ Амвросій. Съ портретомъ и рис. Спб, 1901 г, ц. 20 к. *Учеб. Ком при Свят. Сѵн. постановлено: одобрить для ученич. библіотекъ духовн. семинарій и женск. епарх. училищъ* („Церковныя Вѣдом." № 5-й, 1902 г.). *Мин. Народ. Просвѣщ. отъ 10 — 19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

— Русская церковь и Русскіе подвижники 18-го вѣка. Съ портретами и рисунками. Спб., 1905 г., ц. 1 р. 50 к., въ роск. кол. пер. 2 р. 50 к

— Въ похвалу Богородицѣ. (Знаменія Ея благодатной чудесной силы, явленныя вѣрующимъ чрезъ Ея св. иконы). Съ рисунками въ текстѣ Спб., 1903 г., ц. 40 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки.*

— Задушевныя бесѣды Спб., 1901 г., ц 20 к. *Учебн. Ком. при Свят. Сѵнодѣ постановлено. одобрить для ученическихъ библіот. духовн. семинарій и женск. епархіальн. училищъ* („Церк. Вѣдом." № 5-й, 1902 г.).

— Преподобный Серафимъ Саровскій чудотворецъ (съ новыми свѣдѣніями о старцѣ). Съ рисунками. Спб., 1903 г., ц. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисненіемъ 1 р. 25 к. Дѣяніе Святѣйшаго Сѵнода.—Вѣсть о прославленіи старца Серафима. — Жизненный подвигъ старца Серафима.—Кончина праведныхъ и послѣдніе дни земной жизни старца Серафима. — Что оставилъ по себѣ старецъ Серафимъ?—Легенда о старцѣ Серафимѣ Саровскомъ, Императорѣ Александрѣ I и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.—Изъ послѣднихъ чудесъ старца Серафима.—Птенцы старца Серафима Саровскаго. *Мин. Нар. Просв. допущено въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и въ ученическія библіот. низш. учил. 24 октября 1903 г, № 33010.*

Послѣднія минуты православнаго христіанина. Спб., 1886 г., ц. 30 к., въ изящн. кол. пер. 75 к

Преображенскій, П. А, прот. Писанія мужей апостольскихъ. Издан. въ русск. перев. со введеніями и примѣчан. къ нимъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переплетѣ 2 р. 50 к. *Ученымъ Комит. Мин. Нар Просв одобр. для библіот. средн. учебн. завед Мин.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ Изд. въ русскомъ переводѣ со введен. и примѣч. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц 1 р. 50 к , въ кол. перепл. 2 р. 50 к *Ученымъ Ком. Мин Нар. Просвѣщ. одобр. для библіот. средн. учебн. завед. Мин.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Причастникъ Святыхъ Христ. Таинъ. Размышленія, взятыя изъ сочиненій: св. Димитрія, митроп. Ростовскаго, Иннокентія, архіеп. Херсонскаго, Димитрія, архіеп. Волынскаго, Ѳеофана, еписк. Владимірскаго, прот. *Родіона Путятина* и другихъ. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для пріобрѣт. въ библіот. средн. и низш. учебн зав.* Спб., 1888 г., ц. 20 к.

Путятинъ, Р., пр. Полное собр. поученій. Съ портр. автора. Изд. 25-е. Спб., 1901 г., ц. 2 р., въ перепл. 3 р. Поученія эти помѣщены въ каталогѣ книгъ для употр. въ низш. учил. Вѣд. Мин. Нар. Просв. въ отд. III для учен. библ и для нар. чтенія (стр. кат. 48, 1882 г.).

Пѣвницкій, В., проф. Кіевск. дух. акад. Служеніе священника въ качествѣ дух. руководителя прихожанъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ коленк. пер. 3 р. *Одобр. въ кач. учебн. пособ. при преп. практич. руков. для пастырей въ дух. семин.* („Церк. Вѣд." 1891 г., № 35. Цирк. 1892 г., № 10).

Пюшъ, Эме. Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Соч., удост. преміи франц. акад. нравств. и полит. наукъ. Перев. съ франц. А. А. Измайлова. Спб., 1897 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Робертсонъ, С. Джемсъ, каноникъ Кэнтерберійск., покойн. проф. церк. ист. въ королевск. коллегіи въ Лондонѣ. Исторія христіан. церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Перев. съ VI англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2 больш. том. (бол. 2.000 стран. уборист. шрифта). Спб., 1890 г., ц. за оба тома 10 р., въ роск. кол. пер. 12 р.

Рождественскій, проф. Христіанская апологетика. Курсъ основн. Богословія, читан. студ. Спб. Дух. Акад. 2 тома. Изд. 2-е. Спб , 1893 г., ц. 4 р., въ кол. пер. 5 р.

Романовъ, І. К., прот. Краткія поученія о богослуженіи православн. церкви. Спб., 1898 г., ц. 50 к.

— Полное собраніе поученій. Изд. 2. Два т., 8 д. л., болѣе 1300 стр. убор печ. Спб., 1887 г. ц. 4 р. 50 к., въ роск. пер 6 р

— Учебники по закону Божію:

I. Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Въ 4-хъ вып., содержащ. въ себѣ: Вып. 1. „Молитвы, заповѣди, символъ вѣры и о главнѣйшихъ праздникахъ Православн. Церкви". Изд 9-е исправл. Спб., 1905 г., ц. 20 к. *Допущ. Учен. Комит. Министр. Нар. Просв. для употр. въ начальн. учил. въ кач. учебн. руководства.* Вып. 2. „О церкви, какъ мѣстѣ общ. богосл., о принадл. ея, съ присовокупл. краткаго объясн. литургіи. Съ 100 рис., изображ. одежду, утварь и всѣ принадл. Церкви". Изд. 4-е, испр. и дополн. Спб., 1885 г., ц. 25 к. Вып. 3. „Священная исторія Ветхаго Завѣта". Изд. 4, испр. Спб., 1882 г., ц. 25 к. Вып. 4. „Священная исторія Новаго Завѣта". Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, Спб., 1894 г., ц. 25 к.

— II. Уроки Закона Божія по Катихизису. Изд. 5-е. Спб., 1904 г., ц. 30 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— III. Уроки о Богослуженіи Прав. Церкви. Съ 98 рис. въ текстѣ. Спб., 1886 г., въ 16 д. л. 250 стр., ц. 50 к.

— IV. Уроки по церковной исторіи. Изд. 2. Спб., 1886 г., ц. 60 к.

— V. О правильномъ и душеполезномъ приготовленіи къ исповѣди. Спб., 1889 г., ц. 10 к.

— VI. Краткіе уроки о нравственной христіанской жизни и о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанъ. Спб., 1889 г., ц. 15 к.

Руновскій, П., свящ. Сборникъ поученій. Спб., 1887 г., ц. 1 р.

— Значеніе христіанства въ духовно-

нравственномъ развитіи и отношеніе его къ благоустройству земной жизни человѣчества. Спб., 1889 г., ц. 40 к.

Русановъ, Н., прот. Катихизическія поученія, приспособленныя къ пониманію простого народа. Изд. 2, исправл. и дополн. Спб., 1897 г., ц. 1 р. 25 к.

— О православной христіанской вѣрѣ по ученію Слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ и штундистовъ Вып. I и II. Спб., 1891—1897 г., ц. 60 к.

— Краткія поученія къ простому народу. Изд. 2-е, дополн. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Поученія (произн. въ гор. Бугурусланѣ и Самарѣ). Спб., 1893 г., ц. 50 к.

— Поученія изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта. Спб., 1893 г., ц. 50 к.

Свирѣлинъ, А., прот. Православное исповѣданіе христіанской вѣры въ Четіихъ-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Спб., 1893 г., ц. 60 к.

Свѣтила Церкви. Спб., 1886 г., ц. 1 р.

Свѣтловъ, П. Я., М. Б. проф. свящ. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанск. религіи и философіи Изд. 2-е. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Святый Димитрій Ростовскій и его избранныя творенія, перевед. на русскій языкъ. Спб., 1888 г., ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ изящн. пер. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Семеновъ, Я Д Руководство къ духовно-нравственной жизни. По сочиненіямъ св. Ефрема Сирина и другихъ духовныхъ писателей. Спб., 1901 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низшихъ училищъ и въ безпл. народныя читальни и библіот.*

Сергій, Д. Б., арх. Влад. Бесѣды объ основныхъ истинахъ святой православной вѣры. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб., 1899 г, ц. 1 р. 25 к., въ коленк. переп. 2 р. 25 к. *Внесена въ списокъ книгъ, одобр. Уч. Сов. при Св. Сунодѣ, для библ. церк.-прих. школъ* („Цер. Вѣд." № 2, 1896 г.). *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (4 августа 1903 г., № 23684).

— Православное ученіе о почитаніи святыхъ иконъ и другія соприкосновенныя съ нимъ истины православной вѣры. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 25 к. *Мин. Нар Просв. допущена въ учен. биб. ср. учеб. зав.* (4 авг. 1903 г., № 23684).

Сергій, Д. Б., арх. Влад. Святый и животворящій крестъ Господень. Изд. 4-е. Спб., 1899 г. ц. 6 к.

Сильвестръ, арх. Кавк. и Астр. Приточникъ Евангельскій. Объяснен. находящихся въ св. Евангеліяхъ притчей, основ. на свящ. пис. и мнѣніяхъ св. отцовъ и учит. церк., съ прил. нравоназид. размыш. Изд. 4-е (пересм.). Спб., 1894 г., ц. 1 р. *Учебн. Ком. при Св. Сунодѣ допущена въ фунд. библ. средн. духовно-учебныхъ заведеній.*

Синайскій, А. Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

— Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядчества въ первые годы Сунодальнаго Управл. при Петрѣ Великомъ (1721—1725 г) Спб., 1892 г., ц. 1 р. 75 к.

— Отношенія древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). Спб., 1899 г., ц. 1 р.

Скальскій, К., свящ. Литургія св. Іоанна Златоустаго. Руководство для священно и церковно-служителей при Архіерейской службѣ, съ изложеніемъ порядка посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и награжденія набедренникомъ, скуфьею, камилавкою и проч. Спб., 1902 г., ц. 30 к.

Славинъ, А. Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 20 к.

— Размышленія кающагося грѣшника о страшн. Судѣ или о второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа на землю и всеобщ. воскрес. мертвыхъ. Изд. 4-е, дополн. Спб., 1897 г., ц. 15 к.

Смирновъ С., свящ. Сарат. епарх. Алфавитный сборникъ распоряж., необходимыхъ для каждаго члена причта. Настольн. книга „Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона" (Осн. зак., ст. 62). Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

Снессорева, С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворн. ея иконъ, чтимыхъ православн.

церк. на основаніи свящ. писанія и церковныхъ преданій. Съ изображен. въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб., 1898 г., ц. 3 р., въ рокк кол. перепл. 4 р. *Внесена въ кат. книгъ для употр. въ низ. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв. и для публ. нар. чтеній* (стр. кат. 135, 1901 г.).

Соколовъ, А., прот. Священная исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школѣ и дома. Ветх. и Нов. Зав. Съ 55 рис. по ориг. Доре и Плокгорста и съ 109-ю полит. въ текстѣ. Спб., 1905 г., ц. 1 р., въ изящномъ коленкор. перепл. съ золот. тис. 2 р.

Соколовъ, И. И. Аѳонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

Соловьевъ, І, свящ. Пособіе къ доброму чтенію Святой Библіи (Руководств. свѣдѣнія объ ея богодухнов. значеніи, составѣ, раздѣленіи и внѣшнихъ особенност., о происхожд., содерж. и богослуж. употребленіи каждой изъ свящ. книгъ, Библіи въ отдѣльности). Изд 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол пер 2 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш учил. и въ безпл. народ. чит. и библ.*

Соловьевъ, І, свящ. Что нужно знать правосл христ о св. Евангеліи. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

Соловьевъ, Н. И. Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приход. духовенства. Изд. 2-е, значит. дополн. Спб. 1902 г., ц. 1 р., въ изящн. коленкор перепл. 1 р 75 к. *Мин. Нар. Просв допущена въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ завед. Мин.* (17-го ноября 1903 г., № 35999).

Спасскій, П. Н., членъ-дѣлопр. Новг. Еп. Учил. Сов. Сборникъ правилъ о школахъ церковно-приходскихъ и грам., съ относящимися къ нимъ опредѣл. и указ. Св. Сѵн., Училищн. при ономъ Совѣта и Новгородск. епарх. начальства. Спб., 1898 г., ц. 60 к.

Спасскій. П. Н., членъ-дѣлопр. Новг. Еп. Учил Сов. Толкованіе на пророческія книги Ветхаго Завѣта, составл. на основаніи святоотеч. толков. примѣнит. къ славян. и греч. (70) тексту по прогр. для 4-го кл. дух. семин. Книги прор.: Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Дан. *Одоб. Уч. Ком. при Св. Сѵн. къ употребл. въ кач. уч пос по Свящ. Пис. при прохожденіи курса IV кл дух. сем.* Изд. 2. Спб, 1899 г., ц. 2 р.

Стратилатовъ, К., свящ. Катихизическія бесѣды къ сельскимъ прихожан. Изд. 5-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе церковныхъ поученій для простого народа. *Удостоенныя преміи Свят Сѵн.* Изд. 3-е. Спб., 1903 г., ц. 1 р. 50 к. Въ 2 ч. Часть I. Поученія на Сѵмволъ вѣры, молитву Господню, Блаженства евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ. Часть II. Поученія объ обрядовомъ богослуженіи православной Церкви, съ присовокупл. поуч. на общеупотр христіан. молитвы. *Одоб. для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. завед Мин. Народн. Просв.* (№ 14375, 21 іюля 1894 г.).

Тренчъ, арх. Дублин. Толкованіе притчей Господа нашего Іисуса Христа. Переводъ съ англійскаго, сдѣланный покойнымъ А. З. Зиновьевымъ. Изд. 2-е, вновь пересм. и испр. по посл. XV изд. подлинника. Спб., 1888 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 3 р.

— Чудеса Господа нашего Іисуса Христа. М. 1883 г., ц. 1 р. 30 к.

Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбран. изъ житій святыхъ. Съ 16-ю рис. акад. Ѳ Г. Солнцева. Изд. 18 (5 иллюстрир.). Посвящ. церк.-прих. школ. Спб., 1899 г., ц. 80 к., съ перес. 1 р. 15 к. Въ кол. изящн. перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 15 к. *Мин. Нар. Просв. одобрена для пріобр. въ библ. средн. учебн. заведеній* 21 іюля 1894 г., № 14375. *Внесена въ списокъ книгъ для библ церк.-прих. школъ* (Церк. Вѣд № 2, 1896 г).

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по **20** коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ религіозно-нравственныхъ.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ

Фарарръ Ф. В., Раскаяніе—основаніе нравственнаго совершенства. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск Спб., 1898 г., ц 2 р, въ изящн. коленк. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ учен. библ. средн. учебн. зав.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Искатели Бога. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго (съ рис). Спб, 1898 г., ц. 1 р 50 к, въ пер. 2 р.

— Семейный очагъ. Мужчина и женщина. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р. *Мин. Нар Пр. допущена въ учен библ средн учеб зав. Министерства (4 февр 1903 г. № 4099).*

— Христіанская отвѣтственность. Бесѣды о нравственности. Съ англ Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р 50 к., въ кол пер 2 р. *Мин Нар. Просв допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебн. завед. Мин.* (4 февраля 1903 г, № 4099)

— Христіанскіе труженики. Съ англ. Ф. С. Комарскаго Спб., 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл 1 р.

— Молитва, какъ средство къ утоленію печали. Спб., 1888 г., ц 10 к

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниговск. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ портр. автора. Въ 2-хъ част Изд. 3-е. Спб., 1884 г. ц. 3 р., въ кол пер 4 р.

— Гласъ Божіи къ грѣшнику. Спб, 1891 г, ц. 30 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. одобрено для ученич библ. средн. и низш. учебн. заведеній* (2 сент. 1884 г, № 12959)

— Житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія, славянскихъ просвѣтителей. Въ память тысячелѣтія. Спб., 1885 г, ц. 10 к.

— Житіе св. Митрофана, епископа Воронежскаго. Съ изображеніемъ. Спб 1904 г, ц. 10 к.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, въ 3 том. (860 стр.). Спб., 1882 г., ц. 5 р., въ коленк пер. 6 р. *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. рекомендована для фундам. библ. средн учебн. заведеній.* Внесена въ Справочный каталогъ книгъ *для библіотекъ церковн. школъ.* Спб. 1900 г., стр. 48-я.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви (въ сокращеніи). Черниговъ, 1864 г., ц. 1 р. 25 к.

— Исторія русской Церкви. Изд. 6-е. Большой томъ въ 840 стр. Спб., 1894 г., ц. 3 р, въ изящн. коленк. переп. съ золот. тисн. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фундам. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниг. Житія святыхъ подвижницъ Восточной Церкви. Изд. 3-е, съ изображ. св. подвижницъ, академ Ѳ. Г Солнцева. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. 2 р. 25 к *Ученымъ Комитет. Минист. Народн. Просв. одобрено для фундамент. и ученическ., старш. возраст, библіот. средн. учебн. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житія святыхъ, чтимыхъ православной Церковью Съ изображ. святыхъ и праздн. акад Ѳ. Г. Солнцева. На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, 12 мѣсяцевъ Январь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1900 г, ц за всѣ 12 кн. 15 руб., въ роск коленк. пер. въ 6 кн. 20 р., въ 12 кн. 24 р. *Мин. Народ. Просв. внесена въ каталогъ книгъ для безплатн народныхъ читаленъ и для ученич. библ. средн. учебныхъ завед Мин Нар. Просв* Стр кат. 17-я, 1897 г.

— Историческіи обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой Церкви. Изд. 3-е, съ дополн Спб, 1902 г, ц 1 р 50 к., въ коленк. перепл. 2 р 50 к *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ для библ. средн. и низш. учеб. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.* (1 іюня 1903 г., № 17109).

— Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, съ поправк. и дополн. автора. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р. *Учен Ком. Мин Нар. Просв. одобр. для фунд и ученич., старш возраста, библіот. средн. завед.* (25-го ноября, 1898 г., № 28740).

— Опытъ объясненія на посланіе ап. Павла къ галатамъ. Черниговъ, 1862 г., ц. 75 к.

— Православное догматическое богословіе. 2 т. Изд. 3-е. Спб., 1882 г., ц 3 р., въ коленк пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар Просв рек. для фунд. библ. ср. уч зав.*

— Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Съ изобр. свят. акад. Ѳ Г. Солнцева Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн пер. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв одобрено для фундам.*

и ученич., ст. возр., библіот средн. учебн. завед. (25 ноября 1898 г., № 28740).

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниг. Слова, бесѣды и рѣчи. Въ 4-хъ ч. Изд. 3-е Спб., 1883 г., ц. 3 р. 50 к., въ роск. пер. 4 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фунд. библ., средн. учебн. завед.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— *Ученіе евангелиста Іоанна о Словѣ.* Черн., 1869 г., ц. 1 р. 25 к.

Хергозэрскій, А. Обозрѣніе пророч. книгъ Ветх. Завѣта. Изд. 4-е, исправл. Спб., 1899 г., ц. 1 р. *Прин. учебн. рук по Св. Пис. въ дух. сем.* («Церк. Вѣстн.» 1875 г., № 22 и 1880 г., № 43).

Хитровъ, М. И., прот. Древняя Русь въ великіе дни. Съ рис. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 30 к. *Учебн. Ком. при Св. Сун. одобрена для ученич. библ. дух. сем., муж. дух. и женск. епарх. уч.* («Церк. Вѣд.», № 49-й 1899 г.).

Христіанскія размышленія на каждый день мѣсяца. Спб., 1904 г., цѣна 10 к.

Чепурковскій, Д. В. Подготовка къ вѣчному блаженству. Спб., 1891 г., ц. 20 к.

Шарбонель, В. Жажда жизни. Философско-нравствен. разсужденіе. Съ фр. Ф. С. Комарскій. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Шаффъ Ф., д-ръ и проф. богосл. Іисусъ Христосъ — чудо исторіи. Соч., заключающее въ себѣ опроверженіе ложныхъ теорій о лицѣ Іисуса Христа, и собраніе свидѣтельствъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его, со стороны невѣрующихъ. Изд. 3-е Спб., 1896 г., ц. 1 р., въ кол. изящн. пер. 1 р. 75 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундам. и учен., старш. возраста, библ. средн. учеб. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Ширкевичъ, С., свящ. Церковно-славянскій словарь. Пособіе при чтеніи и разборѣ свящ. и богослужебныхъ книгъ (Для духовн. учил. и др. школъ). Изд. 4-е, вновь испр. и дополн. Спб., 1904 г., ц. 15 к. *Внесена въ кат. книгъ для употр. въ низш. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв., для безпл. народн. чит.*, стр. кат. 4-я, 1897 г.).

Шкабельниковъ и Петровъ. Знаки благотворит. обществъ и правила награжд. ими лицъ за оказ. помощь дѣлами благотв. Съ рис. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Ювачевъ, И. Между міромъ и монастыремъ. Очерки и разсказы. Спб., 1903 г., ц. 50 к. Содержаніе: Въ затворѣ.—Три дня у иноковъ. — Лечебница души. — Монастырская работа. — Въ трапезной.—Борьба съ родителями.—Смиренный. — Что выше: любовь или послушаніе? — Искушеніе. — Послушаніе.— Друзья. — Обращеніе старовѣра. — На пасѣкѣ. — Испытаніе. — Сестра Варвара.—Странникъ.—Исканіе пустынножительства.

Яковлевъ, Ѳ. Апокалипсисъ, съ очеркомъ жизни св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Съ иллюстраціями худ. Г. Доре. Изд. 2-е Спб. 1905 г., ц. 1 р., въ изящн. коленк. переплетѣ 2 р.

Ярославская, К. Л. (кн. Е. В. Львова). Общедоступное чтеніе во время говѣнія. Выбранныя мѣста изъ поученій: св. Тихона Задонскаго,— Евсевія, архіепископа Могилевскаго, — Иннокентія, архіеп. Херсонскаго — и протоіерея Р. Путятина. *Рек. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для библ. гор. и нар. учил.* Изд. 5-е. Спб. 1902 г., ц. 15 к.

— Пасха Красная. Сборникъ для назидат. чтенія во дни Святой недѣли. Одесса, 1898 г., ц. 80 к., съ пер. 1 р. *Особ. отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. доп. въ ученическ. библ. средн. и низш. учил. и въ безпл. нар. чит. и библіот.* (20 марта 1903 г., № 9500).

Ѳаворскій, Д., свящ. Православное христіанское нравств. ученіе и современная естественно-научная мораль. Спб., 1900 г., ц. 15 к.

— Христіанскіе догматы о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ, въ связи съ философ. воззрѣн. на загробную жизнь человѣка. Спб., 1900 г., ц. 30 к.

Ѳома Кемпійскій. О подражаніи Христу. Четыре книги. Перев. П. Мѣщаниновъ. Спб., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. 1 р. 50 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по **20** к. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ религіозно-нравственныхъ книгъ.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.